

ENGLISH

FRENCH

ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Сборник статей

II Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)

30 сентября 2008 г.

GERMAN

PERSIAN

JAPANESE

CHINESE

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
И МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

*Сборник статей
II Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)*

30 сентября 2008 г.

Издательский дом «Астраханский университет»
2008

ББК 81.00
О-752

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Редакционная коллегия:

Г.В. Рабичкина (главный редактор),
Н.И. Криных (заместитель главного редактора),
Л.И. Балашова, Л.Д. Криных, О.Б. Смирнова

Основные проблемы современного языкознания [Текст] : сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 30 сентября 2008 г., г. Астрахань / сост. О. Б. Смирнова. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 230, [3] с.

Включает материалы II Всероссийской конференции (с международным участием) «Основные проблемы современного языкознания», посвященной изучению наиболее актуальных и значимых проблем лингвистической науки: лингвистики текста и речевого дискурса, проблем речевой культуры, обучения иностранным языкам и другим. Может быть полезен лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам.

ISBN 978-5-9926-0232-6

© Издательский дом
«Астраханский университет», 2008
© Смирнова О. Б., составление, 2008
© Свиридов В. Б., дизайн обложки, 2008

Уважаемые коллеги!

Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции «Основные проблемы современного языкознания» (с международным участием) выходит в преддверии празднования 450-летнего юбилея города Астрахани. Очень приятно, что есть возможность ознаменовать этот день замечательным содружеством ученых разных городов России и ближнего зарубежья, плодотворным сотрудничеством единомышленников, считающих делом своей жизни развитие великой науки – лингвистики. Сегодня можно отметить возрастание интереса к работе нашей конференции докторов и кандидатов наук, молодых ученых, аспирантов. Мы надеемся на дальнейшее сотрудничество!

Приглашаю вас к участию в конференциях, проводимых Центром научно-технического перевода и методической деятельности «Вавилон» в 2009 г.:

- III Международная конференция «Язык и межкультурная коммуникация» (март 2009 г.);
- III Всероссийская очная конференция «Основные проблемы современного языкознания» (сентябрь 2009 г.);
- III Международная конференция «Проблемы современной лингвистики и лингводидактики» (декабрь 2009 г.).

Также ЦНТПМД «Вавилон» публикует межкузловский сборник научных трудов по филологии.

Мы благодарим всех авторов за интерес, проявленный к нашей работе, желаем творческих успехов и процветания!

*Директор ЦНТПМД «Вавилон»
Г.В. Рабичкина*

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ)

Р.С. Азиева, С.Х. Карчиева

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик

В лингвистических работах по дискурсу понимание термина «научный дискурс» представлено в двух значениях: «1. Научное общение, представленное в совокупности устных и письменных, вербальных и невербальных текстов. 2. Конкретный научный текст, рассматриваемый в рамках контекста» [7, с. 35]. Выбранные нами определения научного дискурса довольно условны. Сам факт выделения научного дискурса в «широком понимании» основывается на понимании научной сферы как особой формы деятельности человека, играющей важнейшую роль в современном обществе. Данная сфера отличается особым узором, собственными параметрами общения, то есть является институциональной. Дискурс как явление отличается не только установленными социокультурными нормами, но и когнитивной базой, включающей не только определенные сценарии и фреймы, но и концепты, формирующие специфическую картину мира. Исходя из этого можно предположить, что понятия «научный дискурс», как и понятия «естественнонаучный дискурс», «научный гуманитарный дискурс», являются условными обобщениями. В процессе речевого взаимодействия людей они реализуются в таких частных понятиях, как «научный лингвистический дискурс», «научный исторический дискурс», «научный социологический дискурс», «научный биологический дискурс», «научный химический дискурс» и т.д. Безусловно, данные виды дискурса следует воспринимать как однородные, или подобные, так как они характеризуются общими институциональными установками, которые в совокупности представляют общее социокультурные закономерности функционирования научного дискурса, но при этом они различаются своей обращенностью к различающимся в определенных фрагментах когнитивным базам, картинам мира.

Незрывная связь дискурса с концептуальным миром человека заставляет нас обратиться к отдельным исследованиям, посвященным анализу и описанию этого понятия. В монографии доктора культурологии О.А. Корнилова «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» [9] предлагается использовать для изучения данного объекта несколько терминов. В качестве базового ученый предлагает принять понятие «языковая картина мира» (ЯКМ) как научный термин, но при этом он предлагает сопоставление национальных «точек зрения на мир» с неким

инвариантом научного знания. Таким образом, в работе ученого появляется термин «научная картина мира».

В своем исследовании О.А. Корнилов предлагает разграничивать понятия «научная картина мира», «национальная научная картина мира» и «языковая картина мира национального языка». Ученый утверждает необходимость уточнения данных понятий путем постановки перед ними дополнительного определения – «научная», «историческая», «лингвистическая» и т.д. Например, применительно к современному языковедению картина мира должна представлять тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка, знаний человека о языке, накопленных к определенному периоду времени и ставших достоянием представителей научной общественности в данной области знания; применительно к современной психологии научная картина мира должна представлять оформленную в соответствии с идеографическими отношениями единиц системную информацию о внутреннем мире человека и его психической деятельности и т.д.

Функция фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире является одной из главных, наряду с функциями общения, сообщения, воздействия, и в картине мира представлены знания о всех функциях языка: «Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания» [9, с. 4]. Под «научной картиной мира» исследователь понимает «всю совокупность знаний о мире, выработанную всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества» [9, с. 9]. В соответствии с постоянными изменениями в научном мире, или в научном дискурсе (в широком смысле слова) научная картина мира (НКМ) постоянно эволюционирует по мере познания мира, следовательно, НКМ можно считать парадигмой миропонимания. Таким образом, изменение парадигмы означает коренное изменение человеческих представлений о мире, то есть научную революцию.

О.А. Корнилов сформулировал существенные признаки НКМ:

- она постоянно изменяется;
- она всегда будет «меньше» объективного мира;
- она универсальна (едина) для всех языковых сообществ;
- она получает в каждом национальном языке национальную форму выражения.

Последнее свойство научной картины мира относится только к тем языковым коллективам, которые имеют традицию разработки, получения научного знания, традицию оперирования этим знанием. Если «НКМ – плод познавательной деятельности человечества, отражающей сегодняшнее знание общества о мире», то «ЯКМ – напротив, всегда субъективна, а, во-вторых, фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе форми-

рования языка, то есть на этапе первичного, наивного, донаучного познания мира» [9, с. 15]. «Изменения в ЯКМ происходят не под сиюминутным влиянием нового научного знания, а под воздействием многих факторов, среди которых, естественно, есть и научные знания. На изменение ЯКМ влияют не столько новые знания о мире, сколько изменяющиеся условия повседневной жизни, появление новых реалий, требующих своей вербализации и тем самым включения в ЯКМ» [9, с. 18]. Таким образом, научный дискурс – это система текстов, в которых фиксируются изменения в научной картине мира. Научная и языковая картины мира существуют параллельно, в некоторых ситуациях влияют друг на друга, сохраняя при этом принципиальные различия. Научная картина мира испытывает гораздо большее влияние со стороны языковой картины мира, так как последняя включает целый комплекс представлений человека о мире.

Если научная картина мира отражает точное, логическое знание о мире, то языковая картина мира включает и знания, не поддающиеся логическому объяснению, и латентные заблуждения. Общим же у них является одно – объект отражения, то есть реальный материальный мир.

Можно заключить, что научный дискурс является частью общего информационного дискурса, который обслуживает определенную социальную группу, и неразрывно связан как с научной картиной мира, так и с национальной языковой картиной мира.

Национальная специфика научной картины мира определяется тем, что ее можно ограничить сферой пересечения научной картины мира и языковой национальной картины мира. В состав национальной научной картины мира следует включить концепты научных понятий, используемых в той или иной системе знания, фреймы и поведенческие сценарии, характерные для данного национального социального континуума.

Научная национальная картина мира (ННКМ) неоднородна, так как не может являться принадлежностью конкретного индивида. Отдельная языковая личность владеет лишь определенным фрагментом ННКМ, связанным с определенной областью знания.

Таким образом, под научным дискурсом в настоящей работе понимается: 1) сфера обмена научной информацией в целом (мы будем обозначать это значение термином «макродискурс»); 2) актуализированный конкретный текст. Если, по меткому выражению Н.Д. Арутюновой, дискурс – «это речь, погруженная в жизнь» [3, с. 137], то научный дискурс – совокупность речевых актов или отдельный речевой акт, который стремится изменить наши знания о жизни. В таком понимании научный дискурс – это текст в совокупности с определенными обстоятельствами его порождения и восприятия, в которых осуществляется его актуализация. В этом отношении изучение и описание научного дискурса невозможно без учета прагматического аспекта бытования текста. При этом на первый план выдвигаются

ситуативные и конситуативные характеристики общения, параметры общения, социолингвистические характеристики участников общения.

Научный макродискурс является формой существования и развития научного знания, а конкретный дискурс представляет часть непрерывного потока научного общения, отражая одновременно и частные характеристики, при которых был создан данный научный текст. Так, Б.М. Гаспаров относит в этом характеристикам «1) коммуникативные установки автора, 2) взаимоотношения автора и адресата, 3) “обстоятельства” значимые и случайные, 4) общие идеологический и стилистический климат той конкретной среды и конкретных лиц, которым сообщение прямо или косвенно адресовано, в частности, стилистические черты сообщения и коммуникативной ситуации; ассоциаций с предыдущим опытом, появившим в орбиту данного действия» [4, с. 10]. Коммуникативные установки участников научного дискурса являются в высшей степени типизированными: автор текста желает изменить точку зрения адресата на объект исследования путем описания этого объекта или аргументированного изложения различных связей внутри данной предметной области. Взаимоотношения автора и адресанта научного текста в научном дискурсе носят довольно регулярный характер, так как в большинстве случаев, за исключением учебной литературы, автор адресует свое сообщение равному партнеру, точку зрения которого на объект, по мнению автора, следует изменить или существенно расширить, дополнить. К значимым обстоятельствам ситуации порождения и восприятия текста следует отнести относительно равные presuppositions коммуникантов, к случайным – множество довольно типических факторов, которые касаются дискурсивной ситуации вокруг объекта исследования: обозначение объекта в данный момент времени, полемика вокруг объекта и значительная вовлеченность автора или адресанта в эту полемику, обобщение результатов исследования объекта и степени участия автора или адресанта в получении этих научных результатов. Общий идеологический и стилистический климат научного дискурса довольно точно описан в различных исследованиях по стилистике научной речи и этике научного общения [1; 2; 8; 11 и другие].

Личностные характеристики участников научного общения представляют неразрывное единство индивидуальных, социальных, национально-культурных особенностей индивида, которые реализуются в дискурсе в совокупности с особенностью конкретной ситуации общения, индивидуальной интерпретацией высказываемых пропозиций в зависимости от данной ситуации.

В соответствии со сказанным, научный дискурс – это общение в рамках научной сферы деятельности, рассматриваемое как речевое взаимодействие людей, принадлежащих к одной социальной группе, в рамках нескольких типических ситуаций, характерных для данной сферы общения. В этом плане В.И. Карасик предлагает различать два типа общения: ориентиро-

ванное и статусно-ориентированное (институциональное) [5, с. 27]. В первом случае говорящий и слушающий ориентируются на совокупность личностных качеств друг друга; во втором случае они интересуют друг друга только как представители той или иной социальной группы. Если личностно-ориентированный дискурс реализуется во многих разновидностях общения (бытовой, публицистический, художественная литература), то институциональный дискурс представлен в определенных типах общения, функционирующих в форме определенных социальных институтов (сфера управления, наука и т.п.).

Для определения научного дискурса как институционального необходимо классифицировать типовые интенции участников общения, статусные характеристики участников общения, поведенческие и стилистические нормы общения. Научный институциональный дискурс – это определенным образом клишированная разновидность общения между учеными, которые могут не быть знакомыми лично, но вынуждены взаимодействовать в соответствии с нормами социума, который можно определить как научное сообщество. В этом отношении ядром данного дискурса можно признать общение между двумя учеными, один из которых сообщает другому результаты проведенного им научного исследования.

Научный дискурс строится по определенным нормам и правилам, степень трафаретности которых в отдельных случаях приближается к идеалу, а в некоторых случаях нарушается. К жестким разновидностям научного дискурса как институционального относятся так называемые ритуальные тексты [6, с. 340], например, протоколы заседаний ученого совета, тезисы доклада, аннотация. В других разновидностях научного дискурса мы можем отметить определенные отклонения от установленных норм, так как создание научного текста, как, впрочем, и его восприятие, в форме которых в основном и осуществляется научное общение, происходит в течение нескольких речевых актов, следовательно, осуществляется не в тождественных условиях. В процессе жизнедеятельности люди практически постоянно общаются и переходят от одной коммуникативной ситуации к другой, от одного дискурса к другому, от личностно-ориентированного дискурса к институциональному. Выход за рамки определенного дискурса часто объясняется интерференцией поведенческих и стилистических норм дискурса, подменой целей общения, желанием воздействовать на определенный тип собеседника.

Таким образом, для исследования и описания какого-либо типа дискурса, в том числе и институционального, необходимо изучение культуры данной социальной группы, действующих в ней норм. Научный дискурс инициируется некоей проблемной ситуацией, которая возникает в процессе предметной или умственной исследовательской деятельности и начинается с того, что человек испытывает потребность, которая находится чаще всего за пределами собственно общения, в той сфере деятельности, которую об-

щение в данный момент обслуживает. Взаимодействие индивидов в научном дискурсе системно, оно складывается в соответствии с нормами социального взаимодействия, то есть носит социальный характер, и представляет реализацию общественного научного сознания, научной картины мира.

В наиболее общем виде установки участников общения можно определить следующим образом: «Речевое общение в психологическом плане состоит в том, что в основе моделирования наличного и желаемого состояния (по сути – двойного моделирования: наличного и желаемого состояния) и на основе знания о правилах оптимального перевода смысла (индивидуального) в значения (достояние общественное) говорящий кодирует желаемые изменения в сознании реципиента в виде языкового (речевого) сообщения. Реципиент, воспринимая данное сообщение, декодирует его и извлекает из него скрытую за внешним планом (планом значений) глубинную информацию, которая обуславливает реальное и потенциальное изменение его деятельности» [10, с. 171]. Следовательно, научный дискурс представляет совокупность синонимичных актов общения, которые характеризуются различными признаками: так, например, процессы порождения и восприятия речи могут быть одномоментными или осуществляться в различные промежутки времени, то есть восприятие является дистанцированным от порождения во времени и пространстве. Каналы передачи информации в этом случае могут быть различными (как устными, так и письменными), что для данного типа дискурса не является столь важным. Мы можем лишь констатировать, что в сфере научной деятельности основной является письменная форма передачи информации, она является первичной по отношению к устной форме, так как основные пропозиции любого научного текста складываются вначале в письменной форме и лишь потом «озвучиваются» в форме научных докладов и сообщений, поэтому письменный текст обладает большей значимостью, большим статусом, что во многом определило стилистические нормы научного дискурса.

Научная речь, как любая другая разновидность дискурса, разветвляется в речевой деятельности и подчиняется ее целям. Речевые действия участников научного общения направлены на апробацию собственных научных результатов с целью их распространения, обоснования их истинности, получения одобрения научной общественности, следовательно, они действуют по определенным регулятивным правилам, на основе которых осуществляется общение. Правила осуществления речевых актов – это содержание намерений и ожиданий говорящего по поводу возможностей слушающего осуществлять инициируемое говорящим действие, например, выполнить его просьбу в бытовой форме дискурса, принять информацию, согласиться с высказанными аргументами и изложенными результатами исследования, попытаться опровергнуть высказанные положения в научном институциональном дискурсе.

Любой научный текст становится дискурсом в результате актуализации, которая возникает всегда как в процессе создания текста, так и в про-

цессе его восприятия, которое невозможно без обращения к макродискурсу данной области знания, или контексту, в котором существует данный текст. Ситуация и текст эксплицитно присутствуют в любом акте научного общения, а presupпозиции участников и макродискурс чаще всего представлены в общении имплицитно, так как они являются «глубинными компонентами» акта коммуникации. В данном случае мы сближаем понятие «научный дискурс» и «контекст научного высказывания» потому, что то, что сегодня называют «интертекстуальностью» применительно к художественному тексту, и есть дискурс, в парадигме которого выступает тот или иной научный текст. Г. Парре выделяет пять моделей контекста: 1) речевой контекст, или контекст; 2) экзистенциальный контекст; 3) ситуационный контекст; 4) акциональный контекст; 5) психологический контекст [12]. В этом отношении речевой контекст прямо соотносится с интенциями говорящего и слушающего, экзистенциальный контекст – с когнитивной базой участников общения, или научной национальной картиной мира, то есть с общими presupпозициями участников. Ситуационный контекст определяется социальными нормами и институциональными сценариями, которые также отражены в картине мира ученых. Акциональный контекст апеллирует к системе социальных норм профессиональной деятельности, который является неотъемлемой частью методологии научного исследования и, следовательно, является в большинстве случаев институциональным, а в отдельных случаях он опирается на экзистенциальные presupпозиции, если речь идет об утверждении оригинальных методов получения знания. Психологический контекст научного дискурса связан с индивидуальными личностными характеристиками говорящего, которые вытекают из его характера, но также и социально-национальных параметров. В научном дискурсе, в силу его институциональности, последний вид контекста максимально нейтрализуется ситуационными и акциональными нормами.

Коммуникативный тип поведения участников научного дискурса связан, прежде всего, как уже говорилось, с их социальными характеристиками и установкой общения, которая в высокой степени регламентирована. Основной для данного типа дискурса следует признать обстановку, когда отправитель создает письменный текст в соответствии с собственными целевыми установками и предполагаемыми реакциями получателя сообщения, а последний воспринимает установку говорящего и основные пропозиции текста.

Научный дискурс существует в нескольких формах: предметной (дискурс обслуживает конкретную науку), национальной (дискурс обслуживает предметную область знания какого-либо национально-культурного сообщества), и межкультурной (дискурс обслуживает предметную область знания различных народов). Так как наиболее распространенным типом межкультурной коммуникации является межэтническая (общение между лицами, представляющими разные этнические группы), то основным типом межкультурного предметного дискурса является межэтнический дис-

курс. Другими типами межкультурной коммуникации являются: контр-культурная коммуникация (общение между представителями «материнской» и «дочерней» культуры), коммуникация среди представителей различных социальных классов и групп; коммуникация между представителями различных демографических групп и т.д. С позиций этой классификации можно выделить научно-учебный дискурс и научно-популярный дискурс как в национальной, так и в межэтнической форме.

Так как общение в сфере науки всегда осуществляется равными по социальному статусу участниками, которые характеризуются также равными presupпозициями, то основной формой научного дискурса следует признать академическую, так как именно в ней происходит формирование научных идей и постулатов, приводящих к формированию и изменению научной картины мира.

Для определения границ научного дискурса целесообразно ввести понятие научной культуры, которое включает в себя не только нормы речевого и неречевого поведения в данной сфере жизнедеятельности, но также и продукты этой культуры – научные достижения, процесс научной деятельности. В этом плане необходимо указать и на глобализацию научной культуры, которая выражается в расширении контактов, миграции ученых, создании в связи с этим высказываний, ориентированных на межкультурное научное сообщество. В ходе межэтнических контактов в научной сфере постепенно исчезают фрагменты традиционных национальных форм жизни и формируются свои ценности и способы деятельности. Глобальность научной культуры характеризуется таким важным свойством, как толерантное отношение к любому проявлению национальной и индивидуальной самобытности, если это не противоречит общим установкам научного дискурса, который нацелен на достижение объективного знания об окружающем мире, на верификацию ментальных процессов. Следовательно, национальную разновидность научной культуры следует воспринимать в современном мире не только как субкультуру внутри определенной национальной (этнической) культуры, так как она ориентирована на научную национальную картину мира, но и как дочернюю культуру в ее отношении к глобальной научной материнской культуре, имеющей общие корни, единую социальную базу, объединенную схожей формой деятельности.

Таким образом, исходя из изложенного выше, следует сделать следующие выводы и перечислить основные свойства и качества научного дискурса. Как любой другой дискурс, научный дискурс неразрывно связан с картиной мира. Уникальность научного дискурса заключается именно в том, что он неразрывно связан с двумя типами культур – национально-самобытной научной культурой и глобальной научной культурой, – и удельный вес каждой из культур в конкретном дискурсе во многом определяется глобальной политической ситуацией в современном мире. Безусловно, степень присутствия национальной и глобальной научной культур различ-

на в разных предметных областях научного дискурса, что зависит от степени ангажированности данной науки в политической и экономической ситуации. Ярким примером в этом отношении являются политические и экономические науки или те технические области, которые связаны со стратегическими секретами. Определенная научная изоляция в развитых областях приводит к доминанте национально-культурного компонента в предметных дискурсах. По аналогии с этим можно отметить и более узкие предметные дискурсы, которые осуществляются в рамках научных школ и направлений. Так, если данная школа или направление зародилась и развивается в определенной национальной культуре, то и дискурс более тесно связан с национальной научной картиной мира; если же данное научное направление существует как интернациональное, то наличие его более тесная связь с глобальной мировой научной культурой. Однако на основе сказанного не следует противопоставлять национальную научную культуру и глобальную научную культуру, так как в плане социальных, поведенческих и деятельностных установок они имеют гораздо больше общих черт, чем различий. Помимо этого, процесс глобализации культуры следует понимать как универсализацию, в которой всегда есть место для специфического, а не как стремление к единообразию.

Из изложенного выше следует, что научному дискурсу любого национального континуума в большей степени, чем другим видам дискурса, свойственны черты универсальности. Второй важной особенностью научного дискурса является доминирующая канал коммуникации. Если в большинстве сфер общения любая коммуникация осуществляется в основном по устным каналам, то для научной сферы именно письменный канал является основным. Указанная доминанта объясняется тем, что в структуре научной деятельности человека можно отметить две важнейших составляющих: процесс выведения нового знания индивидуумом и процесс объективации этого знания путем информирования о нем, то есть путем межличностной, межкультурной или межкультурной коммуникации. Информация, полученная в ходе ментальной или экспериментальной деятельности, становится фактом бытия, принадлежностью членов общества лишь тогда, когда она представляется в предметном дискурсе в форме текста и воспринимается членами данной социально-культурной группы. Следовательно, научный макродискурс как процесс непрерывного обмена текстами является одной из форм существования и развития науки как формы деятельности.

В основе научного дискурса находится неизменное и постоянное стремление его участников к получению нового знания о мире. Результаты такого рода деятельности выражаются в создании текстов и обмене текстами, которые представляют объективную информацию об объектах исследования, фрагментах окружающего человека мира. Данный вид деятельности обладает высокой ценностью в глазах современного общества, а высокая степень социальной ориентации научной деятельности приводит к обязательности

ее социальной регламентации. Институциональность научного дискурса распространяется не только на социальные и статусные роли коммуникантов и стиль общения, но и на интенции говорящих и характер сообщаемого. Автор сообщения стремится не только передать определенную информацию, но и убедить адресата в ее истинности и, что немаловажно, в значимости своей роли в получении этой информации. Говорящий, в первую очередь, стремится воспринять информацию, лишь затем оценить ее с позиций истинности – ложности и в последнюю очередь воспринимает и оценивает роль отправителя как автора данной информации. Это позволяет признать, что этапы процесса восприятия научного дискурса представляют собой жестко регламентированную процедуру. Вступая в научное общение, ученые всегда преследуют конкретные цели, к которым обычно относят обмен и передачу информации, обмен деятельностью (то есть инновационными приемами, средствами, технологиями), формирование отношения к себе.

Естественная включенность процесса научного общения в реальную жизнь науки служит основанием для дифференциации предметных областей научного дискурса, увеличения информативности сообщений путем специализации кода, то есть к постоянному совершенствованию инструментов общения, в качестве которого выступают стилистические средства языка и функциональные стили речи.

Литература

1. Азнавез, Р. С. Язык науки в современной лингвистике / Р. С. Азнавез. – Нижний, 1999.
2. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990.
3. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
4. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996.
5. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Институт языкознания РАН, ВШГУ, 1992.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М., 2004.
7. Карчица, С. Х. Дискурс как единица лингвистического анализа // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по филологии / С. Х. Карчица; отв. ред. Г. В. Рыбачкова. – Астрахань, 2008. – С. 30–36.
8. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М., 1983.
9. Корнилов, О. А. Языковая картина мира как транзитивные национальные менталитеты / О. А. Корнилов. – М., 2003.
10. Крытсок, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Крытсок. – М., 2001.
11. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск, 1990.
12. Parrot, H. *Discussing Language* / H. Parrot // The Hague. – Paris, 1974.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

М.А. Батцикова

Российский университет дружбы народов, г. Москва

Исследуя английские заимствования, важно изучить их прагматическую характеристику, то есть причины, по которым употребляются англо-американизмы в немецкой прессе. На основе анализа актуальных статей немецкой печати осветим основные особенности функционирования английских заимствований в газетно-публицистическом дискурсе.

Под дискурсом (от лат. *discursus* – «бегание взад-вперед»; «движение круговорот»; «беседа, разговор») понимается «речевой поток, язык в его постоянном движении, абсорбирующий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативных ситуаций, в которой происходит общение» [2, с. 8].

Лексическая система газетно-публицистического дискурса носит открытый характер и подвержена постоянным изменениям. Исследователи подчеркивают интенсивное развитие и пополнение данного пласта лексики новыми лексическими единицами и словосочетаниями, которые регулярно появляются в газетных и журнальных статьях общественно-политического содержания.

Для анализа функциональной прагматики англо-американизмов в немецком газетно-публицистическом дискурсе были выбраны газеты «Welt», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Zeit», «Handelsblatt», «Sueddeutsch Zeitung» и журналы «Spiegel», «Focus», «Stem».

При рассмотрении англо-американизмов традиционно различают функциональную и экспрессивную окраску заимствований [5, с. 34]. Один из аспектов, относящийся к первой категории, служит для изображения местного колорита, который несет в себе определенную атмосферу той страны, из языка которой заимствовано то или иное слово. Рассмотрим следующие примеры, взятые из немецкой газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung»:

«Das Schockierendste an seinem Film ist womöglich, dass sich die Lage in den vergangenen Jahren noch weiter verschlechtert hat, obwohl man sich kaum noch etwas Schlimmeres vorstellen kann als die Kinderbanden, die Cowboy und Indianer mit echten Waffen und echtem Blut spielen».

«Selbst im Oval Office angekommen, musste Ford gegen die tiefe Wirtschaftskrise vorgehen».

«Anschließend gab's ein Mittagessen im "Old Family Dining Room", an dem auch die Präsidentengattin Laura Bush und US-Außenministerin Condoleezza Rice teilnahmen, und nach drei Stunden, so gegen 13 Uhr, war das Treffen vorbei».

Анализ примеров показывает, что заимствования *Cowboy* и *Oval Office* употребляются в данной статье в качестве эпитетов, а обозначение «Old Family Dining Room» служит для обозначения американского стиля жизни высшего общества XIX в. Автор также использует курсив и кавычки для обращения внимания читателей на текст.

Следующие отрывки из газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» взяты из рубрики «Kultur»:

«Mit Kontrabass, mit Besen gespielter Snaredrum und einem Klavier begleiten sie Wiglaf Droste durch das Aristocats-Lied "Katzen brauchen furchtbar viel Musik"».

«National Treasures hat auch überregional einen Ruf als dynamisch kraftvolle Gruppe, die mit ihrem urwüchsig erdigem Blues nicht nur die Bluesfans begeistert. Michael Mitzkus: Gesang, Akustik-, National-Steelbody-Gitarre; Werner "Snoor" Volkner: Harmonika; Jörg Schützer: Bass».

Употребление англо-американизмов *National-Steelbody-Gitarre* и *Snaredrum* (маленький барабан) вызвано необходимостью названия музыкальных инструментов, для обозначения которых в немецком языке нет подходящих лексем. Кроме того, вышеупомянутые заимствования служат для передачи точности и научности колорита музыкальной специальности.

Сравним примеры из молодежного журнала «Stern»:

«Die Jungstars machen alles, worum sie gebeten werden. Cool. Professionell. Freundlich».

«Entsprechend Dancefloor-tauglich fiel der Track auch aus».

Заимствования *cool* и *Dancefloor-Track* имеют непосредственное отношение к молодым людям, фанатам определенного музыкального направления, молодежному стилю жизни. Английские заимствования служат созданию социального колорита, вызывающего у слушателя определенные ассоциации и чувства, а также для выражения таких обстоятельств, как возраст, общность интересов, мировоззренческих принципов и т.д.

Рассмотрим следующие примеры из экономической газеты «Handelsblatt»:

«Einige haben eigene Beratungszentren eingerichtet, andere bieten Informationen per Chat-Room, Online-Formular oder telefonisch an».

«Wir erinnern uns also lieber an Jules – äh – Julius Qualitäten, statt uns noch mehr im ohnehin schwer nachvollziehbaren Juristendschungel zu verirren: Eine entschulte soulige Stimme, versteckt in einer äußerst sensiblen und scheuen Künstlerin, die sich eher die Hand abgebissen hätte, als ihren Milla-Javorich-Look in Gazetten und auf Titelblättern einzusetzen».

Анализ данных примеров показывает, что следующей причиной использования англо-американизмов в газетно-публицистическом дискурсе является создание образности (*Juristendschungel* – юридический джунгли, то есть многочисленная, не понятная не специалистам, юридическая документация; *Milla-Javorich-Look* – взгляд Милы Йовович, то есть притягательный взгляд, похожий на взгляд американской киноактрисы Милы

Полович). Кроме того, заимствования *Chat-Room* и *Juristenschungel* (смысл объяснено вешей в более сжатой и живой форме).

Игра слов, например, *Rock'n'Barock-Musikkulisse* и *Yellow-Press-Saft* (то есть свежевыжатый сок желтого цвета), служат для создания экспрессивности текста и привлечения интереса читателей.

Проанализируем отрывок из газеты „Welt“:

„Wer zum *Sightseeing* nach Los Angeles kommt, sollte vor allem eines mitbringen: Zeit. Denn die unzähligen *Sehenswürdigkeiten* der Metropole am Pazifik sind über das Stadtgebiet verteilt“.

В данной статье автор намеренно использует немецкое слово *Sehenswürdigkeit* и его английский эквивалент *Sightseeing* в качестве синонимов, что служит вариативности выражения и созданию стилистически более привлекательного текста.

Рассмотрим следующие отрывки статей из газеты „Frankfurter Allgemeine Zeitung“ и журнала „Focus“:

„Nach und nach sei das Fotografieren der „Pieces“, wie die großflächigen Graffiti in der Szene heißen, zu seinem *Hobby* geworden“.

„Am Tag der Entscheidungen in Gruppe A und B haben sich die *Fans* noch einmal besonders ins Zeug gelegt um ihre Mannschaften in die richtige Stimmung zu versetzen“.

„Dafür sind *Shorts* und Flip-Flops zu jeder Tageszeit und beinahe zu jedem Anlass die angemessene Bekleidung – wie überhaupt alles, was irgend- wie 'casual' ist“.

В данных примерах видна тенденция к языковой экономии, которая прослеживается в каждом языке. При этом наблюдается стремление с помощью минимальных языковых затрат добиться максимального языкового эффекта. Так, англо-американизмы *Hobby*, *Fan* и *Shorts* имеют преимущество перед их немецкими соответствиями в краткости выражения (*Hobby* – *Steckenpferd*, *Liebingsbeschäftigung*; *Fan* – *Liebhaber*, *Verehrer*, *Anhänger*; *Shorts* – *kurze Hose*). Превосходство подобных заимствований связано также с заменой немецких слов, мотивация которых бессмысленна, обманичива или многозначна, например: *Steckenpferd* на *Hobby* (тем более, что игрушка „*Steckenpferd*“ (лошадка на палочке) давно не используется), *Liebhaber* на *Fan* („*Lieb haben*“ (любить) соотносится с эротическими желаниями).

Проанализируем отрывок из газеты „Welt“:

„Der frühe Schulbeginn raubt *Teenagern* den Schlaf und macht sie zu schlechteren Schülern“.

Использованное в данном случае заимствование *Teenager* имеет не только графическое преимущество перед его немецким эквивалентом *Jugendliche*, но и является семантически более точным: *Teenager* используется для обозначения девочки или мальчика в возрасте от 13 до 19 лет. В связи с тем что немеще подростки учатся в школе до 19 лет, в данном случае

английское слово *Teenager* используется в качестве синонима немецкого слова *Schüler* (ученики) и употребляется с целью избежания повтора.

Рассмотрим следующие примеры из газет „Welt“, „Zeit“ и журнала „Focus“:

„Wenn die Dämmerung einbricht, dann genießt der Shanghai-Snob seinen *Drink* im Cloud 9, der höchsten Bar der Welt, die sich im 87. Stockwerk des Grand Hyatt in Pudong befindet“.

„Ob *Boy George* als Straßenkehrer, die Madrider Modewoche ohne Magermodels oder Paris Hilton auf dem Oktoberfest – alles aus der Welt der *Stars* und Prominenten von Juli bis Dezember 2006“.

„Söder: „Ich finde das nicht *fair*, mir so was vorzuwerfen, ich hab' mich mein ganzes Leben für Edmund Stoiber eingesetzt““.

„Die Grünen ziehen mit einem neunköpfigen *Team* an der Spitze in den Bundestagswahlkampf“.

Использованные в данных примерах англо-американизмы (*Drink*, *Boy*, *Star*, *fair*, *Team*) являются однословными и по этой причине имеют преимущество перед своими немецкими эквивалентами (*Drink* – *Getränk*; *Boy* – *Junge*; *Star* – *Prominente*; *fair* – *ehrlich*; *Team* – *Mannschaft*), это объясняет причину их употребления.

Следующий пример из молодежного журнала „Stern“ взят из статьи, посвященной музыке в стиле рок и поп: „Es sei ein *Song*, der Mut machen solle“.

Лексема *Song*, употребленная автором статьи, в отличие от немецкого слова *Lied* (*песня*), выражает некую связь с современными музыкальными направлениями, а именно: рок и поп, то есть *Song* можно перевести как «песня в стиле рок или поп». Таким образом, мы снова сталкиваемся с семантической точностью как с одной из причин использования английских заимствований в немецком газетно-публицистическом дискурсе. Однако данное явление можно также обозначить как «дифференцирование понятия» („*Begriffsdifferenzierung*“) [4, с. 408–410].

Сравним примеры из журнала „Spiegel“:

„Der diensthabende Arzt weiß dann schon Bescheid: Es gilt ein neues *Bagel-Opfer* zu versorgen“.

„Vier Jahre war sie im Senat die *eiserne Sparlady*“.

„Das portugiesische *Pokerface* gegen den reichen Russen, der Angestellte gegen den Arbeitgeber – da schien sogar ein Mourinho am Ende seiner Möglichkeiten“.

Можно заметить, что некоторые англо-американизмы усиливают выразительность текста за счет создания определенного тона, интонации, с помощью таких стилистических средств, как юмор (*Bagel-Opfer* – *жертва бубликов*), пародия (*eiserne Spar-Lady* – *экономная железная леди*) и ирония (*Pokerface* – *при описании одного немецкого политика*), что делает его более образным и привлекательным для читателей.

Проанализируем отрывок статьи из газеты „Zeit“: „Kreative Selbsterfaltung ohne Seelenstriptease“.

Автор использует в статье смешение стилей, то есть немецкое слово, принадлежащее к высокому стилю (*Seele*), и англо-американизм с пейоративным значением (*striptease* – *стриптиз души, то есть полное обнажение души, чувств*) для ослабления семантико-стилистического значения, с одной стороны, и для семантически более точного обозначения понятия, с другой. Подобный прием также привлекает внимание читателей.

Сравним следующие примеры из журнала „Spiegel“: „Stiftung Waren test: *Discountware* oft voller Schadstoffe“.

„*Todes-Cocktail* mit lieben Grüßen aus Moskau“.

В данных статьях авторы, стараясь избежать слов с негативной коннотацией, используют эвфемизмы, скрытые в англо-американских заимствованиях, которые описывают явления менее наглядно и таким образом кажутся нейтральнее или относятся к высокому стилю. Подобный эффект достигается такими словами, как *Discountware* (вместо „Billigprodukt“ – *дешевый товар*; у покупателей «дешевый товар» ассоциируется с «товаром низкого качества») и *Todes-Cocktail* (вместо „Gift“ – *яд*), который наминает скорее некий яркий, возбуждающий коктейль, нежели смертельный напиток.

Рассмотрим отрывки статей из газеты „Süddeutsche Zeitung“:

„*Chimney syndrome* wird dies auf Englisch genannt, und gemeint ist der Zerfall der natürlichen Alterspyramide der Völker“.

„*Home caring* betreiben sie, Heimpflege, gesponsert von Kirchen...“

Англо-американские заимствования объясняются в тексте с помощью парафразы или специально употребленного в качестве синонима немецкого слова: *Chimney syndrome* – *der Zerfall der natürlichen Alterspyramide der Völker*; *Home caring* – *Heimpflege*. Это облегчает понимание.

Следующие примеры из газеты „Welt“:

„Der Erlösanteil der Gebäudeverwaltung (*Facility Management*) steigt dagegen schnell an“.

„Chatami beklagte die Schwerfälligkeit und Intransparenz der islamischen Gesellschaften und plädierte auch vor diesem Forum für die allmähliche Entwicklung einer islamischen *Bürgergesellschaft* („civil society“)“.

„Die Abfangwaffen, „*kill vehicles*“, Radarfrühwarnsysteme und Satelliten sind für die Raketenabwehr notwendig sind...“

В данных статьях авторы используют английские заимствования вместе с немецким словом для более точного объяснения явления (*Gebäudeverwaltung* – *Facility Management*; *Bürgergesellschaft* – *civil society*; *Abfangwaffen* – *kill vehicles*). В этом заключается следующая причина употребления англо-американизмов в немецком дискурсе.

Таким образом, проведенный анализ отобранного материала позволяет сделать вывод о том, что основными причинами употребления англо-

американизмов в немецком газетно-публицистическом дискурсе являются изображение местного колорита и стиля журналистской речи, изображение определенной специальности, изображение экспрессивности и выразительности текста, краткость и семантическая точность, ослабление семантико-стилистического значения.

Литература

1. Жабина, Е. В. Англо-американские заимствования в немецком языке / Е. В. Жабина. – Барнаул, 2001.
2. Adler, M. Anglizismen in den deutschen und englischen Medien / M. Adler. – Jena, 2004.
3. Polenz, P. von. Deutsche Sprachgeschichte vom Mittelalter bis 1918 / P. von Polenz. – Berlin, 1999.
4. Pfitzner, J. Der Anglizismus im Deutschen. Eine funktionale Analyse / J. Pfitzner. – Jena, 2004.

ПОЛИДИСКУРСНОСТЬ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.В. Белоглазова

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

В последние десятилетия развитие лингвистики, устойчивой тенденцией к экспансии своей сферы интересов и своего непосредственного влияния современной лингвистики в философии является «Слово, несмотря на трудность определения, представляющая нашему уму каноническую форму языка» [8, с. 111]; «Первый обнаруженный автором можно сказать, что он действительно «Грамматическое учение о слове» – под редакцией «Русский язык» [2], целиком посвященной тому, что по мере нарастания функционализма и коммуникативным единицам, первой из которых, однако, быстро уступило место центральной с осознанием его псевдокоммуникативности, мы не отдельно взятыми предложениями существуют не в изоляции, а в постоянном диалоге. Идея о диалогичности, предложенная [1], дала толчок для формирования теории дискурса, и теории дискурса, с другой.

Фокус на дискурс ознаменовал очередной этап экспансионистского развития науки о языке, которая теперь уже стала наукой о речи. Дискурсы, будучи надтекстуальными образованиями, также существуют не в изоляции, а в диалоге. Этот факт отмечался с начала существования дискурс-анализа в исследовательской программе, однако в разных подходах этот феномен получал различное терминологическое обозначение и осмысление.

М. Пешё, непосредственный последователь основоположника одного из самых влиятельных направлений теории дискурса М. Фуко, вводит понятие интердискурса, которое определяет как «сложное целое» дискурсивных формации и «комплекса идеологических формаций», скрывающихся за прозрачностью дискурса. Понятие интердискурса оказывается в концепции Пешё тесно связанным с понятием преконструкта – совокупности представляющих дискурсов, выступающих как «сырьё» для нового дискурса. Эти понятия фактически оказываются взаимозаменяемыми, то есть четко не следователем не противопоставляются. Обусловленный преконструктом любой дискурс неизбежно является интердискурсом [5].

Н. Фэркло также оперирует понятием «интердискурсивность», которую он усматривает в тех случаях, когда различные дискурсы артикулируются в одном коммуникативном событии, обуславливая его уникальный ситуационный характер. Фэркло, однако, не абсолютизирует интердискурсивность, но допускает возможность монодискурсивных текстов [10].

Немецкие исследователи Ю. Линк и У. Линк-Хеер в своей работе [11] исходят из той предпосылки, что художественная литература насколько интердискурсивна, что интердискурсивность – ее имманентная, сущностная черта. Этот вывод о дискурсивной гетерогенности художественной литературы вносит важный вклад в дебаты о статусе художественной литературы, в частности в функциональной стилистике – своего рода отечественном аналоге теории дискурса (подробно о соотношении данных дисциплин см. в работе М.Н. Кожаной [3]). Напомним, что ряд исследователей (Л.Ю. Масинюв, К.А. Панфилов, М.М. Шавский, Д.Н. Шмелев, В.Д. Бондалетов) отзывают художественную литературу в статусе самостоятельного функционального стиля, указывая на его неоднородность, незамкнутость, отсутствие уникальных, ему одному свойственных черт. Другие исследователи (В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, А.И. Ефимов, М.Н. Кожан, А.Н. Васильева, Б.Н. Головин), признавая справедливость вышеприведенных замечаний, все же включают в систему функциональных стилей особый художественный стиль. В этом споре для нас важен не столько статус художественного стиля, сколько факт его гетерогенности, признаваемый обеими сторонами. Эту черту художественной литературы и раскрывают Ю. Линк и У. Линк-Хеер в терминах интердискурсивности.

Э. Лакло и Ш. Муфф, также во многом оставаясь в русле теории дискурса М. Фуко, формулируют свое понимание дискурса, оперируя термином «артикуляция», под которым понимается уникальная комбинация элементов

в конкретном коммуникативном событии, утверждая тем самым интердискурсивный характер любого отдельно взятого речевого произведения.

В понимании интердискурсивности мы разделяем мнение Н. Фэркло о ее неабсолютном характере, но в то же время считаем верным его абсолютизацию применительно к художественной литературе. Аналогичным образом мы разделяем мнение Н. Фэркло, а также Э. Лакло и Ш. Муфф относительно того, что интердискурсивность есть характеристика отдельного коммуникативного события, уникальность которого обуславливается его ситуативностью.

Если отдельно взятое коммуникативное событие интердискурсивно, то их совокупность также будет характеризоваться дискурсивной гетерогенностью. Основное преимущество дискурсивного подхода состоит в том, что он позволяет от исследования отдельно взятого текста перейти к исследованию их множества [9, с. 18]. Такие множества текстов могут выделяться по критерию, например, сферы их употребления, но, какой бы критерий не был выбран, множество текстов, каждый из которых представляет собой уникальный интердискурс, будет репрезентировано открытым множеством составляющих его дискурсов, что в значительной степени сводит на нет эвристический потенциал дискурсивного анализа как метода исследования. В связи с вышесказанным нам представляется необходимым дополнить понятие интердискурсивности понятием «полидискурсивность», являющимся также результатом диалогичности на уровне дискурса, но характеризующим не отдельно взятое коммуникативное событие, а их совокупность, выделенную по критериям сферы бытования и предназначения. Такая совокупность коммуникативных событий будет неизбежно характеризоваться дискурсивной гетерогенностью, причем при открытом корпусе текстов, представляющих собой уникальные интердискурсы, и набор дискурсов, его конституирующий, будет открытым и бесконечным. Структурирование этого множества дискурсов по критерию идеологии, общей для всех текстов, позволяет выделить ядерные дискурсы, формирующие полидискурс данного множества текстов.

Н. Фэркло также оперирует понятием «порядок дискурса», под которым понимается совокупность дискурсов, конкурирующих в одной предметной области. Оно соотносимо с «областью дискурсивности» в терминологии Э. Лакло и Ш. Муфф. Критерий предметной области и множественность вовлеченных в рассмотрение дискурсов рождает эти понятия с полидискурсивностью, в связи с чем представляется необходимым подчеркнуть ряд важных различий между сопоставляемыми понятиями:

- специальные дискурсы в рамках полидискурса не конкурируют, но взаимодействуют, в то время как область дискурсивности и порядок дискурса представляют собой область дискурсивной борьбы, то есть борьбы между дискурсами, покрывающими одну предметную область, за гегемонию в ней;
- дискурсы, репрезентирующие порядок дискурса или область дискурсивности, относятся к одной предметной области, но различаются идеоло-

гическим модусом, а то время как дискурсы, объединенные в полидискурс относятся к разным предметным областям, а объединяет их общая идеологическая установка.

Примером полидискурса в указанном понимании может служить детская литература, изначально приписываемая нами интердискурсивной. Это открытое множество текстов, выделяющихся, прежде всего, по функциональному критерию. Однако этого критерия недостаточно, поскольку любая дискурс, а с ним и полидискурс, имеет культурно-историческую обусловленность, а не является чем-то данным и неизменным. Введение искусственных временных и географических границ может нарушить целостность рассматриваемого корпуса текстов – это внешние, чуждые критерии. Единственным критерием, позволяющим сузить материал исследования до естественных границ, является центральное в теории дискурса понятие идеологии, понимаемое широко и нейтрально как «любой языковой и – еще шире – любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости» их исторической обусловленности» [7, с. 20]. Объединяемые тексты отбираются на основе идеологической общности, и выделяемые в них специальные дискурсы могут быть структурированы на основе того же критерия.

Согласно Дж. Стивенсу, произведения для детей всегда пишутся с целью насаждения среди детской аудитории определенных социокультурных ценностей, доминирующих с точки зрения общества, к которому относятся автор и его читатели. Ценности эти включают современную мораль и этику, важнейшие культурные традиции, устои, представляющие для общества культурное наследие прошлого, а также его устремления в настоящем и будущем. Поскольку дети – это будущее любого общества, писатели, пишущие для читателя-ребенка, принимают на себя ответственность по формированию должных ценностных отношений своей аудитории [12]. Эта установка обусловила включение в полидискурс детской художественной литературы ряда дискурсов, направленных на социализацию адресата, как то социальный, экономический, медицинский, учебный познавательный и другие дискурсы.

Однако давно миновали те времена, когда автор детского произведения мог руководствоваться только функцией социализации. Современного читателя вряд ли заинтересует, например, в высшей степени поучительное, написанное для сугубо детской аудитории, произведение Дж. Баньяна "A Book for Boys and Girls or Country Rhymes for Children". Причина в том, что оно не учитывает интересов главного адресата – ребенка, а только лишь интерес аудитории – довлеющего над ребенком взрослого. Идеология детской литературы, то есть представление о правильной литературе для детей изменилось со времен Баньяна – функция социализации пополнилась функцией развлечения, обусловившей важную роль в полидискурсе детской литературы игрового, природоведческого, кулинарного дискурсов.

Отдельно взятые произведения отличаются своеобразной дискурсивной структурой. Так, индивидуальный интердискурс серии романов о Гарри Поттере значительно богаче идеологически обусловленного набора дискурсов, составляющих полидискурс детской художественной литературы в целом. Полидискурсивный подход позволяет структурировать множество дискурсов и выделить среди них наиболее существенные, конститутивные для данного корпуса текстов, формирующие его идеологический портрет.

Литература

1. Бактин, М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бактин // Собрание сочинений. – в 7 т. – М., 2000.
2. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
3. Кожина, М. Н. Размышления над вопросом о соотношении функциональной стилистики в дискурсивных исследованиях (с речеведческих позиций) / М. Н. Кожина // Стилистика XIV. Stylistics and Koethika. – Opatov, 2005. – P. 61-74.
4. Кубрякова, Е. С. Понятие парадигмы в лингвистике: введение / Е. С. Кубрякова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сборник научных трудов. – М.: ИВЯИОН РАН, 2006. – С. 1-14.
5. Пешёв, М. Промислене испани. Лингвистика, семантика, философия / М. Пешёв // Квалитативна анализа: Француска школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999.
6. Сепир, Э. Язык: Введение в изучение речи / Э. Сепир. – М.: Л., 1934.
7. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квалитативна анализа дискурса. – М., 1999.
8. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.
9. Чернышова, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернышова // Текст и дискурс: Проблемы монодискурса. – СПб., 2001. – С. 11-22.
10. Fairclough, N. Media discourse / N. Fairclough. – L., 1995.
11. Link, J. Diskurs / Interdiskurs und Literaturanalyse / J. Link, U. Link-Hoer // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik 20, 1990. – S. 88-99.
12. Stephens, J. Language and Ideology in Children's Fiction / J. Stephens. – Longman, 1992.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ПРОМЕТЕЯ В ЛИТЕРАТУРЕ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА

И. В. Истратова

Астраханский государственный университет

Прометей является одним из типов мифологического самоотрицания. Сам Прометей – божество. Он либо сын Япета (Япет), либо сам титан, то есть он или двоюродный брат Зевса, или даже его дядя. Зевс побеждает титанов, наступает героический век, Прометей за свою помощь людям терпит наказание от Зевса – он прикован к скале в Скифии или на Кавказе.

Предмет исследования: изучение образа Прометея и трансформация его значений и функций в период романтизма в художественной литературе Англии.

Объектом исследования являются следующие тексты: «Прометей» Шиллеровский узник», «Сон», «Тыма», «Чайльд Гарольд», «Манфред» Байрона, «Королева Маб», «Обращение к ирландскому народу» «Освобожденный Прометей» Шелли.

В галерее образов, веками волновавших творческое воображение писателей и художников, образ Прометея едва ли не старейший. Он зародился несколько тысяч лет назад и стоял в центре греческой драматургии. В течение многих веков одни гении человечества стремились воплотить в этом образе свой протест и борьбу с трагической обреченностью человека его печальной доле, утвердить свою веру в гордую бунтующую личность, другие в Прометее выражали свое скорбное примирение, свою покорность и отчаяние.

Несмотря на то что многие исследователи обращались к этому образу существуют монографии, энциклопедии героев, которые дают обзор. На одной из этих работ не рассматривается этот образ в контексте преемственности традиций. Каждый текст рассматривается изолированно вне связи с другими авторами.

Цель: проследить, как трансформируется образ Прометея в романтический период в английской литературе.

На первом этапе, в античной традиции, Прометей воспринимался как божество. Было противоречие между признанием и почитанием Зевса, с одной стороны, и глубокими симпатиями к Прометее, с другой.

Романтики видели дерзость, граничащую с ловким обманом. Прометей в эту эпоху стал покровителем жалкого рода людей. Именно в эту эпоху появляется демоническое начало Прометея.

Наказание Прометея понятно, поскольку он противник олимпийского героизма, то есть мифологии, связанной с Зевсом. Вот почему в течение всего героического века Прометей прикован к скале. Но героический век подходит к концу. Незадолго до Троянской войны, последнего большого деяния героического века, Геракл освобождает Прометея, и между Зевсом и Прометеем происходит великое примирение, которое означает торжество Прометея, даровавшего людям огонь и зачатки цивилизации, сделает человечество самостоятельным и независимым от богов. Появляется герой, опирающийся только на собственный разум и собственные руки, то есть человек новой цивилизации, который хочет совладать с силами природы вместо постоянного прогресса. Таким образом, Прометей, будучи богом, разрушал веру в божество вообще. Недаром миф о Прометее расцвел на заре классового рабовладельческого общества, в период формирования греческой демократической политической системы.

Революционный романтизм Байрона возникает на основе мятежных выступлений народа в странах Европы. Байроновский романтизм народо-

в своем существе. Поэт писал: «Из хаоса господь создал мир; из могучих страстей рождается народ». Могучие страсти поэтических произведений Байрона явились выражением мятежных страстей народа. Байрон был привержен просветительским идеалам и эстетике классицизма, однако он является поэтом-романтиком. Преклонение перед разумом сопровождается мыслью о неразумности современной действительности. Признание классической строгости и ясности сочетается с изображением сложных и неясных чувств, окрашенных мрачным настроением. Действительность испытывается не только разумом, но и романтической иронией. Идеи просветителей выступают в творчестве Байрона в новом, трансформированном виде. У поэта уже нет оптимистической веры во всецелый разум. Пафос жизни и творчества Байрона – в борьбе против тирании.

Главной мечтой его была мечта о свободе человечества, однако идеал свободы у Байрона лишен социальной конкретности, поэтому стремление к свободе у него индивидуалистично. Свободу Байрон видит либо в борьбе, ведущей к разрыву с обществом, либо в элизиумизме. Личность Байрона весьма противоречива. В его сознании и творчестве борются различные начала – стремление к борьбе за освобождение народов от тирании и индивидуалистические настроения; устремленность вперед, в будущее и омирная скорбь.

Вера в то, что в будущем свобода восторжествует, поэт тем не менее не может отрешиться от скепсиса и пессимизма.

Герой Байрона порывает с обществом, не желая мириться с жестокой обидой и несправедливостью; он становится на путь мести и борьбы. Смысл жизни этого изгоя – в борьбе против деспотизма и в любви к чистой преданной женщине. Этот герой – деятельная и активная натура, но действует он только во имя личных целей.

Теме скорбного одиночества мятежной личности посвящена философско-символическая драма «Манфред» (1817). Это поэма о внутреннем мире героя, размышляющего над своей жизнью. Титанический герой изображен на фоне величественной альпийской природы. Ему подвластны духи, и он способен на борьбу с духом зла Ариманом. Но Манфред мучается какой-то роковой тайной и мечтает о покое и полном забвении. Мечты Манфреда не сбываются, и, недовольный жизнью и самим собой, он удаляется от общества в горы, где живет отшельником. Манфред стремится постигнуть смысл жизни, принять судьбу человечества, но с презрением относится к людям и замыкается в своем эгоистическом Я. Интеллект и воля Манфреда подчинены его индивидуалистическим страстям. Любовь этой демонической натуры губительна. Манфред – виновник гибели любящей его Астарты. Эгоцентризм героя – причина его одиночества. Противоречие между могуществом интеллекта и невыносимыми страданиями одинокого человека приводит Манфреда к отчаянию и гибели.

С 1813 г. Байрон создает романтические поэмы, среди которых «Корсар» (1814) и «Лара» (1814). В поэме «Корсар» герой, Конрад, атаман ирландской шайки, оказывается в разных критических ситуациях и характер его обнаруживается в разных критических ситуациях, и характер его обнаруживается в действии, в столкновении с препятствиями. Ни в какой другой романтической поэме этого периода герой так не связан со своими товарищами, как в «Корсаре», но даже в кругу своих единомышленников Конрад остается одиноким. Его одиночество – результат недоверия, вызванного тем, что он «оттолкнул, оклеветан с юных дней».

В стихотворении «Прометей» (1816) Байрон нарисовал образ героя, титана, преследуемого за то, что он хочет облегчить человеческую жизнь на земле. Всесильный Рок сковал его в наказание за доброе стремление «счастьем положить конец». Хотя страдания Прометея выше всяких сил, он не смиряется перед тиранией Громовержца. Героика трагического образа Прометея в том, что он может «и смерть в победу обращать». Легендарный образ греческого мифа и трагедии Эсхила обретает в стихотворении Байрона черты гражданской доблести, мужества и бесстрашия, свойственные герою революционно-романтической поэзии. Байрон говорит: «Прометей» всегда так занимал мои мысли, что мне легко представить себе влияние на все, что я написал». Прометеевский дух борьбы ощутим и в «Песне для луддитов» (1816).

Прометей – бунтарь, бросающий вызов и тирании Зевса, и малодушию всего человеческого рода, которое оказывается опорой деспотизма. В отличие от трагедии Эсхила, послужившей образцом для Шелли, гнет от мыслей не как проклятие, а как расплата людей за собственный страх перед бытием, который повелевает им отдать предпочтение несвободе, за глушая в себе творческий порыв. Прометей, не принявший насилия за свою свободу, по характеристике поэта, «представляет собой образ высшего нравственного и духовного совершенства».

Отвергая всевластие Зевса, Прометей у Шелли ополчается и против человечества. Охваченный жаждой возмездия за его слабость и грехи, герой должен сам пережить духовный катарсис, исцелившись от ненависти. Лишь тогда исполнится его мечта о сообществе людей, которые более не знают эгоцентричности, покорности угнетению и жажды компромисса.

Человеческому роду уготована вечная весна, однако для этого необходимо, чтобы своим верховным божеством люди признали любовь, поклонившись с духовным рабством, вызывающим горечь и презрение у титана, прохитившего огонь.

Бунт Прометея, наделенного истинной мощью духа, которая позволяет ему выдержать все испытания, ниспосланные Зевсом (орел, терзающий прикованного к скале героя, фурии с железными крыльями, испепеляющая молния), носит, однако, трагический и обреченный характер. Им движет лишь мысль о противоборстве, оправдывающем и насилие, и зло, так как

нет иного способа воздействовать на косную и трусливую человеческую природу. Низвергая тирана, Прометей отчасти удовлетворится ему в своих условиях радикально переменить порядок вещей.

Обречение этого шарфта, в котором исчезнут сословия и нации и каждый человек станет полноправной личностью, наделенной творческими устремлениями, требует нравственного подвига. Прометей явил пример, который останется притягательным навеки.

Почти одновременно с Байроном вступает в литературу другой выдающийся представитель революционного романтизма в Англии, великий английский поэт Шелли. Действительно, в лице Шелли английский народ нашел замечательного поэта-мыслителя и борца, который сумел разглядеть в современности едва заметные ростки будущего и создать лучезарные картины возрожденного человечества, когда исчезнут частная собственность и эксплуатация человека человеком.

Лишь после того как титан начинает осознавать собственную причастность к человеческой семье и готов взвалить на свои могучие плечи страдания всех, Прометей обретает черты истинного героя. Терпевший одну неудачу за другой в своих попытках создания утопии, Прометей лишь в заключительных актах драмы постигает, что насилие неспособно преобразовать мир, сотворенный деспотией, в прекрасное царство справедливости и свободы.

«Обращение к ирландскому народу» содержит глубокую для того времени критику Англии и много замечательных высказываний относительно будущего «счастливого состояния общества».

Однако, несмотря на революционные тенденции «Обращения», нельзя не заметить в нем следов незрелости политического сознания Шелли, отражающей и незрелость общественной борьбы его времени, и неопытность самого поэта. Шелли допускает возможность мирного разрешения социального конфликта; он призывает ирландцев сложить оружие и добиваться своих прав мирным путем. Его положительная программа еще чрезвычайно абстрактна, неопределенна, но нарисованная им картина социальной несправедливости была так убедительна и правдива, что волевыми возбудила революционные настроения.

Не случайно Годвин и другие современники Шелли восприняли «Обращение» и всю пропагандистскую деятельность Шелли в Ирландии как прямой призыв к восстанию: «Шелли, вы готовите кровавую бойню», – писал ему в 1812 г. Годвин, всецело возлагавший надежды на мирные реформистские разрешение общественных противоречий. Примечательно, что Шелли в письмах к Годвину, споря с ним, выражает сомнение в возможности преобразования мира исключительно силой доброго слова: «Политическая справедливость» была впервые напечатана в 1793 г., и почти двадцать лет прошло с тех пор, как распространились ее положения. Каковы же результаты? Разве люди перестали бороться? Разве порок и нищета исчезли с лица земли?» – пишет он в письме от 8 марта 1812 г.

Своим «Обращением» Шелли надеется пробудить в народе дух независимости, помочь ему осознать унижительность своего рабского положения. Шелли полон веры в народ. Всех, кто несчастен, Шелли считает своими братьями и согражданами. «Обращение» рассчитано на широкую народную аудиторию. Шелли распространяет его в дешевом издании, чтобы оно быстрее разошлось, и делает все для того, чтобы быть услышанным народом.

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ СОВЕТА И РЕКОМЕНДАЦИИ В ИНСТРУКТИРУЮЩЕМ ТЕКСТЕ

Н.А. Карaban

Волгоградский государственный технический университет

Инструкция (от лат. *instructio* – «наставление») – императивный речевой жанр, основная цель которого заключается в сообщении адресату ряда, способов, правил осуществления какого-либо действия с тем, чтобы каузировать его соответствующее поведение [8, с. 214].

Доминирующая задача инструктирующего текста – побуждение, поскольку пользователь в большинстве случаев обращается к нему за конкретными рекомендациями к действию в той или иной ситуации, поэтому центральное положение здесь занимают директивные речевые акты различных видов.

Известно, что рекомендации и советы являются синонимами и относятся к группе речевых актов-адвизивов, особенность которых состоит в том, что выгода в них направлена в сторону адресата [7, с. 143]: «X советует <рекомендует> Y-у сделать P = "считая, что Y-а интересует мнение X-а, том, что Y-у лучше всего сделать в данной ситуации, X говорит, что, по его мнению, лучше всего для Y-а сделать P"» [5, с. 393].

Помимо общих черт, имеется ряд существенных параметров, по которым лексемы «советовать» и «рекомендовать» могут быть противопоставлены.

Прежде всего, рекомендации отличаются от советов большей безапелляционностью, поскольку адресант первых должен обладать знаниями и авторитетом [5, с. 393; 2, с. 184]. Е.А. Филатова рассматривает рекомендацию как частный случай совета, где определяющее свойство – наличие профессиональной компетенции у говорящего [6, с. 104]. Этот фактор, с наш взгляд, служит одним из критериев разграничения двух данных самостоятельных речевых актов, обладающих своими средствами выражения соответствующего интенционального значения.

В речевом акте совета параметр статусного различия между коммуникантами нейтрализуется: «Существенно, что, помогая адресату совета, автор ставит себя выше него, поэтому советуемому не свойственна категоричность: он допускает возможность, что совет окажется невостребованным, поскольку право выбора решения и действий остается за адресатом» [8, с. 657].

Семантическую структуру ситуации совета можно представить следующим образом: 1) паритетные отношения говорящего и адресата; 2) положительная оценка говорящим «целевого аргумента» [4, с. 143].

Итак, речевой акт совета характеризуется меньшей степенью официальности и категоричности, по сравнению с рекомендацией. В инструкциях для пользователей он выступает как своеобразная форма помощи, когда адресант делает подсказки, которые могут пригодиться при эксплуатации прибора.

Совет в речевом жанре инструкции оформляется посредством соответствующего перформативного глагола: *Для лучшего использования стиральной машины советуем устанавливать программы стирки, когда машина находится в нерабочем состоянии.*

Поскольку инструкция относится к жанрам официально-деловой речи, рекомендация в ней занимает приоритетную позицию, по сравнению с речевым актом совета. В связи с этим интенциональное значение рекомендации имеет более разнообразное оформление: а) при помощи перформатива; б) безличной формы глагола; в) употребления отрицательной конструкции:

1. *Для установки машины над ванной рекомендуем пользоваться специальной подставкой, исключающей падение машины.*

2. *Внимание! Перед первым глажением с паром рекомендуется подержать некоторое время утюг в горизонтальном положении в стороне от белья.*

3. *Не рекомендуется ставить на телевизор посторонние предметы...*

Использование лексемы «следует» в сочетании с инфинитивом также трансформирует речевой акт требования в рекомендацию, поскольку этот глагол не содержит в себе значения категоричного долженствования:

1. *Перед записью Вашего первого важного события следует испытать видеорекамеру и проверить, выдает ли она запись должным образом и функционирует ли она правильно.*

2. *Не следует ставить на поверхность горячие предметы без теплозащитной прокладки.*

Помимо эксплицитного выражения интенции совета и рекомендации в инструкциях реализуются имплицитно. Например:

1. *В случае кратковременного отсутствия выгоднее оставить холодильник в работе.*

2. *Оттаивание морозильной камеры желательно приурочить ко времени, когда в холодильнике мало продуктов, и совместить с его уборкой.*

3. *Смазку жидким маслом лучше производить масленкой.*

В приведенных примерах отсутствует соответствующий перформативный глагол, однако на интенциональное значение совета указывают конструкции с лексической выраженностью бенефактивности каузируемого действия.

При формулировании рекомендации предпочтение отдается эксплицитному выражению коммуникативного намерения. Случаи имплицитного оформления данного речевого акта многочисленны и связаны с понятием

ем целесообразности выполнения / невыполнения того или иного действия. Для лучшего прилежания двери целесообразно установить холодильники небольшим наклоном назад на 1–2°.

В свете общей тенденции к демократизации и персонализации современного российского официального общения большая часть современных инструкций адресатно-ориентирована и диалогична. Их составители просто предписывают определенные действия потребителю, но сами вступают с ним в диалог. Многие рекомендации, которые дают авторы инструкций, преподносятся ими как дружеские советы. На наш взгляд, это нашла отражение тенденция перехода современного делового общения вертикального к горизонтальному типу коммуникации, основанному на принципах паритета и равенства: *Просим Вас внимательно прочитать и стоящие инструкции по эксплуатации, в которых содержится ценные советы по безопасности и использованию прибора.*

В инструкциях последнего десятилетия, наряду с рубриками «Рекомендации и предостережения», появились отдельные разделы под названием «Советы», в то время как в руководствах предшествующего периода присутствуют лишь первые. Например: *Чтобы добиться максимальной яркости с минимальными затратами электроэнергии, воспользуйтесь следующими советами.*

Таким образом, инструкция как разновидность побуждения содержит различные по степени категоричности директивные речевые акты. Совет-рекомендация относится к адвансам, то есть ингерентно вежливым речевым актам, демонстрирующим заботу об адресате. Несмотря на близость интенциональных значений, данные речевые акты отличаются по ряду параметров, прежде всего, по характеристикам адресанта и адресата и по степени категоричности преподнесения информации. Центральное положение в инструктирующем тексте занимают рекомендации. Это обусловлено официальной сферой функционирования и большим объемом знаний автора руководства для пользователей. В связи с этим и способы вербального представления речевого акта совета менее разнообразны. Однако и последние десятилетия совет получает все большее распространение в свете современных тенденций к демократизации и персонализации деловой речи.

Литература

1. Гловинская, М. Я. Семантика глагола речи с точки зрения речевых актов / М. Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 158–218.
2. Любимов, А. О. Высказывания-советы и их прагматические и семантические свойства / А. О. Любимов // Семантические проблемы речевой деятельности: сборник научных трудов. – М., 1984. – С. 139–144.
3. Новый обязательный словарь синонимов русского языка / под общ. руководством академика Ю. Д. Апресяна; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Языки русской культуры, 1999. – Вып. 1. – 552 с.
4. Филатова, Е. А. Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Филатова. – М., 1997. – 253 с.

5. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
6. Чабан, Т. Ю. Инструкции / Т. Ю. Чабан // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Шварца [и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 213–214.

НЕСОБСТВЕННО-ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

О. В. Клокова

Новосибирский государственный гуманитарно-технический институт

В текстах современных средств массовой информации, наряду с рациональным компонентом, наблюдается все возрастающая тенденция к эмоциональному изложению материала. Оценочность пронизывает язык газет и журналов, проникает на радио и телевидение, в Интернет. В первую очередь, оценка актуализируется лексико-семантическими средствами языка. Она может иметь открытый или завуалированный характер (например, замечания, ироническое цитирование высказываний какого-либо человека, характеризующие его личность с отрицательной стороны).

Однако и синтаксические конструкции, представляющие собой некий дискурс, могут выполнять оценочную функцию. Таковы, например, несобственно-вопросительные предложения, стиливая распространенность которых весьма разнообразна. Подобные высказывания, являясь фрагментом текста, часто представляют собой опорный концепт, вокруг которого концентрируются компоненты второго плана, но не менее значимые и создающие в целом контекст. Дистрибуция несобственно-вопросительного предложения имеет семантическую обусловленность. В препозиции пояснительный компонент носит обязательный характер; обосновывает употребление несобственно-вопросительного предложения; в постпозиции – факультативный.

1. *А какую рекламу сняли бы вы? Уж наверняка такую, чтобы не только в лучшем свете выставить предлагаемый товар или услугу, но чтоб и глазу было приятно. Чтоб не «замылиться» в три поката и не заставила плавать с первого. Она и понятно – кто же о телезрителе позаботится, кроме как не он сам?* («Твой Мегафон-Кавказ», 2008).

2. *Вроде правильное решение – обустроить автобусные остановки, но везет ли: 100 кв. м площадь магазина и маленький навес с двумя-тремя сидячими местами, продаваемые со всех сторон. Скажите, кому от этого польза?* (Информационный листок «Момент истины!», 2008).

В пределах одной газетной статьи можно наблюдать многократное использование несобственно-вопросительных предложений, реализующих ряд функций: текстообразующую, интродуктивную, эмоционально-воздействующую.

1. ... Не было и, видимо, уже не будет одного – спорта в чистом виде. Собственно говоря, нет его давно – с берлинских игр 1936 года. Спортсмены впервые в открытую поставили в услужение идеологии. С тех пор каждая Олимпиада – это соревнование не столько в силе, скорости, выносливости и умении, сколько в национальных амбициях. Вот уже семь десятилетий спорт неизменно ощущает на себе, впитывает и тут же, как и прежде, отражает все перипетии, которым подвергается человечество, и с чего бы ему вдруг «очиститься» в современном разбалансированном мире, раздираемом политическими, социальными, межэтническими, религиозными противоречиями? Все черт знает в чем, а спорт – в чем? Так не бывает.

2. Если раньше олимпийские победы нужны были для доказательства преимуществ одной общественно-политической системы над другой, сегодня – одной нации над другой. Даже одного гражданства над другим. <...> Где, в каких пропагандистских арсеналах родился некогда так и знаменитый одиокомандный зачет, лицемерно именуемый «неофициальным»? «Неофициальный» только потому, что за него не дают кубков, медалей? Да здесь приз похуже – признание, а чаще самопровозглашение своей страны спортивной супердержавой: вы только хотите выиграть, сильнее, а мы уже и выше, и дальше, и сильнее вас...

3. На этой ярмарке тщеславия торгуются далеко не все. Точнее, 204 стран, приславших спортсменов в Пекин, только три – Китай, США, Россия – приехали побеждать, остальные – участвовать... («Российская газета», 2008).

Лексическое наполнение несобственно-вопросительных предложений употребленных в текстах публицистического стиля, разнообразно: сложившаяся общественно-политическая направленности, социально-культурных и других общественных отношений. Наблюдается полнотизм.

Риторическая установка СМИ отражает тенденцию к порождению новых смыслов и оценок при цитировании общеизвестных истин, оформленные «кричащими» заголовками: *ГДЕ НАС НЕТ. Так ли там хорошо?* Графические элементы метатекста (закавычивание части высказывания, выделение исключительных прописных букв в слове, шрифтовые выделения, вставные конструкции в скобках и проч.) усиливают семантический аспект высказывания, придают особую эмоциональную окраску, осуществляют наиболее эффективно воздействующую функцию.

Существуют критерии выделения несобственно-вопросительных предложений, которые являются наиболее важными и регулярно проявляющимися. Это возможность употребиться как в монологических, так и в диалогических текстах, фразеологизированность конструкции, превращение ее в своеобразный штамп; особый, инвертированный порядок слов (при отсутствии вопросительного элемента); метафоричность словоупотребления, способствующая затруднению вопросительного значения и реализации значе-

ния сообщения; избыточность и разнохарактерность информации, способствующие нейтрализации вопросительного значения; несочетаемость буквальными смыслами слов, превращающая вопросительное предложение в эмоционально окрашенное сообщение (или побуждение). Часть этих критериев имеет более общий, обязательный характер, другие являются факультативными, сопровождающимися. Некоторые из указанных критериев относятся к плану выражения, а другие – к плану содержания [2, с. 34–35].

Письменная речь лишена некоторых преимуществ устной. С другой стороны, ей доступны иные возможности. Пунктуационное оформление несобственно-вопросительных предложений (активное использование тире, скобок, запятых, постановка вопросительного знака одновременно с многоточием, восклицательного и вопросительного знаков и т.д.) позволяет в письме передать особенности устной речи. Кроме того, подчеркивание, абзацный отступ, разрядка позволяют выделить наиболее значимые смысловые фрагменты.

1. Новая технология позволит нашей компании сэкономить на перевозках и услугах хранения, а также реализовать урожай в период максимальных цен.

Стоит ли говорить, что транспортировка и постройка зернохранилищ требуют многомиллионных затрат, без которых теперь можно обойтись?

– Разработка ноу-хау позволит нам исключить расходы... – говорит сотрудник компании («Российская газета», 2008).

2. В качестве контрольного мы задавали вопрос: «Вы согласны с утверждением «Избиратели на выборах могут избирать руководителей, которые будут заботиться о народе»? Утвердительно на него ответили только 17,8 процента опрошенных. 58 процентов в такую чудесную возможность воздействовать на власть не верят.

Нужны ли комментарии? («Российская газета», 2008).

Список значений, выражаемых несобственно-вопросительными предложениями, очень широк: это оценка предмета, причины, цели, пользы или бесполезности какого-либо действия; сообщение-умозаключение, недоумение, несогласие; отдельные случаи – выражение упрека, просьбы, сожаления, сомнения, досады, иронии, насмешки.

Литература

1. Демьянков, В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы / В. З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 223–234.
2. Клокова, О. В. Несобственно-вопросительные предложения в современном русском языке / О. В. Клокова. – Новосибирск: НГТУ, 2006.

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НА МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ

Е. В. Кузнецова

Астраханский государственный университет

В силу определенных обстоятельств целое поколение эмигрантов, ставших родины в молодом возрасте, оказалось на чужбине в иноязычной среде, а следовательно, и в иной культуре, становясь носителями иной ментальности.

Б. Поплавский писал: «...не Россия и не Франция, а Париж (или Превель и т.д.) ее (молодой литературы в эмиграции – Е.К.) родина, с какой отдаленной проекцией на русскую бесконечность» [2, с. 173]. «Странно укорали «молодых» в излишнем влиянии западноевропейской и, в частности, французской литературы, в утере связи с «традиционной русской литературой». В этом, по мнению В.А. Тунманова, и заключается феномен «совершенно особой литературы», не имеющей аналога в мировой культуре [10, с. 207].

В своей книге, посвященной жизни русского Парижа, А. Зверев выступает с критикой творчества представителей «старой школы», не сотворивших «нового» в годы эмиграции. Это все же вопрос спорный, так как в годы эмиграции появилось очень много значительных для литературы произведений, достаточно лишь привести в пример «Жизнь Арсеньева» И. Бунина. А. Зверев так характеризует творчество «молодых»: «Минимум пойдет в искусство другими путями. Будет исповедь, пронзительный человеческий документ, и будут абсолютно новые формы, чтобы показать тайные страхи и боли, проникнуть в скрытые душевные движения, для которых не подходит привычные слова: пустая страница правдивее, чем набор клише, тающих за изяществом стилистики» [5, с. 306].

Писатели молодого поколения и большинство своем были бидлингтвенны, что давало им возможность активно заниматься проблемами не только русской литературы, но и западной, в частности французской. Они участвовали в специально организованных Марселем Пегги и Всеволодом Фоминим, молодым поэтом и журналистом, одним из редакторов недолго существовавшего журнала «Новый Дом», совместно с редакторами малоизвестных французских журналов «France et Monde» и «Cahiers de la Quinzaine» «Франко-Русских собраниях». В рамках «Франко-Русской студии» проходили слушания докладов на злободневные темы. Два содокладчика с французской и русской сторон готовили свои выступления, темы которых сообщались всем за месяц до собрания. После прослушивания докладов начинались прения, в которых принимали участие все присутствующие. Следует заметить, что эти вечера проходили на французском языке. В этих вечерах принимали участие не только молодые писатели,

известные критики и писатели. Всего состоялось 14 заседаний. Последнее собрание датируется 24 февраля 1931 г. Общие интересы и желание найти точки соприкосновения, чтобы создать что-то новое, найти выход из тупика было задачей для всех, а для французов необходимо было еще разбить стереотипы для нового понимания окружающих, когда Европа, казалось, не могла больше ни слушать, ни заставить слушать себя. По мнению соискателя, острые дискуссии, разворачивавшиеся во время собраний, временником, острый вклад в развитие французской и эмигрантской литературы внесли большой вклад в развитие французской и эмигрантской литературы первой половины XX в., чем написанные в тиши кабинетов эссе или мемуары. Интересна тематика выступлений: «Проблема Достоевского», «Влияние русской литературы на французских писателей» и другие. Из знаменитых французов на этих встречах выступил Поль Валери, из известных – критик Рене Лалу и католический писатель Станислав Фюме. Очень многие известные зарубежные писатели посещали эти собрания и участвовали в прениях. Другую попытку установить контакт с современной французской литературой и искусством сделал журнал «Числа», но тут дело далеко не пошло, да и сам журнал просуществовал недолго.

В ответе на опрос о наиболее значительном и интересном произведении русской литературы за последние 5 лет, проведенный в 1931 г. «Новой газетой», Ремизов, не назвавший ни одного такого произведения, писал: «Самым выдающимся явлением за 5 лет для русской литературы я считаю появление молодых писателей с западной закваской. Такое явление могло произойти только за границей: традиции передаются не из вторых рук, а непосредственно через язык и памятники литературы в оригинале. Для русской литературы это будет иметь большое значение, если только молодые русские писатели сумеют остаться русскими, а не запишут в один прекрасный день по-французски и не канут в тысячах французской литературы» [8, с. 235]. Некоторые из молодых эмигрантских писателей, особенно парижских, несомненно, подвали под влияние западной новейшей литературы (влияние Пруста, Джойса, Кафки, Селина, Мальро).

На книгу В.В. Вейдле «Умирание искусства» отзывался в одной из своих критических заметок молодой зарубежный романист Юрий Фельзен. Рецензируя мысли Вейдле по поводу романа, Фельзен писал: «...Основной порок теперешнего романа и всех других родов искусств – падение творческой фантазии, ее замена то жизненным документом, то формальной изощренностью, иногда скучной подделкой под классический роман, нередко «монтажом», особенно в американской и советской литературе... Наиболее замечательный из романистов двадцатого века Марсель Пруст, в огромной своей эпопее, наряду с чисто-художественным мышлением, передает эпизоды и душевные состояния чересчур биографические, документировано-точные, не преобразованные вдохновенной писательской волей. Слишком пристальное внимание к своему "я" затемняет это самое "я", разлагает его на мель-

чайшие составные элементы, после чего творческий синтез уже невозможен. В результате происходит разрыв между личностью творца и его творчеством, вытеснением, подавлением творчества личностью творца, введением писателя в свою "Dichtung", нежизненность, условность персонажей. Другой реформатор современного романа, Джеймс Джойс... вводит в свой роман подобие исповеди, "автоматическую записку", порой неотразимо убедительную. Но у читателя непрерывно сохраняется впечатление механистичности творческого процесса, как и механизации душевного мира Джойсовского героя. Такое же впечатление возникает при чтении многих произведений Парацелло, Андрея Белого, Вирджинии Вульф... У всех этих лучших современных писателей, по мнению автора книги, одни и те же печальные свойства: ощущение безвыходности, какое-то творческой бескрылости, чувства оторванности среди чужого им, застывающего, коснеющего мира [9, с. 124–125]. Критика была единодушна, объявив Фельзена русским «преступником». Влияние Пруста на Фельзена было несомненным, как и его склонение перед Прустом [8, с. 297]. Правильнее было бы говорить об объективном влиянии того метода в новейшей европейской литературе, который обозначился словами «поток сознания» и «внутренний монолог» и который связывается с именем не только Пруста, но и Джойса, Вирджинии Вульф, Валера Ларбо и других новейших европейских писателей. Все три романа Фельзена – «Обман» (1931), «Счастье» (1932) и «Письма о Лермонтове» (1936) написаны либо в форме дневника, либо полудневника и полунисем, обращенных от «Я» романа к некоей Леле, трудно и тяжело любимой им женщиной, и представляет по форме вариант «внутреннего монолога» [8, с. 294]. Все три романа читаются как один. В них тот же «Я», та же Леля, много же второстепенных персонажей. Этот нескончаемый роман плетется по кругу, из мелких деталей, весь развивается во внутреннем плане, без какого внутреннего действия. У Фельзена нагромождение прилагательных, его длинные неуклюже построенные периоды, в которых прилагательные вводные предложения цепляются одно за другое – тут у него несомненное сходство с Прустом. Тема романов Фельзена – любовь и ревность, кропотливый анализ со стороны «Я» его любви к Леле, настойчивое копание в себе, сопровождаемое философскими размышлениями о самых различных материях, о литературе, искусстве и пр. [8, с. 299].

В.С. Варшавский так же явно шел в русле парижской школы, учился Пруста и Джойса, но цельности Фельзена в нем не было. Но, как писал Г. Струве, в литературной среде не было единого отношения к творчеству Марселя Пруста: «Он (Шмелев – Е.К.) однажды шокировал молодое поколение русской эмиграции, заявив в ответе на одну анкету, что русской литературе ни к чему и нечему учиться у Пруста, что перед ней своя "стабильная дорога", что у нее был свой Пруст в лице М.Н. Альбова, который ничуть не хуже Пруста» [8, с. 97].

В статье «О «герое эмигрантской молодой литературы» [3] В. Варшавский пишет: «Кто является героем этой литературы? Самый задний марксистский критик сломит ногу, пытаясь определить классовую принадлежность Александра Безобразова или того "я", от имени которого ведется рассказ в романах Шаршуна, Фельзена, Газданова, и некоторых других молодых авторов. Это действительно как бы "голый" человек, и на нем нет "ни кожи от зверя, ни шерсти от овцы". Вернее, это человек одетый как-то очень бесформенно, произвольно и случайно. В социальном смысле он находится в пустоте, нигде и ни в каком времени, как бы выброшен из общего социального мира и представлен самому себе».

Е. Поплавский так объяснил тяготение молодых писателей к западной традиции: «Мы были разные. <...> Затем мы стали тем, что полюбил» [7, с. 112].

Второй рассказ Н. Берберовой, «Повелительница» (1932), был поворотом, по словам В.В. Вейдле, к «хорошо расчищенным садам французского романа». Что-то французское было во всем строе, во всей атмосфере этого романа, как и в его офранцузженной русской героине Лене Шиловской. Н. Берберова писала: «На стыке старого и нового – умерания одной эпохи и рождения другой, которое продолжается уже лет пятьдесят, – мы сливаемся обе, и в некотором смысле чувствуем себя привилегированным сословием благодаря тому, что одинаково хорошо дышим и в старом и новом, то есть способны к такому дыханию. В плане природном мы суть некие феномены этой гармонии. В плане же символическом, мы, вероятно, будем впоследствии значить, как знак моста или звена» [4, с. 273–274].

Г. Газданов писал статьи, эссе, заметки о многих французских писателях и поэтах. В его произведениях часто упоминаются имена французских философов, композиторов, художников (Ларошфуко, Сен-Симон, Вольтер, Монтеня и другие). Знание французской культуры не могло не наложить отпечатка на его прозу, отразившись в ее характере и стиле, а также на него самого.

Н. Оцуп в рецензии на первый роман Г. Газданова отмечал: «Как у Пруста, у молодого русского писателя главное место действия не тот или иной город, не та или иная комната, а душа автора, память его, пытающаяся размышлять в прошлом все, что привело к настоящему, и делающее по дороге открытия и сопоставления достаточно горестными» [6, с. 232]. Рассуждая о поэтике романа, Н. Оцуп пишет: «Не всегда, правда, все эти образы движутся в той особенной психической сфере, которая всего дороже для всех поэтов воспоминания. Есть в жизни газдановского героя моменты не то чтобы недостойные упоминания, но как-то выпадающие из общего лирического движения романа. Воспоминания вообще опасны тем, что они таят за собой другое, и автору бессюжетного романа, изображая прошлое своего героя, бывает жаль остановиться, жаль пройти молчанием еще один эпизод изображаемой жизни» [6, с. 232]. Учитывая особенности времени и среды, по мнению Н. Цховребова, именно на грани слияния литературной атмосферы и европейской культуры, формировался феномен творчества автора "Вечера у Клэр"» [12, с. 76].

М. Горький в ответ на письмо Г. Газданова писал по поводу рассказа «Войские гитары»: «Вы еще не весь и не совсем "свой", в рассказе Вы чувствуете влияние, чуждые Вам, – как мне думается. Virtuозность виртуозской литературы смущает Вас, и, например, нивный конец "Газдановской гитары", кажется, сделан "от разума". Разум – прекрасная и благородная наука и техника, но Лев Толстой и многие другие были разрезы им, как доло. Вы кажетесь художником гармоничным, у Вас разум не вторгается область инстинкта, интуиции там, где вы говорите от себя. Но он чувствует везде, где Вы подчиняетесь чужой виртуозности словесной. Будьте проще, будьте легче, будьте свободней и сильнее!» [11, с. 98–106].

Г. Адамович в рецензии на рассказ Г. Газданова «Вечерний спутник» вновь акцентировал внимание на чувственно-осязательной пленительности стиля Газданова, но в его видении проявилось и нечто новое: «...приливается с внутренним миром человека, чувства в ней растворены, мы спим – или дремлет, как бы ленился и блаженно потягиваясь в своей дремоте. Фразы, одна другой эластичнее, закругленнее и мягче, бегут непрерывно. Нет ничего такого, на чем внимание было бы резко остановлено, но все в целом полно звуков, запахов, света, хотя и кажется скорее сном, чем реальностью... В таком повествовании нечего "разбирать", да и обращено оно не к разуму, а к чувству» [1]. Далее критик пишет, что Лолэ Эссе «как бы писал человек, по-прежнему одаренный и искусный, совсем иначе настроенный. Если его что-то занимает, то, главным образом, скрытые «пружина», на которых держится общество и все общественные условия. Если его что-нибудь алет, то по преимуществу – обнаруженные различия между понятиями «быть» и «казаться»: «цель, близкая сердцу многих французских моралистов и психологов». И опять Г. Адамович трагически оценивает влияние французской культуры на Газданова.

Говоря о сближении русской и французской литературы, нельзя не упомянуть И. Тургенева, стоявшего у истоков этого сближения. Он является первым русским писателем, которого Европа открыла для себя, и с этого времени русская литература становится явлением не только европейской, но и мировой культуры. Но рядом с писателями, оставшимися русскими продолжавшими писать только на русском языке, столько таких случаев, как Анри Труайя (Лев Тарасов), начавший сразу как французский писатель и получивший Гонкуровскую премию, или Золя Ольденбург, французский исторические романы которой из средневековой жизни тоже были премированы, и которая тоже начала писать сразу по-французски, Натали Саррот, Эльза Триоле и многие другие.

Литература

1. Адамович, Г. Литература в русских записках / Г. Адамович // Последние годы ств. – 1939 – 29 июля.
2. Варшавский, В. Незамеченное поколение / В. Варшавский. – Нью-Йорк, 1956.
3. Варшавский, В. О серсе эмигрантской литературы / В. Варшавский // Числа 1930. – № 6.

4. Дневник Д. Гайто Газданова. Жизнь и творчество / Л. Дневник. – Владивосток, 1995.
5. Зверев, А. Последняя жизнь русского Парика. 1920–1940 / А. Зверев. – М.: Молодая гвардия, 2003. – С. 306.
6. Окуп, Н. Гайто Газданов. Вечер у Катор / Н. Окуп // Числа. – 1930. – № 1. – С. 232.
7. Полтавский, Б. Из дневников / Б. Полтавский // Звезда. – 1993. – № 7.
8. Струве, Г. Русская литература в эмиграции / Г. Струве. – Paris, 1984.
9. Фельден, Ю. // Алмазные «Круги». – 1937. – Книга вторая.
10. Тушманов, В. А. Литература русского города на Сене / В. А. Тушманов // Русская литература. – 2004. – № 3. – С. 207.
11. Халарова, А. К вопросу о судьбе литературного наследия / А. Халарова // Литературная Осетия. – 1988. – № 71.
12. Цохорев, Н. Д. Гайто Газданов / Н. Д. Цохорев. – Владивосток: Ир, 2003.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗОВ Г. ГАЗДАНОВА

Е.В. Кузнецова

Астраханский государственный университет

Если романы Гайто Газданова вызвали критические замечания, то рассказы, по мнению многих критиков и литературоведов, удался ему гораздо лучше. В статье-комментарии к собранию сочинений Гайто Газданова Л. Сыроватко подробно рассматривает манеру Газданова, называя его новеллистом. Определение рассказа как новеллы наводит нас на мысль о том, что автор видит в творчестве Газданова больше влияния западноевропейской литературной традиции, даже французской априори, чем русской. Отмечая то, что он не изменяет себе и в произведениях малой формы, все же исследователя оговаривается: «на макроуровне – уровне законченного целого – кажется, что рассказы писал другой человек; безусловно, единомышленник (как были единомышленниками По и Болдэр), но – вращенный в другой культуре. Более европейец». Это высказывание, на наш взгляд, идет вразрез с характеристикой стиля писателя, данной в предыдущем абзаце этой же статьи. «Он не изменяет себе ни в общей концепции человеческой жизни (путешествие – остановка – воплощение), ни в стиле – все то же свободное, без давления, дыхание, длинные периоды, которые в пространстве "малого жанра", казались бы, и развернуть негде. То же плавное, естественное, без "швов" "перетекание" эпизодов, дававшее критике повод говорить о "бессюжетности" его произведений». Нельзя полностью согласиться с этим мнением, подумавшимся качественно одинаковую характеристику произведений всего творчества писателя, а уже понятие, что проза Газданова претерпела творческую эволюцию, и дебютные рассказы отличаются от поздних и по композиции, и по стилю. Такая общая оценка прозы Газданова, можно сказать, генерализирующая, на наш взгляд, размывает своеобразия отдельного произведения, лишая его своеобразия, свойственного только этому событию, по мне-

нию многих критиков и литературоведов, писателю. Упреки критиков фрагментарности можно считать в определенной степени справедливыми относительно к дебиотным рассказам. Но эта фрагментарность не ушибила произведения, напротив, в этом-то и состоит нечто особое, не похожее на других, выделяющее Газданова и привлекающее внимание читателей, авторский прием. Так, С. Кабалоти в монографии, посвященной поэтике прозы довоенного периода, очень подробно и последовательно изучает особенности творчества писателя. В этой работе он также отмечает фрагментарность дебиотных рассказов, как и современники писателя, но, сравнивая манеру писателя с кинематографом, определяя поэтику как импрессионистскую, говорит о своеобразии писателя. Разве есть в рассказах "Повесть о трех неудачах" или "Общество восьмерки пик" это главное, естественное, "ушилов перетекание" эпизодов..., отмеченное Л. Сыроватко?

Далее Л. Сыроватко пишет, что «не случайно "западное" жанровое определение – новелла – применительно к "малой" прозе Газданова является естественнее, чем "русское" – рассказ...» С этим можно согласиться, но с оговоркой на то, что сам писатель называл свои рассказы без ориентации на французскую новеллу «Повесть о трех неудачах», «Рассказы свободного времени» и т.д. (курсив наш – Е.К.). Названием он как бы определял жанр исконно русской прозы. Автор не делает принципиальной разницы между терминами «рассказ» и «новелла», и мы вслед за ним примем эти два термина как синонимичные.

Отнесение художественного текста к определенному жанру не всегда является бесспорным, и не все исследователи согласны с существующей системой жанров [9]. Нет четких границ между жанрами и формы внутри жанров тоже эволюционируют. Существует множество определений новеллы как литературного жанра. Например, «Новелла (от итал. *Novella* – «новость») – большой по объему жанр повествовательной литературы, приближающийся к повести или рассказу (жанровые границы между этими формами не всегда могут быть проведены и определены). Чаще всего в новелле изображены один-два эпизода из жизни одного или нескольких лиц. Как правило, это произведение с острым, захватывающим сюжетом [2]. По этой характеристике рассказы Газданова не представляют динамичных произведений с интересующим сюжетом. По замечанию Гете, «новелла... новое, невиданное существо», потому что в нем отражены главные характеристики жанра: краткость, нарративность, острота сюжета, ограниченное количество персонажей, и поставлена одна из главных концептуальных проблем – трудность отграничения от рассказа и повести. Поэтому и мы можем называть произведения малой формы Г. Газданова новеллами. Для нас не важен терминологический нюанс (об определении сказано выше), гораздо важнее определить эволюцию классической новеллы и рассмотреть новеллу Газданова в литературном контексте. Не вдаваясь в полемику по терминологии «новелла» – «рассказ» относительно определения произведений жанра малой прозы Газданова, мы

отвечая очевидным то, что новеллы писателя не вписываются в данную классическую характеристику классической новеллы, а представляют трансформированную новеллу первой половины прошлого столетия. Гайто Газданов неотделим от французской литературной традиции, в частности о его отношении к творчеству Г. Мопассана можно судить по его эссе об этом писателе. Из наиболее важных этапов истории развития тех категорий, которыми обозначают основные этапы в истории развития тех категорий новеллистического текста, которые претерпели изменения в первой половине XIX в. и отражены в прозе малой формы Гайто Газданова.

Совершим небольшой экскурс в историю эволюции новеллы. Впервые французская новелла появилась в XV в. под влиянием итальянской новеллы и французских фавлю, рассказывающих о неверных женах и обманутых мужах.

В XVII-XVIII вв. французская новелла изменилась концептуально под влиянием испанской новеллы. Она стала длиннее и в этом аспекте соперничала с пасторальным романом. Изменились тематика и тональность текстов. О любви авторы рассказывали не высмеивая чувства, а восхищаясь ими. Модифицировались нарративные принципы: история начинается издалека (экспозиция), нет структурной строгости и признаков устного текста. Если в предыдущие этапы сюжет строился вокруг центрального события, была одна сюжетная линия, был один голос рассказчика, то в последующие века появляется еще один рассказчик, текст часто состоит из двух сюжетных линий, обе из которых бывают главными, экспозиция удлиняется, присутствуют «возвраты назад», нарушается хронологический порядок изложения, повествование протекает медленно, текст переполнен подробностями, деталями.

Вершиной мастерства признается французская новелла XIX в., ее называют «классической новеллой». Как отмечает Е. Евнина, французская новелла этого периода высоко ценилась Л. Толстым, И. Тургеневым и другими русскими писателями (не могла она не цениться и Гайто Газдановым). А. Чехов считал, что писать по старинке, когда существует Мопассан, «делалось уже просто невозможно» [1]. Не избежал этого и Гайто Газданов, как и новеллисты XX в., создавшие «новую новеллу». Французская новелла этого периода представляет собой на семантическом уровне правдивую, серьезную историю, порой драматическую, взятую из жизни. Структурная характеристика новеллы представлена двух- и трехчастным построением, включающим в себя так называемый «рассказ в рассказе» (например, «Венера Ильская» Мериме, «Страх» Мопассана, «Гобсек» Бальзака), наличием нескольких рассказчиков, которое Т. Освальд называет «раздвоенность» рассказчика [4]. Но рассказчик в новелле XIX в. представляется и охарактеризован, что отличает его от рассказчика новеллы XX в. и рассказчик – это гарант правдивости истории, есть указание на его присутствие либо в качестве свидетеля события, либо он сам пережил рассказываемое событие и т.п. Основной эстетической характеристикой новеллы XIX в. была ее кристаллическая прозрачность.

У Гайто Газданова из 34 опубликованных рассказов (не считая «писанных книжечко» и «Из блокнота») в 25 повествование ведется от лица героя-рассказчика не обозначен объективно, о нем почти ничего неизвестно. С новеллистами XIX в. Газданова объединяет наличие одного места действия в художественном пространстве. В большинстве случаев локализация имеет место уже в самом начале текста. Как и в классической новелле, у Г. Газданова пространство материально и почти осязаемо. Читатель без труда может представить себе город (часто это Париж с точным указанием улиц, кварталов), городскую улицу или дом. Это усиливает эффект «видения» места действия и порождает ощущение знания этого пространства. Как новеллисты XIX в., Г. Газданов с первых строк сообщает, где и когда происходит событие. Эти данные вводит читателя в строго очерченный пространственно-временными рамками виртуальный мир. Читатель играет роль не участника событий, а наблюдателя. Для него существуют, не пересекаясь. Читатель, сопереживая героям, остается равно лишь сопереживателем чужой жизни, чужой истории. Даже если история может повлиять на читателя, заставить его переоценить свою жизнь, всколыхнуть воспоминания и т.д., этот мир останется чужим замкнутом в строго очерченные рамки текстового времени и пространства.

Персонажи новелл и рассказов, в отличие от героев романа, не имеют возможности совершать много действий, так как объем текста не позволяет им этого. Из-за присутствия одного голоса рассказчика в новелле, пока он и создает образ персонажа, поэтому каждая деталь в его характеристике имеет большую значимость, чем в романе, и его характеристика изменяется на протяжении всего повествования. Как и в классической новелле, персонажи Газданова всегда являются представителями той или иной социальной группы, имеют психологическую характеристику, в отличие от новеллистов конца XIX в., Газданов не объясняет читателю мотивы поступков, причины действий персонажей напрямую. Они становятся понятны благодаря описанию ситуации, условий и т.д.

В отношении формальных средств организации текста необходимо остановиться на рассмотрении структуры новеллистического текста. Автор XIX в. прибегают к романтическому приему – экспозиции, которая является одним из компонентов новеллистической структуры, обеспечивающей четкое построение. Кроме экспозиции, обязательным элементом структуры являются завязка и развязка. Трехчастность структуры, таким образом, обязательное условие построения классической новеллы, ее трансформационной модели. У Гайто Газданова часто экспозиция отсутствует, и сразу излагает события, или экспозиция затихивается, и нарушается классическая структура новеллы («Исчезновение Рикарди»). Отсутствие четкой формальной организации не дает автору подчеркнуть важность каждой части, ее роль в макроструктуре текста.

Относительно темпоральной организации текста следует отметить наличие чужие определенного соотношения между временем протекания событий

временем повествования с них. Чаще всего у Гайто Газданова ритм повествования соответствует ритму развития истории. В тексте есть периоды, которыми автор уделяет больше внимания и посвящает им больший объем текста, чем другим. Таким образом, повествование развивается в таком темпе, что, с одной стороны, своим динамизмом поддерживает интерес читателя, с другой, – достаточно спокойное, чтобы читатель сумел понять текст.

Таким образом, с одной стороны, Гайто Газданов продолжает прежние традиции, а с другой, явно выдел разрыв между классической новеллой и новеллой первой половины XX в. Семантически и структурно его тексты организованы иначе: экспозиция стала значительно короче и передает в большей мере психологическую атмосферу, чем служит пространственно-временной рамкой для будущих событий, содержит меньше деталей, отсутствуют обращения к читателю, не всегда текст имеет все части структуры новеллы. На уровне концептуальных особенностей новеллы Газданова следует отметить изменение тематик: он рассказывает о житейских мелочах, о неважных и странных случаях, на которые как бы и не стоило обращать внимания, но которые представлены как характерные и важные моменты в жизни отдельного человека. Новелла потеряла свою основную тему – «новость», она рассказывает об обычных фактах из жизни обычных людей, поэтому можно назвать произведения малой прозы Газданова рассказами. Тематическим аспектом его рассказы напоминают проблематику рассказов А.П. Чехова, который также индивидуализирует каждый отдельный момент в жизни простого человека. Он раньше французов изменил нарративную концепцию своих новелл. Уже при жизни А. Чехова упрекали в «отсутствии мисосерциания», в «случайности его тем, которые казались многим критикам «безразличным набором фактов и происшествий» [3]. Такие открытия чеховской прозы, как новые герои, страдающие от бессмысленности, тоски, одиночества и отсутствия понимания, новые сюжеты, новая манера разговора с читателем, не могли не оказать влияния на молодого писателя. Гайто Газданов родился в самом начале прошлого века и в годы своего становления (которое происходило во Франции) познакомился с творчеством Чехова-новеллиста, как и писатели-французы, основоположники современной новеллистической концепции (Ф. Морнак, Ж.-П. Сартр, А. Камю), если учесть непреходящую на него моду и интерес к нему во Франции. Освальд отмечает, что персонажи Чехова расплывчатые, легко терются из вида, что они оказываются в экзистенциальной катастрофе, которую им трудно пережить [4]. И у Чехова, и у Газданова рассказы отличаются незначительной интригой и почти полным отсутствием действия (впрочем, у последнего рассказы более динамичные, и мы говорим лишь о некоторых общих точках соприкосновения между этими мастерами, а не о подражании Чехову).

Итак, во главу угла в новелле XX в. поставили чувства, ощущения (триггерные, вневременные и т.д.), состояния души, попытки осознать человеческую

сущность. Исследователи новеллы пишут, что современная новелла перестала быть новеллой-историей и превратилась в новеллу-состояние души, в которой ничего не происходит, кроме интимного и бесконечного [8]. Новелла Гайто Газданова, рассказывая о личном, интимном, наполнена полупрозрачными намеками, недосказанностью. На первый план выходят новые формы «отрицания» на новом языке, изменяется логика нарратива, которая раньше, прежде, задумывается над тем, как сказать, чем над тем, что сказать [5].

Итак, в XIX в. конфликт в новелле обязательно разрешался, а в новеллах XX в. нет конфликта и нет его разрешения, есть только состояние сознания, порожденное конфликтом. Поскольку текст не рассказывает историю в развитии, то он может начинаться с середины и заканчиваться завязкой. То, в чем упрекали Газданова современные ему критики, — отсутствие ядра, вокруг которого сконцентрировалось бы его содержание. С точки зрения сегодняшнего времени исследователями по-иному рассматривается жанр «новелла». Можно сказать, что вся новелла и есть центр, то, ради чего создается текст и который часто не рассказывает никакой истории и имеет концовку [6]. Однако есть и другие мнения по этому поводу, например, Ю. Ниссен полагает, что у современной новеллы есть сюжет, его отсутствие — это всего лишь иллюзия, так как ее настоящий сюжет — это «светящееся ядро, светящийся стержень», без которого новелла просто нет. Он считает, что сюжет — это не обязательно история в прямом смысле слова, это и «напряжение» текста, которое пронизывает его целиком [7].

Литература

1. Евина, Е. Мопассан и его рассказы / Е. Евина // G. de Maupassant. Contes nouvelles. — М.: Прогресс, 1976. — С. 3–32.
2. Тимофеев, Л. И. Краткий словарь литературоведческих терминов: пос. для уч-щ. сред. школы / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. — М.: Просвещение, 1978. — С. 103.
3. Эйхенбаум, В. О Чехове / В. Эйхенбаум // О прозе. — Л.: Художественная литература, 1969. — 359 с.
4. Oswald, T. La nouvelle / T. Oswald. — Paris: Hachette, 1996. — P. 110.
5. Faye, J. P. L'entre narration / J. P. Faye // La Narration nouvelle. — Paris, 1978. P. 196–197.
6. Hallis, G. Nouvelle cuisine. La nouvelle... élitiste ou populaire? / G. Hallis // Nouvelles nouvelles. — № Special. — P. 93.
7. Nyssen, H. Reflexions d'un éditeur / H. Nyssen // Nouvelles nouvelles. — № Special. — P. 82.
8. Congiu, Ch. Etoffer c'est étouffer / Ch. Congiu // Nouvelles nouvelles. — 1988. № Special. — P. 95–97.
9. Lejeune, Ph. Le récit de vie, un nouveau genre? / Ph. Lejeune // Le français d'aujourd'hui. — 1987. — № 79. — P. 59–66.
10. Schaeffer, J.-M. Qu'est-ce qu'un genre littéraire? / J.-M. Schaeffer. — P. — Seuil, 1980.

ЧАСТОТНОСТЬ ЛЕКСЕМ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

О.С. Макарова

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород

Актуальность изучения наиболее частотных языковых единиц в рекламных текстах (РТ) различных языков обуславливается стремлением объяснить механизм запланированного воздействия на адресата (что является, безусловно, главной задачей любого рекламного сообщения). Ряд работ показывает, что при всем жанровом многообразии РТ, различных коммуникативно-организационных условий их реализации (цели, содержание, коммуникативные процессы, типовая форма общения), психосоциального контекста, целевой аудитории, выбранного языка, типа рекламируемого товара наиболее частотными словами остается небольшой список языковых единиц. Очевидно, что эти лексемы концентрируют в максимальной степени информацию о тех свойствах товара, которые обладают наибольшим воздействием на сознание потребителя вне зависимости от психологических и социальных особенностей личности. Реализация главной задачи рекламного сообщения на вербальном уровне связана с использованием единиц, знакомых большинству представителей лингво-культурного сообщества, регулярно актуализируемых в речи.

Наряду с универсальными, наиболее частотными языковыми единицами РТ определенной товарной категории обладают собственными (специфическими) лексемами, маркирующими заданное текстовое пространство. Для подтверждения этой гипотезы мы предприняли статистическую обработку корпуса из 370 текстов, рекламирующих косметику. Компьютерная обработка дала следующие результаты (табл.).

Таблица

20 самых частотных слов в рекламных текстах косметики

Лексема	Частотность, абсолютная	Частотность, %	Rank
New	236	2,1	1
Your	217	2	2
Skin	188	1,7	3
You	159	1,4	4
Hair	152	1,4	4
Color	136	1,2	5
Shine	77	0,7	6
Makeup	69	0,6	7
Look	59	0,5	8
Beautiful	59	0,5	8
Natural	57	0,5	8
Formula	55	0,5	8
Just	53	0,5	8

Free	52	0,5	9
Now	47	0,4	9
L'Oreal	46	0,4	9
Garnier	46	0,4	9
Volume	42	0,4	9
Shades	41	0,4	9
Every	41	0,4	9

Первое слово, самое частотное в РТ косметики и в рекламе вообще (у Г. Лича – первое по популярности прилагательное во всех видах рекламы – лексема *new* (236 случаев употребления, или 2,1 %). Она встречается в двух случаях из трех и является одним из самых сильных стимулов для потребителя. Реципиент рекламного сообщения всегда реагирует на новизну (с этим связана маркетинговая техника «запланированное устаревание», когда новая упаковка или некоторое, но строго оговоренное законом изменение в составе продукта дает право называть его новым, обновленным, что служит удобным способом введения УТП).

Лексема *new* может быть связана не только с продуктом, но и с процессом регенерации, обновления. Рассмотрим РТ продукта *Skin Renew*: "Garnier, powerful anti-oxidant Lycopene... now in skincare proven to transform skin to flawless, visibly brighter skin. Garnier Nutritioniste. It's like getting new skin from within". Garnier. Take Care ("Glamour", August 2007). В этом примере «новый» относится не к продукту, а к объекту воздействия (в его роли выступает реципиент либо его отдельный орган, в данном случае – кожа). Тем не менее, потенциал воздействия лексемы *new* высок, а здесь он подкрепляется использованием метафоры «лечение на клеточном уровне», подразумевающей, что препарат «работает изнутри», стимулирует процесс обновления клеток на глубинном уровне. Но это не совсем так, потому что надписью мелким шрифтом внизу журнальной страницы уточняет, что "Dermatologist nutrients (= ingredient complexes) developed exclusively by Garnier to work in skin's outer layer". "It's like getting new skin" – оценочная реакция конкретного человека (= эксперта), выражает мнение, что состояние х, которое он(а) испытывает в момент или после использования препарата можно сравнить с «приобретением» новой кожи. Структура *as if, as though* и ее разговорные варианты *it's like, it feels like* посредством использования метафоры выражают эмоциональное состояние человека и не являются утверждением об истинном положении вещей (ср. *it feels like heaven* не свидетельствует, что человек находится в небе или на небесах).

К универсальным частотным единицам относятся и местоимение *you* (1,4 %) и его дериват притяжательное местоимение *your* (2 %), что в совокупности дает 3,4 % от общего текстового массива. Это местоимение указывает на фактор адресата и на «диалогичность» рекламной коммуникации [1; 2, с. 12–13]. Традиционно мы осознаем односторонность рекламного

сообщения, ответную реакцию на которое можно получить лишь косвенным путем (спросы общественного мнения, письма и звонки производителя), спрос на рекламируемый товар). Тем не менее, монологичность рекламного сообщения оценивается исследователями как негативный фактор, а то время как аналогичность – как положительный. Последний может проявляться разными способами (визуально – человек с иллюстрацией смотрит на адресата, лингвистическими средствами – использование риторических вопросов, обращения к потребителю, рекламы-загадки, в которой адресат должен найти ответ на вопрос: что же означает цепочка образов, о чем они хотят сказать?). В данном случае использование местоимений *you* и *your* практически в каждом РТ говорит о прямом / косвенном обращении к адресату.

Лексемы *skin* (1,7 %), *hair* (1,4 %) отражают отраслевую специфику этой группы рекламных объявлений. Частотность этих лексем связана с называнием объекта воздействия. Семантический инвариант текста, рекламирующего косметические средства, имеет вид «Я предлагаю / рекомендую / советую Вам приобрести X, так как X положительно воздействует на Y» или «т.к. X избавит Y от Z», где X – рекламируемый продукт, Y – объект воздействия (кожа, волосы, ресницы, губы и пр.), Z – нежелательные явления. Эксплицитно или имплицитно, упоминание объектов воздействия присутствует в каждом РТ.

"Revlon Defy Age. Age Defying Makeup with Botafirm Fights the fine lines of aging, even after you've taken it off (1). The only makeup with a patented botanical and hexapeptide complex to make your skin look younger and more radiant instantly, while encouraging skin rejuvenation even after you've taken it off (2). Available for Dry and Normal / Combination skin (3). Reduces fine lines by 50 % in just 2 weeks (4)" ("Glamour", August 2007). Так, в (1) предлог *after* описывает последствия (результат) действия косметического препарата, объект воздействия упоминается в (2), (3), негативные явления, от которых реципиент желает избавиться, – в (1), (4).

Вывод о частотности лексем, описывающих заданное пространство рекламируемого продукта, подтверждается параллельными исследованиями. Так, РТ шоколадных батончиков включают описание категории продукта (*energy* (1 %), *protein* (0,6 %), *carb* (0,4 %) and *bar* (1 %)), местоимения (*you* (1,4 %), *your* (0,6 %)). Отмечается употребление 22 лексем, относящихся к ЛСГ «школа» (*chocolate* и *almond*, например) и 94 слова, относящихся к ЛСГ «здоровье» (*calcium, nutrition, protein, whey*).

Аналогичное исследование РТ алкогольной продукции показало, что из 20 самых частотных слов только два указывают на специфический характер продукта (*smooth, distilled*). Другие частотные лексемы включают *taste, drink, you, good, one, enjoy, best, fine*. Отдельно следует отметить лексемы визуальной модальности в рекламе косметики (*color, look, beautiful, sine*,

make-up, shades), и кинестетической – в РТ продуктов (delicious) и в
гольных напитков (taste, drink, distilled) [4].

Как видно из приведенных данных, список наиболее частотных
состоит из наименований явлений и предметов, а также их признаков,
носшихся непосредственно к сфере рекламируемого продукта. Девять
color (1,2 %), shine (0,7 %), make-up (0,6 %), beautiful (0,5 %) являются
описание рекламируемого продукта и эффект от его применения.

Литература

1. Морозова, И. Рекламный стиль: теория и практика структурного анализа
языкового пространства / И. Морозова. – М., 2002.
2. Тарасевич, Т. М. Особенности функционирования экономической терминологии
современном рекламном дискурсе: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Т. М. Тарасевич.
Кемерово, 2007.
3. Leech, G. N. English in Advertising / G. N. Leech. – London, 1966.
4. Liu, D. Language of Advertising / D. Liu, L. Westmoreland. – Access via
http://www.stanford.edu/class/linguist34/Unit_09/address.htm.

РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

О.П. Матвеева

Новороссийский филиал Пятигорского государственного
лингвистического университета

Вопросом речевого воздействия занимаются уже давно, начиная с А
тичности, когда успех судебного разбирательства зависел от ораторских
искусства выступающего. Целью было изложить дело так, чтобы судья
публика, окружающая судебный трибунал, поверили в его истинность.
есть сама структура речи была немаловажным фактором ее успешности.
Факторы, определяющие успешность публичного выступления, сейчас
изучаются такими дисциплинами, как социология, психология, кибернетика,
политология, а также психолингвистика, лингвопрагматика, теория
дискурса-анализа.

Любое речевое общение можно обозначить как воздействие, поскольку
как показали научные исследования (Т.А. ван Дейк, О.С. Иссерс, В.И. Кар
сик, Е.В. Клоес, Э.А. Лазарева, П.О. Миронова, Ю.К. Пирогова, Н.Б. Ружо
цева и другие), в любом акте речевого общения коммуниканты преследуют
определенные неречевые цели, оказывающие влияние на деятельность
беседника.

В качестве единиц человеческой коммуникации выступают не отдельные
слова или фразы, но определенные акты общения, речевые действия,
которые можно также обозначить как коммуникативные акты, или речевые
акты. Речевой акт, по мнению О.С. Иссерс, представляет «целенаправлен
ное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и пра
вилами речевого поведения, принятыми в данном обществе» [2, с. 412]. По
нению речевых актов тесно связано с понятием стратегии речевого воздей
ствия, поскольку различные виды и типы речевых актов, как упоминалось,
интенциональны, то есть направлены на достижение определенной цели.

Политический дискурс представляет собой совокупность всех комму
никативных практик, протекающих вокруг нескольких центральных идей –
власти, управления, подчинения. Политический дискурс имеет сильную
мотивационную основу – получение и удержание власти. Интенциональ
ность политического дискурса обозначается как суггестивно-персуазивная
намеренно, (Р.М. Баккер, Д. Боллинджер, А.Н. Баранов, Е.Г. Борисова, П.Б. Паршин,
Г.Г. Слышкин, Е.Ф. Тарасова, Н.А. Greven, K.J. Hardin и другие).

Для эффективного достижения коммуникативной цели отправителю
сообщения, в ситуации политического дискурса политику необходимо не
только достаточное количество информации о реципиенте, но и стратеги
ческое планирование приемов воздействия и возможной реакции, поскольку
в ситуации политического дискурса отсутствует непосредственная связь
между отправителем и получателем сообщения, и выступление нельзя
корректировать по ходу, основываясь на непосредственном анализе реак
ции получателя сообщения. Реакция аудитории может проявляться лишь в
последующем оказании поддержки данному политическому лидеру или же
ее отсутствии, поэтому роль стратегического планирования речи в оказани
и персуазивно-манипулятивного эффекта велика. Это особенно актуально
в ситуации с активным сопротивлением воздействию со стороны аудитор
ии [5], где сначала необходимо нарушить стереотип восприятия, усилить
оказанный эффект и закрепить его.

Что необходимо понимать под стратегией? Понятно, что интерпретации
данного понятия будут варьироваться в зависимости от применяемого под
хода: текстологического, психологического, риторического, когнитивного,
прагматиколингвистического [6]. В общем смысле стратегия может пониматься
как система выстроенных «по принципу иерархии компонентов» [1, с. 9],
«когнитивный план общения» [3, с. 14], «общий план, или вектор, речевого
поведения» [4, с. 6], некоторая инвариантная «модель действия или несколь
ких действий, направленных на преодоление определенного затруднения»
[6], целью которого является достижение коммуникативных целей говоре
щаго. Стратегия целенаправленна, системна, интерактивна и реализуется по
средством набора речевых тактик, а также реализующих речевые тактики
коммуникативных ходов или приемов. В каком-то смысле стратегия не реа
лизуется, но создается в процессе достижения цели (конкретной интеракции).

Тактика – это «конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе
осуществления речевой стратегии» [4, с. 6], представляющий собой «одно
или несколько действий, способствующих реализации стратегии» [1, с. 16].
Тактика соотносится с определенным этапом в осуществлении стратегии и
направлена на реализацию отдельной коммуникативной задачи данного
этапа.

эмоциональный фон для излагаемых фактов, что, несомненно, увеличивает силу производимого ими эффекта.

Стратегическое планирование речи, как доказало наше исследование, увеличивает силу манипулятивного воздействия ввиду большей концентрации и выгодного сочетания различной информации.

Литература

1. Аннон, Е. Е. Стратегия сопоставления в российской и американской речевой дискурсе // канд. филол. наук / Е. Е. Аннон. – Тюмень, 2008.
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики / О. С. Иссерс. – Екатеринбург – Омск, 1999.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи // автореферат дис. ... канд. филол. наук / О. С. Иссерс. – Екатеринбург, 1999.
4. Сковородников, А. П. О необходимости расширения понятий «речевой прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике лингвистической лексикографии / А. П. Сковородников // Риторика // Лингвистический сборник статей. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 5–11.
5. Демьянчук, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // В. З. Демьянчук // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. – М.: Издательство Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116–121.
6. Шейгал, Е. И. Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации // Е. И. Шейгал, Ю. М. Наумова // RESPECTUS PHILOLOGICUS. – 2004. – № 5 (10). С. 29–41.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОВТОР В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О.В. Рогова

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Изменения в политике нашей страны, переход от тоталитаризма к демократии, к реальным событиям в политической жизни страны не могли привлечь внимания специалистов, занимающихся социальными коммуникациями [8, с. 133]. Политический дискурс является отражением общенационально-политической жизни страны, несет в себе элементы ее культурного облика и национально-специфические культурные ценности. В последнее время изучению политического дискурса уделяется большое внимание лингвистической литературе, как отечественной, так и зарубежной. При этом берутся во внимание различные проблемы, связанные с функционированием языка в политической сфере: существует ли язык политики, какими особенностями он обладает и многие другие вопросы. Анализ политического дискурса также помогает выделить концепты и концептуальные оппозиции, актуальные для данного этапа общественной жизни, изучить тактики и стратегии общения, найти наиболее эффективные способы

общения с аудиторией, определить универсальные черты и национально-специфические особенности политического дискурса.

Связь между правительством и другой стороной политической коммуникации – народом, который происходит в «верхах», – обеспечивает главный проводник связи – телевидение, что происходит в «низах», – обеспечивает главный проводник связи – средства массовой информации. В связи с этим при анализе политического дискурса интерес будут представлять записи интервью, статьи в газетах, журналах, связанные с сообщением о политической жизни страны и мира в целом.

Особенности политического дискурса обуславливают наличие специальных черт языка политики, а также использование специальных средств, способствующих реализации основных функций политического дискурса. Главное отличие текста от дискурса заключается в том, что текст является собой законченное произведение, подвергнутое определенной обработке с точки зрения стилистики. Дискурс, в свою очередь, представляет собой речевую деятельность, на которую оказывают влияние не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы.

Политический дискурс можно определить как реализацию языка политики, реальное воплощение в речи всех средств национального языка, которые можно использовать в «контексте политической деятельности» [8, с. 272].

Выделяются следующие основные функции политического дискурса: 1) суггестивная, несущая определенное воздействие на слушателя; 2) информативная, отвечающая за беспристрастное сообщение о всякого рода событиях; 3) экспрессивная, подчеркивающая субъективное отношение говорящего к обозначаемым предметам и явлениям действительности; 4) магическая, придающая некую ритуальность политическому дискурсу и способствующая созданию дистанции между народом и правительством, использующая также для внушения патриотических чувств к Родине и уважения к своему правительству [1; 2; 3; 4].

Многие исследователи отмечают предназначенность политического дискурса для воздействия на адресата. Вследствие того что в политическом дискурсе выступающие часто имеют о своей аудитории лишь статистическую информацию, может возникать недопонимание со стороны адресата, поэтому выступающему необходимо использовать такие языковые средства, тактики и стратегии речевого воздействия, которые могли бы свести это недопонимание к минимуму и сделать общение более успешным.

Основные стратегии, используемые в разных жанрах политического дискурса, соответствуют главной интенции каждой группы жанров. Например, в ритуально-информационном выступлении используется главным образом стратегия формирования эмоционального настроя адресата и агитационная стратегия, в текстах ориентационных жанров – информативно-интерпретационная стратегия и стратегии убеждения (агитационная и аргументативная). Свообразие

жанра предвыборных теледебатов позволяет политикам использовать в группе стратегий речевого воздействия, но главными здесь являются стратегии борьбы за власть (стратегии дискредитации, нападения и самозащиты), подчеркивающие агональность жанра теледебатов.

Функции политического дискурса обуславливают активное использование в политической коммуникации семантических повторов, поскольку их функциональная значимость во многом совпадает с интенциями политического дискурса.

Основными функциями семантического повтора в текстах политического дискурса являются: 1) подчеркивание, выделение основной мысли письменного текста или монологического высказывания; 2) подчеркивание темы диалога и поддержание коммуникативного контакта; 3) уточнение высказанной мысли в целях предупреждения двусмысленного толкования; 4) метаязыковое пояснение; 5) уклонение от ответа, смена темы разговора; 6) акцентирование несогласия, отрицания мысли собеседника; 7) подчеркивание противопоставления; 8) избегание тавтологии, повторения одной и той же формы слов.

Среди семантических повторов по характеру отношения к означаемому и означаемому языковому знаку можно выделить две группы повторов: 1) тавтологический повтор, когда у элементов повтора совпадают план содержания и план выражения; 2) явление семантической эквивалентности, когда у компонентов повтора при различиях во внешней форме наблюдается семантическое сходство [1; 2; 3; 4].

Тавтологический повтор возникает при неоднократном употреблении одних и тех же языковых единиц – морфем с деривационным и вещественным значением (аффиксальный и корневой тавтологические повторы соответственно), при повторении слова (лексический), словосочетаний или предложений (фразовый). Например: *Планы партии – планы народа* (лексический тавтологический повтор, образующий фигуру анафоры); *We aren't attacking Islam, but Islam has attacked us* (лексический тавтологический повтор).

К явлениям семантической эквивалентности мы относим лексические фразовые, междуморфемные, корневые синонимические повторы, импликационно-ассоциативные конструкции и перифразы. Например: *Реформа это неизбежное и необходимое преобразование, это жизненная необходимость для нас с вами* (корневой синонимический повтор); *We'll be steadfast in our determination* – *Мы будем тверды в нашей решимости* (импликационно-ассоциативная конструкция, в которой главный элемент имплицирует семантику зависимого, оба элемента фигуры повтора несут семантику «непоколебимость»).

Самыми распространенными являются лексические тавтологические повторы. Они чаще всего используются для реализации одной из основных функций повтора – функции подчеркивания, выделения основной мысли устного или письменного текста. Повторы полнозначной лексики обычно

прямо связаны с темой текста или его части. С помощью повторения ключевых понятий происходит задержка, концентрация внимания на наиболее важном аспекте, на основной мысли сообщения. Наибольшая распространенность самых простых по структуре повторов – лексических тавтологических повторов – для реализации функции подчеркивания характерна как для русскоязычного политического дискурса, так и для англоязычного, и связана, по-видимому, с общей тенденцией языка – тенденцией к упрощению, экономии времени, усилий.

В русских контекстах значительно чаще встречаются тавтологические повторы, обладающие грамматической вариативностью (например, повтор существительного в разных падежных формах, характерный только для русскоязычного политического дискурса, например, в высказывании С. Кириенко: *Президент поставил перед госкомиссией серьезную и ответственную задачу разработки новой программы ликвидации этого вида оружия... мы не выполнили программу в том виде, в каком она была утверждена в 1996 году*). Это связано со строем языка, в данном случае – с синтетизмом русского языка, дающего больше возможностей варьирования средств выражения.

В американском дискурсе значение семантического повтора часто усиливается синтаксическим параллелизмом, подчеркивающим смысловое соответствие и параллели, а также интонацией, штированием, использованием метафоры, журналистского комментария высказываний политических деятелей. Например: *Today, America speaks anew to the peoples of the world... Today, I also speak anew to my fellow citizens* – *Сегодня Америка по-новому говорит с народами мира... Сегодня я по-новому говорю с моими гражданами* (повтор усиливается синтаксическим параллелизмом); *By our efforts we have lit a fire as well, a fire in the minds of men... And one day this untamed fire of freedom will reach the darkest corners of our world* – *Мы также уже зажгли огонь, огонь в душах людей... И однажды этот необузданный огонь свободы доберется до самых темных уголков нашего мира* (повтор участвует в реализации метафоры).

Таким образом, в русскоязычных выступлениях, независимо от жанра, семантический повтор занимает ведущее место в реализации тактики ративности, а в англоамериканском политическом дискурсе – в тактиках, соответствующих ведущей интенции жанров политического дискурса.

Это объясняется главным образом экстралингвистическими факторами, историей и лингвокультурной традицией: США имеют многовековую историю развития демократического государства во главе с Президентом с давно сложившимися традициями в политической жизни страны, в то время как в России институт президентства достаточно нов, история развития демократии насчитывает всего несколько лет.

Литература

1. Афанасенко, Е. В. Общие и частные функции тавтологического повтора в политическом дискурсе / Е. В. Афанасенко // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. – Саратов, 2004. – С. 103–106.
2. Афанасенко, Е. В. Функционирование тавтологического повтора в англоязычном и русскоязычном политическом дискурсе / Е. В. Афанасенко // Лингвистические и коммуникативные аспекты анализа текста и речи. – Соликамск, 2004. – С. 12–15.
3. Афанасенко, Е. В. Роль семантического повтора в реализации речевых стратегий в политической коммуникации / Е. В. Афанасенко // Романо-германская филология. Саратов, 2004. – С. 252–256.
4. Афанасенко, Е. В. Семантический повтор как средство воздействия в политическом газетном тексте / Е. В. Афанасенко // Лингвистические и культурологические аспекты коммуникации. – Саратов, 2004. – С. 50–54.
5. Афанасенко, Е. В. Политический газетный текст и семантический повтор / Е. В. Афанасенко // Филологические этюды. – Саратов, 2005. – Вып. 8. – С. 88–90.
6. Афанасенко, Е. В. Роль семантического повтора в реализации стратегий политической коммуникации / Е. В. Афанасенко // Вестник СГУ. – Саратов, 2006. – Вып. № 4. – С. 236–240.
7. Газета «Известия», 1999–2003 гг.
8. Шенгад, Е. И. Семантика политического дискурса / Е. И. Шенгад. – М., 2007. – 217 с.
9. «International Herald Tribune», 2001–2003.

РАССКАЗЧИК КАК КАТЕГОРИЯ НАРРАТИВНОГО ТЕКСТА

Е.И. Сернова

Астраханский государственный университет

В современной лингвистике (Д. Монгено, Ж. Женетт, У. Эко, М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Н.А. Коженикова, З.Я. Тураева, и другие) уделяется большое внимание категории *рассказчика*, которая признается фундаментальной. Рассказчик является единым организующим центром.

Термин «рассказчик» чаще обозначает инстанцию более или менее субъективную, личную, совпадающую с одним из персонажей или принадлежащую миру повествуемых событий [4, с. 64].

Рассказчик конституируется в тексте и воспринимается читателем во многом абстрактная функция, а как субъект, неизбежно наделенный определенными чертами (мышлением и языком). Он может быть сконституирован как сверхчеловеческая всеведущая и вседущая инстанция, живущая в разных эпохах, проникающая в самые потаенные уголки сознания персонажей [4, с. 65].

Под категорией рассказчика понимаются продуманные, осознанно избранные писателем перспектива текста, точка зрения, говорящий в тексте голос, то есть все то, что фактически создает текст и является его constitutive частью.

Рассказчик полностью принадлежит тексту и является субъектом высказывания, который располагает части текста в определенном порядке и видит перспективу развития действия [10, р. 45].

В тексте категория рассказчика играет важную роль. Это происходит потому, что текст строится в зависимости от местоименной формы, которая, в свою очередь, связана с временной структурой и всей лексико-семантической и синтаксической системой текста.

Рассказчик представляет дейктический элемент нарративного акта, который указывает на его основного участника (субъекта высказывания) и обозначается местоименными формами «il» и «je», иногда «tu», «on», «vous», «nous».

Речь «il» в форме рассказчика безвекторна и не имеет своего собеседника. Его голос звучит нигде, взгляд направлен на рассказываемую историю, а сам он находится за пределами повествуемой истории, в так называемом внетекстовом пространстве.

Взгляд рассказчика «il» охватывает все события, разворачивающиеся в тексте, он знает прошлое, настоящее и будущее каждого действующего лица, их мысли, мотивацию, их поступки.

В отличие от рассказчика «il», рассказчик «je» находится внутри текстового пространства, на расстоянии от действующих лиц, являясь одним из них или главным. Поскольку изложение «пропущено» через сознание и эмоциональный мир говорящего «je», его восприятие событий сужено рамками личных возможностей и несет на себе отпечаток его субъективных оценок.

По мнению П. Гиро [8, р. 120], повествование от «je» более субъективно чем то, в котором используется «il» в функции рассказчика. Это связано с тем, что местоименная форма, во-первых, наиболее приближена к говорящему субъекту, во-вторых, отделена от него в восприятии слушающего / читающего только психологически.

В терминологии Ж. Женетта [7, р. 203], рассказчик «je» – это гомодиегетический «homodiegetique» рассказчик, единственной функцией которого в рамках текста является либо роль «звезды», основного действующего лица повествования, либо свидетеля событий. Выступая в роли главного героя, «je» создает текст автодиегетический «autodiegetique», в котором звучит только его голос и где он не уступает своей функции рассказчика.

Местоимения в тексте, как указывает Р. Якобсон [9, р. 179], не являются простыми указателями, а несут в своем общем значении конкретную особенность, например, «je» указывает всегда на субъект речи и на наличие сообщения, то есть на факт коммуникации. Местоимение первого лица выражает тесную связь между говорящим и его речью в силу своей семантики и функциональных особенностей.

Основными характеристиками повествования от первого лица являются субъективность и зависимость от рассказчика.

Рассказчик «je» представляет собой «ядро», из которого исходит информация, так как именно он является ее источником, определяющим ее важность при порождении и понимании текста.

Субъективное повествование строится вокруг местоимения первого лица «je», обращенного к виртуальному «tu».

Рассказчик "je" находится внутри текстового пространства. В результате такой близкой дистанции от центра рассказываемого он имеет ограниченный угол зрения. Повествование его субъективно, эмоционально и параллельно к виртуальному "tu", находящемуся за пределами текстового пространства. Для создания логико-семантического каркаса текста знающими являются знания этого "tu", его позиция, отношение к повествуемому событию.

В отечественной языковой науке выделяется особая семантическая стилистическая разновидность повествования от первого лица рассказчика, которая носит название «сказа».

Термин «сказ» определяется как повествование, заявленное как речевое: «Сказ есть установка в повествовании на устное слово, текст его складывается из живых речевых представлений и речевых эмоций» [6, с. 309]. Следующее определение приводится в энциклопедическом словаре: «Сказ – принцип повествования, основанный на имитации речевой манеры обособленного от автора персонажа-рассказчика; лексически, синтаксически, интонационно ориентирован на устную речь» [Словарь иностранных слов, с. 1228].

Б.М. Эйхенбаум [5, с. 214] выделяет два рода сказа: повествующий и воспроизводящий.

Повествующий сказ он рассматривает как манеру повествования, которая отражает характер, умственный кругозор рассказчика.

Воспроизводящий сказ, по его мнению, есть освобожденная от мимикрирования характером рассказчика игра в разные словесные жесты, в которой он фигурирует лишь как актер, как носитель языковых масок.

Сказ рассматривается Б.М. Эйхенбаумом [5, с. 225] не как специфическое проявление повествовательного текста, а как «демонстрация» более общих принципов, заключающегося в «установке на слово, на интонацию, на голос».

В.В. Виноградов [1, с. 49] под сказом понимает своеобразную литературно-художественную ориентацию на устный монолог повествователя типа, это художественная имитация монологической речи, которая, являясь в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке непосредственного говорения.

В.В. Виноградов выделяет два вида повествования от первого лица.

Первый вид, который выполняется на литературном письменном языке с учетом всех грамматических норм, где автор «влечет за собой цепь чужих языковых сознаний...», как это делает Гоголь, «поднимавший сказочные приемы за холостяка на уровень норм стилистики литературно-художественной прозы, своеобразно их деформируя и сочетая с другими стилистическими элементами» [1, с. 127–129].

Второй вид повествования, вслед за Б.М. Эйхенбаумом, В.В. Виноградов предлагает называть сказом, характеристиками которого являются стремление к «иллюзии своего литературного слияния с устными повествовательными монологами» и семантика "je". По мнению ученого, «сказ» рассказчика имеет метафоричный оттенок и представляет образ с двойственной функцией: одновременно имя субъекта и местоимение». В сказе

«Я» выполняет функцию «образа-местоимения», так как оно максимально удалено от авторского "Я", которое является образом-именем». В связи с этим «Я» сказа позволяет писателю «покрыть формы речи, скомбинированные из элементов различных литературных книжных жанров и из сказово-диалектных конструкций» [1, с. 128].

Н.А. Кожевникова [2, с. 115] выделяет две задачи сказа: создание иллюзии устной и создание иллюзии социально определенной речи. Согласно мнению исследователя, сказ является одним из видов чужой речи. Под чужой речью понимаются прямая, косвенная, несобственно-прямая речь, в отличие от собственной речи рассказчика, то есть основной речи повествования.

Итак, различное употребление местоименной формы рассказчика свидетельствует об изменении локализации и дистанции, отделяющей рассказчика от рассказываемых событий. Рассказчик периодически приближается или отдаляется, смотрит на события как участник и заинтересованное лицо или как сторонний наблюдатель, пытающийся нейтрально рассказать о том, чему он является свидетелем.

Категория рассказчика в ходе порождения нарративного текста взаимодействует с другой категорией текста – персонажем.

Литература

1. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – С. 127–129, 238.
2. Кожевникова, К. А. Об аспекте связности в тексте как в целом / К. А. Кожевникова // Синтаксис текста. – М.: Высшая школа, 1979. – С. 66, 115.
3. Словарь иностранных слов. – М.: Просвещение, 1989. – 624 с.
4. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 311 с.
5. Эйхенбаум, Б. М. Литература: теория, критика, полемика / Б. М. Эйхенбаум. – Л.: Петер, 1927. – С. 210–225.
6. Эйхенбаум, Б. М. О прозе / Б. М. Эйхенбаум. – Л.: Петер, 1969. – 309 с.
7. Genette, G. Nouveau discours du récit / G. Genette. – Paris: Seuil, 1983. – P. 65–69, 118, 203.
8. Guiraud, P. La stylistique / P. Guiraud. – Paris: PUF, 1963. – 120 p.
9. Jakobson, R. Essais de linguistique générale / R. Jakobson. – Paris: Minuit, 1963. – P. 179.
10. Todorov, T. Les catégories du récit littéraire / T. Todorov. – Paris: Hachette, 1978. – P. 45.

ИМПЕРАТИВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

Е.М. Статтель

Астраханский государственный университет

Реклама вообще и англоязычная реклама в частности неоднократно исследовалась как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Это неудивительно, поскольку роль этого феномена в жизни современного общества сложно переоценить. Однако представляется, что императив как основной компонент рекламного текста предметом специального исследо-

вания пока не становился. Между тем центральное место императива в рекламном девизе или, как сегодня принято говорить, слогане, очевидно. Англоязычная реклама не только в Британии и США, но и во Франции, Исландии, Японии и других странах мира пестрит структурами типа *buy it right now; make your choice; expect more – pay less* и т.д. Выбор лингвистической структуры в данном случае диктуется экстралингвистическими факторами, а именно основной задачей рекламы, которую можно было бы уложить в емкую императивную формулу «приди и купи», ведь именно этот девиз имплицитно является прагматическим центром любого рекламного текста, независимо от типа рекламы: печатная, телевизионная, радиореклама или другая.

Поскольку реклама сегодня пронизывает все без исключения сферы нашей жизни и деятельности, а объявлять несомненное – задача невыполнимая, основным свой выбор на товарах повседневного спроса (косметика, гигиенические средства, продукты питания, бытовая техника, автомобили и туристическом бизнесе.

Анализ исследованного материала показывает, что лексическая насыщенность девиза-императива часто определяется характером рекламируемого товара, что представляется вполне оправданным. Так, в рекламе косметических товаров очень часто встречаются глаголы и существительные *look* и *love*, например:

- *Find more ways to look better!* (реклама косметики фирмы “Clinique”);
- *Love your body!* (реклама крема для тела “Jergens”);
- *Lie about your age. Bury the evidence. Love the skin you’re in!* (реклама крема для лица фирмы “OLAY”);
- *Love that look you’re wearing!* (реклама косметики фирмы “Mary Kay”);
- *Get the look you want!* (реклама косметики “Covergirl”).

Как видно из приведенных примеров, императив не призывает прямо откровенно к покупке товара, а призывает любить себя и свое тело, что можно только с косметикой данной фирмы. Подтекст тот же – «приди и купи». Как правило, это реклама для женщин, поэтому и звучит она достаточно элегантно и ненавязчиво. Здесь было бы уместным вспомнить рекламу, ежедневно звучащую с отечественных телеэкранов: «L’OREAL’Ь Парик – великого достоинства!», которая призывает нас, женщины, повысить свою самооценку вместе с косметическими средствами фирмы “L’OREAL”. В английском варианте, между тем, реклама включает императив и звучит уже как призыв побуждающий к немедленному действию: *Buy it right now because you’re worth it!* Это редкий пример рекламного текста, ориентированного на женщин и содержащего достаточно категоричную директиву.

В рекламе обуви вполне закономерно находим глаголы *stand* и *wear* с прилагательное *comfortable*:

- *Stand for something and be comfortable doing it;*
- *Don’t wear it! Use it!*

В приведенных примерах также наличие влияющие экстралингвистического фактора в выборе лексических единиц, а негативная форма глагола *wear* не является абсурдом в данном контексте и не призывает не носить обувь в буквальном смысле, а лишь интенсифицирует имплицитно содержащуюся мысль о высоком качестве обуви через императив второго предложения.

Для императивных рекламных текстов турбизнеса характерны структуры типа:

- *Spend less time travelling and more time having fun!*
- *Relax, stretch out and feel great!*
- *Discover the Hot North Iceland!*
- *Know before you go!* (информационное справочное турагентство);
- *Enjoy the moment!*
- *Enjoy the great outdoors!*
- *Visit us if you are looking for activity tours!*

Выделенные единицы совершенно однозначно ориентированы на сферу туризма: *путешествие, активный отдых, получить удовольствие, расслабиться, посетить, сделать открытие* – компоненты тура в любой лингвокультуре. Иногда императив усиливается рифмой, как в примере 4, иногда – оппозицией (пример 1), иногда – логической последовательностью действий (пример 2). Но выбор лексики, грамматики и стиля диктуется, прежде всего, сферой функционирования рекламы и ее главной социальной агитационной функцией: «приди и купи».

Интересно отметить, что для рекламных императивов самых различных сфер характерно употребление одних и тех же глаголов-побудителей. Очень часто это глаголы *make* и *take*:

- *Make lunch a meal again!* (реклама “Uncle Bens”);
- *(Let’s) make things better!* (реклама “Philips”);
- *Make it fun and you’ll always win!* (реклама автомобилей “Subaru BAJA”);
- *Make your choice!* (реклама исландской шерсти);
- *Take your time!* (реклама часов “Calvin Klein”);
- *Take more people with you!* (реклама автомобилей “OPEL”);
- *Take the feeling of clean to the extreme!* (реклама зубной пасты “Aqua-fresh”).

Высокая частотность употребления глагола *make* в девизах рекламы продуктов питания, бытовой техники, автомобилей и текстиля, возможно, объясняется широкой семантикой глагола (достаточно исследовать словарные дефиниции глагола вообще и для приведенных примеров в частности: *cause to be; create; reckon to be or do; perform or execute, etc.*).

Что касается глагола *take* в рекламе таких далеких друг от друга товаров, как часы, зубная паста и автомобиль, то и этот глагол – один из самых полисемантических в английском языке, со значениями в диапазоне от *seize, capture до assume, presume, etc.* и с очень высокой комбинаторикой.

Из глаголов с четкой, практически не размытой, семантикой в слонах-императивах обращает на себя внимание глагол *discover*, глагол с такой положительной коннотацией. В русских переводах английских рекламных текстов часто встречается «открой для себя...»:

- *Discover the power of Nutreum for hair that is 4x smoother!* (реклама шампуня);
- *Discover perspective!* (реклама агентства по найму персонала);
- *Discover nature's secret for naturally radiant skin!* (реклама крема для тела).

Действительно, при знакомстве с новой фирмой, с каждой новой покупкой человек как бы делает для себя маленькое открытие, что заманчиво привлекательнее, чем просто купить. И здесь надо отдать должное полагам рекламного бизнеса, тонко чувствующим и знающим, какие струны человеческой природы затронуть. «Открой для себя...» звучит намного уважительнее и более интригующе по отношению к потенциальному покупателю, чем примолнившее «приди и купи».

Таковы некоторые наблюдения над спецификой императива в английской рекламе. Безусловно, это мини-исследование не претендует на всеобъемлющее, поскольку определенный материал вполне мог остаться за рамками исследования, однако предпринятая попытка дает основания полагать, что императив в рекламных текстах занимает особое место и имеет свои характерные особенности.

К СТАТУСУ ГИБРИДНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАК НОМИНАТИВНОЙ МОДЕЛИ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В.Х. Унатюков

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик

Для развития и обогащения лексической и словообразовательной системы любого языка важное значение имеют языковые контакты, обусловленные тесными экономическими и культурными связями. Вековая история широко исследованных в историческом отношении европейских языков, в том числе и русского, показывает, каким значимым для развития языка статусом обладают заимствованные из контактирующих языков элементы.

В этом аспекте особый интерес представляют кабардино-черкесские и карачаево-балкарские языковые контакты.

В рамках статьи нет возможности углубиться в многообразные контакты описываемых языков, но можно отметить, что они были полезны и для кабардино-черкесского, так и для карачаево-балкарского языков, а также

же в культурно-историческом отношении как маркеры многосторонних и многоплановых экономических и культурных связей.

В аспекте языковых контактов в данной статье предпринимается попытка анализа одной номинативной модели, использованной в качестве номинативной стратегии в кабардино-черкесском, на фоне его контактов с карачаево-балкарским языком, а через него – и с широким кругом тюркских языков.

Анализируемая модель, использованная в качестве номинативной стратегии в кабардино-черкесском при вербализации различного рода явлений, носит рудиментарный характер, а сами лексические единицы, дошедшие до наших дней, выступают в качестве лексических консервантов и не отличаются широкой функциональной парадигмой. Но нам думается, что эти образования на определенном этапе развития кабардино-черкесского языка носили индустрирующий семантический и словообразовательный характер, отражая актуальные стороны культурно-исторических и экономических отношений с носителями карачаево-балкарского языка.

Речь идет о номинативной модели, состоящей из двух компонентов, первый элемент которой представлен кабардино-черкесской лексемой, а второй – карачаево-балкарской или тюркской, при котором карачаево-балкарский выступает своего рода ретранслятором.

В целом можно отметить особый эмоциональный заряд и суперлативный характер, присущий данным гибридным образованиям.

Следует также отметить, что часто остается непонятным механизм такого обозначения, так как в отдельных случаях параллельно функционирует исконный адыгский вариант. Непонятен и феномен повтора в рамках такого гибридного образования вслед за первой исконной адыгской лексемой его синонима из карачаево-балкарского языка. Можно предположить, что подобного рода образования, построенные по модели редупликации с участием компонентов из двух контактирующих языков, выполняли в свое время в языке определенные прагматически ориентированные задачи.

Приступая к анализу небольшого количества лексем из кабардино-черкесского языка, возникших в результате его тесного контакта с карачаево-балкарским языком в виде гибридных образований и функционирующих в качестве интерференционных номинативных стратегий, отметим, что данный тип образований в контактируемом карачаево-балкарском языке не функционирует. В этом отношении описываемая модель появляется и функционирует только на почве кабардино-черкесского языка, но в структурном отношении не является уникальной, ибо такого рода структура, состоящая из элемента родного языка и заимствованного с тем же значением, известна в ряде индоевропейских языков.

Нами обнаружено девять единиц гибридных двузвучных образований в кабардино-черкесском языке. Попытаемся дать их структурно-содержательный анализ с учетом феномена языкового контакта.

ционирующей в последнем в значениях: 1. Старик, старец. 2. Старый, старый, старый. *Къарт келсе умашь этер, жши келсе жшум этер* (Нарт сез) – Придет старик – беседа заведет, придет молодой – усерду оживит. *Къарт къушну ужам къуру болмаз* (Нарт сез) – Гнездо старого орла куш не выведет (то есть старые люди бережливы); ср. также ног. *Карт*: 1. Старый. 2. Старик; кумык. *къарт* («старый, стариковский»).

Прежде всего, следует отметить, что лексема *къарт* в кабардино-черкесском самостоятельно не используется. Она зафиксирована только в составе лексемы «жыкъъарт» и представлена вариантом «жыкъыат», функционирующим собственно кабардинским языковой ареал, и вариантом «жыкъыат» функционирующим в черкесском ареале кабардино-черкесского языка. В холодную карачаево-балкарскую морфологическую форму адекватно передан черкесский вариант, а в собственно кабардинском ареале произошла фонетическая трансформация в виде синкопы звука [p].

В отношении этимологии данной лексемы следует сказать, что в кабардино-черк. *жыкъъарт* / *жыкъыат* представляет собой семантический поворот понятия «старый» на основе каб.-черк. *жы* («старый») + к-бал. *къарт* («старый»). Современное написание не совсем логично, так как речь в данном случае идет об образовании по своим морфолого-синтаксическим семантическим характеристикам, адекватном словосочетанию «жы дыш». Нам представляется, что балкарский компонент *къарт* выступает в привычном качестве в постпозиции. В данной позиции балкарский компонент не функционирует в своем исконном значении, а, теряя собственное лексическое значение, выполняет грамматическую и стилистическую функции. В отношении грамматической функции данный компонент выступает в роли суперлативного маркера, усиливающего семантику основного компонента словосочетания, то есть слово грамматизируется и полностью теряет лексическое значение, хотя следует отметить, что суперлативность строится все же на исконном значении заимствуемой лексемы. В стилистическом же отношении, как нам представляется, в данном случае балкарский компонент реализует эмоционально-экспрессивную сему вежливости, так как носители языка не удовлетворяются семантикой реализуемой исконным кабардино-черкесским суперлативным сочетанием *жы дыш*. Подобные случаи, когда заимствованное слово-синоним накладывается на исконное и образует повтор, на стыке языковых контактов явление достаточно часто встречающееся, причем в таких повторях лексическое значение заимствованного компонента в большинстве случаев вытесняется затемнено, например, каб. (диал.) *жашъыметл* («сплошная ложь», в котором выделяется тюрк. *жашъан* («ложный, содержащий ложь», «обман») и каб. *пылы* («ложь, обман»); первый компонент в кабардинском языке отдельно не употребляется и не имеет лексического значения.

Жысы (каб.) «непоседа, непоседливый; озорной, шаловливый (обычно о детях)», черк. *жы-су* [6, с. 69] «легкомысленный; очень подвижной, раз-

ный». В первой части данного композита *жы* («ветер»). Вторая часть (*су*) в кабардино-черкесском языке не существует и не реконструируется (на кабардинской почве) как самостоятельная номинативная единица. На наш взгляд, элемент *су* соотносится с к-бал. *суу* («вода»). Таким образом, *жы-су* / *жы-су* этимологически разъясненное, означает «ветер-вода». В пользу такой этимологии можно привести кабардинское идиоматическое выражение *жымы тесу лсым йомыдж* («озорник, озорной», букв.: «сидя на ветру, воду бодеет»). Метафорический перенос и осмысление сложного слова *жысы* основывается на неуправляемой силе ветра и быстроте течения воды (реки). Общее содержание усиливается семантикой к-бал. *суу*, то есть к-бал. *суу* в целом функционирует как усиливающий общее значение грамматизированный компонент.

В связи с нашей интерпретацией может возникнуть вопрос о том, почему именно кабардинское слово *лсы* («вода, река») не выступает в той же функции и не создает основу для метафорического осмысления моделируемого нами слова в форме *жымы*. На наш взгляд, полифункциональность и полисемантизм слова *жы* препятствуют декларируемому нами переосмыслению слова сложного слова, так как, с одной стороны, слово *жы* выступает в функции существительного с двумя значениями («ветер» и «воздух»), с другой стороны, в функции прилагательного в значении «старый». Эти факторы не дают возможность метафорического осмысления сочетания названных компонентов, так как сложение каб. *жы* + *лсы* (*жымыл*) означало бы «стихий» – собственно «ветер (воздух)-вода (река)», а сложение *лсы* + *жы* (*жымы*) означало бы «старая вода», а на уровне сочетания кабардино-черкесского компонента с карачаево-балкарским легко создается метафорический сдвиг и достигается желаемый прагматический эффект.

Пыкъыуи (каб.) «володец». Данное сложное слово членится на *лсы* («вода, река») и *къуи*. Принадлежность первого компонента не требует разъяснения и комментариев. Вопрос возникает в связи со статусом второго компонента. В кабардино-черкесском языке имеются созвучные образования: *макъыуи*, *къыкъыуи* и т.д. В последних двух приведенных сложных словах второй компонент выражает значение «страдающий паршой, лысы». Если при семантической интерпретации второго компонента анализируемого нами слова исходить из значения «страдающий паршой, лысы», то мы получим алогичное в семантическом отношении образование, что однозначно указывает на неправильный подход к объяснению этимологии последнего компонента сложного слова *пыкъыуи*. Более логичным представляется соотнесение второго компонента (*къуи*) с тюркским источником, что дает нам основание конкретизировать в качестве источника карачаево-балкарское *къуи*, *къуи* («володец»); ср. *Телгиз жашъасында къуи къамайдыла* (Нарт сез) – На берегу моря володец не выкатывается. В пользу карачаево-балкарского происхождения данной лексемы говорит также широкий спектр ее представленности в тюркских языках, например,

ср. ног., каракалп., кумык. кыуэ, тур. kuy, азерб. çuü id, др.-тюрк. qıyıy id («колодец»). Из тюркского источника идет лак., лезг. кьуй, авар. кьуй, абаз. кьуй (орф. кьуй) («колодец»), абх. о-кьуй (бзыб.) о-кьуй («яма для увлажнения листового табака»), убых. кьуй-бзыбуи, где бзы – «вода, река» («колодец»).

В связи с такой представленностью лексемы возникает вопрос о конкретном источнике заимствования в конкретном из адыгско-абхазских языков. Полагаем, что в структурировании данного сложного слова приняло участие карачаево-балкарский язык. Что же касается других языков абхазско-абхазской группы, речь следует вести о ближайшем тюркском языке. Думается, можно определить и хронологические рамки заимствования данной лексемы из тюркских языков: речь может идти об общетюркском периоде, а актуализацию данного заимствования в абхазо-адыгских языках можно соотносить хронологически с общеадыгско-абхазским периодом.

Следует также отметить, что в значении «колодец» в бесланевском диалектном ареале кабардинского языка зафиксирован другой вариант сложного слова в форме лъыжъуи [3, с. 44] с лъыж в первой части. В литературном языке ему соответствует лъыжъуи, где первый элемент лъы – «вода, река». Лексема лъыж, представленная в бесланевском диалекте, в литературном кабардинском языке означает «родник, источник, ключ», а в адыгейском – «колодец». Таким образом, композит лъыжъуи, вероятно, образовался в результате наложения на общекабардинское лъыжъуи адыгейского значения общеадыгского слова лъыж (букв. «вода + глаз»).

В черкесских говорах кабардинского языка (в речи представителей старшего поколения) в значении «колодец» встречается лъыжъуи (лъыжъ «родник, источник» + джу «глухой») – «глухой родник, источник»), что свидетельствует о реализации ареально ограниченной номинативной стратегии, ориентированной на лексему родного языка.

Пхъэжъуи (черк.) «ограда, перила» [6, с. 64] – сложение из искомого хъэ («дерево, древесина», здесь: в роли определения «деревянный») по всей вероятности, заимствованного к-бал. къуруу в значении «ограда», ср. также к-бал. къуруа (страдательная форма от къур) [5, с. 700–702; 7] от многозначного глагола къур («строить, ограждать»).

Композиты, обозначающие одинаковые понятия, иногда по составу различаются в диалекте и литературном языке одним из компонентов. Так, черкесскому пхъэжъуи («ограда, перила») соответствует литературное лъыжъуи. В первой части этих слов налицо общий элемент хъэ («дерево, древесина»). Вторая часть содержит в черкесском варианте (заимствованное) къуруа, а в литературном кабардинском языке (искомого) жъуи («перила»). Думается, что наличие и конкуренция ареально маркированной и литературной лексемы в условиях функционирования кабардинского черкесского национального языка является отражением становления вар-

иантных и синонимических рядов, релевантных для процесса отбора соответствующей лексемы языка в рамках нормализационных процессов.

Тенджъуи «шуба из дорогого меха». Анализируемый композит состоит из двух частей: тен + джъуи. Вторая часть в кабардино-черкесском языке означает «шуба». В адыгских языках первая часть не имеет самостоятельного хождения. Полагаем, что первый компонент (тен) с учетом соответствующих фонетико-фонологических трансформаций в процессе освоения в кабардино-черкесском восходит к к-бал. тьыиы: 1. Белка. 2. Мех. Следует также упомянуть лексему тон в значении «шуба», а также широкоупотребительное сочетание карачаево-балкарского языка тьыиы тон («белочья шуба») – тьыиы тон («меховая шуба»). Необходимо отметить, что слово тьыиы в современном карачаево-балкарском языке означает только «мех», значение белки неупотребительно и неизвестно и относится к диахроническому пласту значения данной лексемы, в настоящее время в значении «белка» в карачаево-балкарском функционирует слово «эрлеи».

Наши аргументы подтверждаются также исследованиями А.К. Шагирова. По его мнению, элемент тен в тенджъуи из тюркских языков и приводит тур. (диал.) туиу, туиу, тат. тьен, к-бал., ног. тьыиы («белка») [7, с. 95], ср. осет. тьыиы / тьыиы («дорогая меховая шуба») из тьы («белка») (в современном осетинском не употребляется, но засвидетельствовано в XVII в. путешественником Витсоном в форме тьыи и мари / керчи («шуба») [1, с. 295].

Хъыбъэ (уст.) «сторожевая собака, волкодав». Хъыбъэри хъыи, лъыжъуи хъыи (Пс.) – И волкодав – собака, и моська – собака; в бесланевском диалекте кабардинского языка хъыбъэ («волкодав») [2, с. 108].

По всей вероятности, речь идет об адыгско-тюркском (карачаево-балкарском) композите с искомым словом хъэ («собака») в первой части. Во второй же части, надо думать, функционирует широкораспространенное тюркское слово, ср. кбалк. берю, бору («волк»). – Берю да хотуи къошму чыбмаиди (Нарт сез) – Даже волк на соседский ком не нападает.

На его тюркское происхождение указывают др.-тюрк. bōri, узб. бори («волк»), бурбосар («волкодав»), башк., тат., бууре, кумык. берю, казах., турк., уйг., ног. боври, тув. боуру, якут. бовров («волк»). При всей близости этих форм к бел. быракъ (в хъэ-быракъ), они не дают объяснения конечному -т. С этой стороны более ценными для нас оказываются осет. быракъ, березъ («волк»). Таким образом, можно утверждать, что, в отличие от литературного, кабардинское диалектное хъыбъэ («волкодав») соотносится с осет. быракъ и состоит из искомого хъэ («собака») и заимствованного быракъ («волк»).

Другим аргументом в пользу наших суждений выступает функционирование в кабардино-черкесском аналогичных композитных образованиях, как каб. Хъыжъэ (мужское личное имя) с компонентом хъэ («собака») и хъыжъэ («медведь») и каб. (уст.) хъыжъэжъэ («порода охотничьей собаки») из хъэ («собака») и хъыжъэ («волк», что значит просто «серый»).

В этом аспекте обращает на себя внимание и осет. (диг.) *самурсей* (от рода охотничьей собаки) – букв.: «соболь-собака». В.И. Абаев отмечает, что сочетание «соболь-собака» могло означать либо «соболевиная собака», либо «собака, применяемая для охоты на соболя» [1, с. 29].

Как показал анализ набора гибридных образований в кабардинском черкесском языке, они носят архаичный характер и функционируют в качестве лексических консервантов, большей частью известных старшему поколению носителей языка и отмеченных достаточно узкой функциональной парадигмой. Они представляют большой интерес с точки зрения моделирования и использования конкретной номинативной стратегии в вербализации феноменов, участвующих как доминанты в определенных сегментах экономических и культурных связей двух этносов. Описанные гибридные образования также представляют особый интерес в аспекте моделирования языковой картины мира в рамках конкретного этноса и влияния на этот процесс соседнего контактирующего языка.

Литература

1. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. – М., 1975.
2. Балкаров, Б. Х. Язык бесланцев / Б. Х. Балкаров. – Нальчик, 1959.
3. Бербеков, Б. Ч. Диалектная лексика кабардинского языка / Б. Ч. Бербеков. – Нальчик, 1992.
4. Къарачай-малкъар тилин англыз тиле сёзлюгю. – Нальчик, 1996.
5. Къарачай-малкъар тилин англыз тиле сёзлюгю. – Нальчик, 2002.
6. Темирова, Р. Х. Особенности речи черкесов / Р. Х. Темирова. – Нальчик, 1975.
7. Шагиров, А. К. Заместительная лексика абхазо-адыгских языков / А. К. Шагиров. – Нальчик, 1989.

ВНУТРЕННЕЕ ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ КАК МАРКЕР ИНТРОСПЕКЦИИ ПЕРСОНАЖА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

О.С. Федотова

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Интроспекция – это внутреннее эмоциональное, интеллектуальное, физическое состояние персонажа, оцениваемое им самим, которое не доступно для других персонажей. Подобные внутренние душевные переживания видны лишь читателю, который по определенным сигналам может определить, что персонаж погружен в свое внутреннее пространство.

Интроспекция – это так называемый внутренний диалог человека с самим собой, наблюдение за своими чувствами и эмоциями, попытка проанализировать те процессы, которые имеют место в его душе. При помощи интроспекции внутренний, не наблюдаемый непосредственно, мир героя

становится доступен читателю. Мы можем проследить их тайные мысли и желания, понять, что именно привело их к тому или иному поступку.

О том, что мы имеем дело с интроспекцией персонажа, в тексте англоязычной художественной прозы сигнализируют целый ряд маркеров. Одним из основных показателей интроспекции являются, на наш взгляд, глаголы мыслительной деятельности: *believe, think, wonder, realize, remember, suppose, imagine*. Использование этих глаголов в контексте указывает на то, что персонаж погружается в размышления, пытается что-либо вспомнить, осознать и проанализировать те или иные события, продумать свои действия и т.п.

Указания на эмоции, даже в изолированном употреблении, являются показателями интроспекции. В этом случае герой полностью отдается порою своим чувствам. Его поглощает то или иное настроение, и он уже не пытается понять и проанализировать его, а просто плывет по течению своих ощущений.

В данной статье мы рассматриваем соматизмы, а также слова, обозначающие внутренние органы человека (*heart, blood rushing*) в качестве маркеров интроспекции. Эти маркеры являются указаниями на внутреннее физическое состояние персонажа, о чем, естественно, может знать только он сам. Здесь возникает важный для нас вопрос о проявлениях эмоций, которые, как и сами имена эмоций, могут служить маркерами интроспекции. Хотелось бы заметить, что эмоции имеют как внешние, так и внутренние проявления. Если человек размахивает руками, громко кричит или выглядит испуганным и внезапно начинает убежать, то совершенно очевидно, что это внешние проявления эмоций, доступные наблюдению окружающих. Поэтому их нельзя отнести к маркерам интроспекции. Другое дело, когда упоминание об эмоции сопровождается описанием внутреннего состояния персонажа. То, что «сердце его упало», что «его душа ушла в пятки», что он «почувствовал мучительную боль», что «мышцы его напряглись», «мурашки поползли по спине», может фиксировать только сам человек. Такие случаи явно носят интроспективный характер. Многие из приведенных выше примеров являются общими для английского и русского языков и относятся к идиоматике, то есть к образным средствам языка. Иначе говоря, язык имеет в своем арсенале уже готовые образные средства, позволяющие описать внутреннее эмоциональное состояние человека через внутреннее же проявление чувств и эмоций, которые фиксируются интроспективно.

Рассмотрим данное явление на примерах.

(1) *He could hear the sound of his own heart* [3, с. 424].

Появление глагола *hear* в контексте (1) указывает на то, что персонаж мысленно фиксирует поступающую ему информацию и испытывает настолько сильное волнение, что может слышать биение своего сердца. Таким образом, становится очевидным, что сильные переживания накладывали отпечаток на его физические ощущения.

В контексте (2) героиню охватывает настолько сильное чувство страха, что она может опутить его физически:

(2) For several seconds, although Sexton was still talking, all Gabon could hear was the blood rushing in shame to her face [2, c. 354].

В контексте (3) персонаж переживает столкновение различных чувств и эмоций:

(3) Langdon felt his muscles tighten, the last shreds of doubt withering away. For an instant he felt the familiar collision of thrill, privilege, and dead fear that he had experienced when he first saw the ambigram this morning [1, c. 178].

Лангдон одновременно чувствует трепет, ощущает привалегированность своего положения, а также оказывается охваченным смертельным страхом: *felt the collision of thrill, privilege, and dead fear*. Подобные чувства уже посещали персонажа, и он в состоянии их полностью зафиксировать и проанализировать. В данном контексте указания на эмоции еще до того, как они называются напрямую, передаются через физические внутренние проявления эмоций (*he felt his muscles tighten*).

В контексте (4) чувство страха меняет физические ощущения персонажа:

(4) A sudden horrible thought occurred to her, freezing her jaws on the bite of the cucumber. She tried to thrust it away, but it came back. It wouldn't away because it had its own gargoyle-like logic [5, c. 172].

Донну неожиданно посетила ужасная мысль, и у нее возникло ощущение, что челюсть ее оледенела (*freezing her jaws*), что она не в состоянии произнести ни слова. Репрезентация душевного состояния через физическое подчеркивает, насколько сильные эмоции охватили героиню. Они просто нарушают ее душевное спокойствие, а оказывают влияние на физическое состояние.

В контексте (5) персонаж анализирует ссору со своим знакомым, в время которой почувствовал такой дискомфорт ощущений, какого раньше уже не испытывал:

(5) "I want you out of here...", she said tonelessly, and went through the kitchen. She put the grocery bag down on the counter and started putting things away. She could not remember when she had last been so angry, so furious that her stomach had tied itself in a gripping, groaning knot. One of the endless arguments with her mother, maybe. One of the real horror shows before she had gone away to school [4, c. 39].

Физические ощущения здесь напрямую связаны с эмоциональным состоянием персонажа. Героиня испытывает настолько неистовую ярость, что это переходит на внутренние ощущения и состояния организма (*her stomach had tied itself in a gripping, groaning knot*).

Физическое состояние персонажа может также передаваться через концептуальную метафору контейнера. Наиболее часто реализуется концептуальная метафора «человек – контейнер», «эмоции – субстанция, заполняющая контейнер». Рассмотрим несколько примеров.

(6) Horror crept softly into his veins and into his brain as he began to walk toward the short hall [4, c. 416].

(7) ... a dreamy terror floated into the dark hollows of his body like light brown spores that would die in sunlight [4, c. 32].

В контексте (7) ужас отождествляется с жидкостью, а тело предстает в образе контейнера, содержащего темные углубления, которые заполняются этой жидкостью. Метафорический концепт, представленный мертвой метафорой *in the body*, благодаря особому развитию в данном контексте, оживает, что создает образ «темных провалов» внутри персонажа и подчеркивает трудность положения, в котором он оказался.

В контексте (6) ужас также отождествляется с некоей субстанцией, а сосуды и мозг персонажа – с контейнером, постепенно заполняемым этой субстанцией (*horror crept softly into his veins and into his brain*). Таким образом, персонаж оказывается полностью «заполненным» тем кошмаром, который происходит вокруг него.

Наиболее часто эмоции отождествляются с жидкостью, которая захлестывает человека, и с огнем, который сжигает изнутри. Возможно также сравнение с жидкостью разной температуры (человека захлестывает холодная или горячая волна).

Итак, можно сделать общий вывод о том, что внутреннее физическое состояние напрямую связано с эмоциональными переживаниями персонажей. Физический дискомфорт всегда связан с психологическими расстройствами и потерей душевного равновесия.

Литература

1. Brown, D. *Angels and Demons* / D. Brown. – Corgi Edition, 2001. – 620 p.
2. Brown, D. *Deception Point* / D. Brown. – Corgi Edition, 2004. – 585 p.
3. Brown, D. *Digital Fortress* / D. Brown. – Corgi Edition, 2004. – 510 p.
4. King, S. *The Shining* / S. King. – New York: A Signet Book, 1978. – 448 p.
5. King, S. *Cujo* / S. King. – New York: A Signet Book, 1982. – 305 p.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ С СЕМАНТИКОЙ АРГУМЕНТИРОВАННОГО НЕСОГЛАСИЯ

А.Г. Хоромашина

Институт экономики, управления и права, г. Казань

В последние десятилетия возрос интерес исследователей к языковым единицам зоны переходности. К числу таких явлений относятся различные фразеологизированные конструкции.

В настоящей статье мы рассматриваем вопрос о контекстуальных связях одного из типов таких конструкций – сложных фразеологизированных

конструкций с семантикой аргументированного несогласия (*Я не хочу чтобы лечили*). Анализируемые конструкции являются принадлежностью разговорной речи, интерес к которой также заметно усилился.

Семантика рассматриваемой фразеомодели («не + *Я*, чтобы») в разговорном статусе предполагают ее функционирование в определенном типе контекста. Таковым для этой модели будет диалогический, или диалогизированный, контекст. В настоящее время в науке существует широкое и узкое понимание диалога: в широком смысле – это форма речевого общения и форма существования языка; в узком – это «форма речи, представляющая собой определенным образом организованную структуру, которая возникает в результате чередования устной спонтанной речи двумя или более собеседников, каждый из которых попеременно становится говорящим, то слушающим» [41, с. 7]. Такая форма речи является собой обычно вопросно-ответное единство, организованное в виде системы реплик-стимулов и реплик-реакций [1, с. 42]. На подобном понимании основывается и мы. Диалог, представленный в произведенных художественных литературах, рассматривается исследователями как материал, отражающий все основные особенности разговорной речи.

В связи с рассмотрением вопроса о контексте, включающем анализируемую фразеомодель, представляет интерес предложенная Г.В. Бырзиной классификация диалогов на основе функционально-содержательного принципа. «Можно говорить, – пишет она, – о трех основных функциональных типах диалога: логико-интеллектуальном, волевом и эмоционально-аффективном» [1, с. 62]. Для определения типа диалога, обслуживаемого моделью, обратимся к примерам.

«Мое почтение, Владимир Алексеевич, – возобновила он [Дедихин] разговор со мною, подходя к экипажу и облачиваясь. – Вы к жене, а не к мне, собственно, так, может быть, извините меня, что пойду, повоюю». – «Сделайте одолжение, не стесняйтесь». – «А какого мне полагание в доме? – начал он, снова проникаясь негодованием. – Это называется барин, это называется муж! Просто стыд! Слышали, как уважительно мои приказания? И кем же? Моею любовницею! Она любовница моя! Проша любовница! В неделю дай бог раз залучить ее к себе! Никогда – тебе и весь сказ! И не смею ничего сделать с нею! Попробуй ударить – щекам отхлещет, шельма, это барина-то! И взыску с ней не будет!» «Иногда», «не хочу» – слышали сами, не я выдумал! Да она еще не то сказала, я знаю! Только уж бабе-то было стыдно передавать мне, барину, такие слова при постороннем госте! Я знаю, что она сказала! «Мать-то не пойду? Много чести. Я не Сашка или Дунька какая-нибудь, чтоб мне в день перекладываться кем бог даст!» (Н.Г. Чернышевский. Пролог).

А. А что на пенсию ушла || Ведь | говоришь | деньги нужны || Здоровье то терпит | вот и работала б ||

Б. Нет || Другую работу надо || Ведь я уж не молоденькая | чтоб | яички да мешки на складе таскать || А у кладовщика работа какая || (устная речь).

В последнем примере мы видим, что говорящий (А) предлагает собеседнику (Б) совершить некое действие: продолжать работать. Это предложение выражено в форме совета, на который слушающий (Б) отвечает репликой-реакцией, выражающей несогласие, продиктованное неспособностью выполнить указанное действие. Отметим, что говорящий (А) обозначает действие в общем виде – *работать*, а его собеседник конкретизирует действие – *таскать (яички, мешки)*, – чтобы обозначить неспособность его выполнения. Несогласие подкрепляется аргументом.

Первый пример также демонстрирует нам ситуацию, когда один из собеседников стремится заставить другого выполнить определенное действие – *мать*. Этот пример примечателен тем, что в нем рассматриваемая фразеомодель находится в диалогизированном контексте. Говорящий сам интерпретирует реакцию собеседника, отказ которого продиктован нежеланием выполнить действие.

Как видно из примеров, контекст, включающий рассматриваемые единицы, носит характер волевого диалога, реализующегося в двух основных разновидностях: диалог-приказ и диалог-просьба. Второй пример представляет собой частную разновидность волевого диалога – диалог-совет. Отметим и тот факт, что наличие в реплике-реакции момента аргументации делает диалогический контекст аргументативным.

В отношении просьбы и приказа интересное замечание мы находим у А. Вежбицкой, которая отмечает, что приказ характеризуется направленностью «*должен*», а просьба – направленностью «*может*» [2, с. 257]. Очевидно, совету также свойственна направленность «*может*».

Как известно, языковые единицы, имеющие статус разговорных, отличаются высокой степенью контекстуальной зависимости. В полной мере это относится и к конструкциям рассматриваемого типа. Их синсемантическая зависимость закономерно обуславливается их семантикой. Имен значение аргументированного несогласия, фразеомодель предполагает наличие определенного контекста, по отношению к которому выражается несогласие. Данный факт свидетельствует о преимущественной ориентации исследуемых конструкций на предтекст (левый контекст). Это предопределено логически, ибо несогласие не может быть выражено раньше, чем факт, по поводу которого возникает несогласие.

«Работа ведется не без ошибок», – да какое же человеческое дело может быть ведено без ошибок? Люди не боги, чтобы требовать совершенства от них или их дел» (Н.Г. Чернышевский. Пролог).

Что касается связи фразеомодели с правым контекстом, то она либо отсутствует, либо гораздо слабее связи с левым контекстом.

Прослеживается некоторая зависимость между степенью контекстуальной обусловленности данной фразеомодели и ее лексическим наполнением. Так, употребление имени нарицательного в позиции подлежащего главной части способно несколько ослабить степень контекстуальной зависимости. Использование имен собственных и местоимений усиливает зависимость от контекста. Влияет на степень самостоятельности предложения и употребление инфинитива. Инфинитив придаточной части конструкции имеет данную соотнесенность: соотносится с субстантивной лексемой в функции предиката главной части и с предтекстом. Левый контекст всегда содержит имплицитное или эксплицитное обозначение действия, осуществление которого вызывает возражение говорящего, поэтому использование того или иного инфинитива закономерно вытекает из предтекста.

Существование координации инфинитива и субстантива в позиции первой части конструкции позволяет последней влиять на степень контекстуальной зависимости фразеомодели [3, с. 97–99]. Так, употребление субстантивных лексем определенных групп способно ослабить степень контекстуальной зависимости. К таковым относятся некоторые имена собственные (имена общеизвестных литературных героев, исторических личностей, популярных людей и т.д.), собственно оценочная лексика, фразеологизмы и сочетания фразеологического типа.

Таким образом, синсемантическая фразеомодель «*me + Nn, чтобы*» является одной из ее особенностей на текстовом уровне.

Литература

1. Бирдина, Г. В. Динамическая структура диалогической речи / Г. В. Бирдина. Тверь, 1992. – 85 с.
2. Вежбицка, А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 251–275.
3. Хорошанина, А. Г. Сложные фразеологизированные конструкции с семантикой аргументированного несогласия в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Хорошанина. – Казань, 1996. – 168 с.

СЕКЦИЯ 2 ЯЗЫК КАК ОДНА ИЗ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

СЕМАНТИКА ЯДЕРНЫХ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ, АКТИВИЗИРУЮЩИХ СУБФРЕЙМ «ИЗОБРЕТЕНИЕ»

М.С. Белозерова

Белгородский государственный университет

Ориентация в окружающем мире требует от человека не только осмысления поступающей информации, но и организации ее в связанные структуры и построения соответствующего образа окружающего мира. Общеизвестным способом отображения и хранения информации, знаний является «поле». Со времени введения в научный обиход понятия «семантическое поле» Й. Триром теория семантического поля уточнилась, структурировалась и модернизировалась. В попытках определения концептуального основания поля и приема во внимание основные признаки полевых структур, зарубежные и отечественные исследователи придерживаются мнения о том, что одним из самых эффективных приемов изучения принципов организации знаний является фреймовый подход.

В данной статье мы будем, вслед за В.З. Демьянковым и Н.Н. Болдыревым, понимать под фреймом многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации, структуру данных для представления стереотипной ситуации. Используя концепцию фрейма, предложенную М. Минским, структура фрейма представляется нам в виде вершин, содержащих данные, всегда истинные в рассматриваемой ситуации (вершинные компоненты) и терминалов (нижних уровней), заполняемых конкретными данными (терминальные компоненты) [2].

Фреймовое пространство глаголов намеренного создания объектов действительности можно разделить на пять наиболее, на наш взгляд, социально ориентированных субфреймов: «строительство», «производство», «создание произведений искусства», «изобретение», «копирование».

Под субфреймом нами понимается более частная интерпретация структуры фрейма. Каждый из выделенных субфреймов отражает общие черты всего фрейма, при этом имеет и дифференцирующие, собственные только ему признаки. В данной статье мы рассмотрим субфрейм «изобретение», анализируя семантику тематически родственных глаголов *invent* и *devise*, являющихся ядром данного субфрейма более подробно.

В современном английском языке лексемой, за значением которой на системном, так и на функциональном уровнях стоит ситуация изобретения объектов действительности, является лексема *invent*. Согласно словарю Вебстера [3], глагол *invent* относится к синонимическому ряду глаголов, объединенных общностью обозначаемого ими процесса изобретения. Под процессом изобретения нами понимается создание в процессе творческой работы чего-либо нового, неизвестного прежде. *Invent*, являясь маркером субфрейма «изобретение» содержит в своей семантике информацию в наиболее общем виде, что подтверждается дефиницией словаря OALD [1]: *invent – to make or design sth that has not existed before*.

Основной семой в структуре значения лексемы *invent* является «создание». При этом создаваемые / изобретаемые объекты всегда имеют значение результата – это то, что появляется в результате затраченных усилий и физических действий субъекта-антропонома. Создаваемые / изобретаемые объекты действительности могут иметь как позитивную, так и негативную характеристику (на уровне имплицации), что свидетельствует о наличии коннотативного оценочного компонента в значении следующей лексемы. Достаточно рекуррентно при положительных характеристиках созданного / изобретенного объекта эксплицитно профилируется факультативный компонент *цель* изобретения – во благо, в то время как при объекте, обладающем негативными характеристиками (различные виды оружия), компонент *цель*, как правило, лишь имплицитно профилируется. Например: *The National Rivers Authority has invented robots that can be used to catch polluters* [4]; *Plastic bullets were invented by Porton Down scientists* [4].

Исследование сочетаемостных возможностей лексемы *invent* указывает на применение физических усилий или технических средств для исполнения задуманного, при этом в фокусе внимания помещается обязательный компонент «объект» и такие его признаки, как *новизна*, *значимость* и *необходимость*. Таким образом, для выражения идеи создания / изобретения необходимого, нового объекта путем применения технических средств и / или физических усилий говорящий оставляет свой выбор на данном глаголе.

Другую сторону процесса изобретения, то есть изобретение путем разработки сложного, многокомпонентного способа осуществления чего-либо, высвечивает в своем значении лексема *devise*. Подтверждение этому находим в словарной статье, приведенной в словаре OALD [1]: *devise – to create or invent a plan, an object, a system by careful thought*.

В отличие от лексемы *invent*, сочетающейся в большей части случаев с материальным объектом действительности и тем самым указывающей на важность применения физических усилий и технических средств для создания нового материального объекта, лексема *devise* при анализе фактического материала обнаруживает возможности сочетаемости с существительными абстрактной семантики или местоимениями, их замещающими

и лишь в редких случаях данная лексема образует сочетания с существительными конкретной семантики.

Лексема *devise* объективирует в своем значении факультативный компонент *способ*, смещая акцент на применение умственных способностей, творческого мышления и находчивости субъектом ситуации, профилируя обязательный признак “mental ability” посредством сочетания с существительными абстрактной семантики (*a plan, a system, a method, policy, a procedure, etc.*). В то время как лексема *invent* высвечивает признак “practical ability” через сочетание с существительными конкретной семантики (*an engine, a sword, a machine, etc.*) и “mental ability” при обложении с лексемой *Advocate*. Высвечивая две стороны одного и того же процесса, лексемы *invent* и *devise* не встречаются в рамках одного предложения-высказывания. Лексема *devise*, высвечивая признак “mental ability”, может встречаться в рамках одного предложения-высказывания с лексемой *construct* для указания на практическую деятельность и результат, являющиеся следствием применения ментальных усилий субъекта ситуации. Например: *Several plausible measures of uncertainty will be devised and constructed* [4].

Итак, на основании проведенного анализа фактического материала можно заключить, что специфику лексемы *devise* определяет способ изобретения объекта с очевидным преобладанием “mental ability” над “physical, technical ability”, что было свойственно лексеме *invent*. При этом позицию семантического объекта, за исключением нескольких случаев, занимают существительные абстрактной семантики с неперенным высвечиванием признаков: *новизна*, *оригинальность*, *необходимость*. Таким образом, при совпадении высвечиваемых факультативных признаков обязательного компонента «объект» глаголов *invent* и *devise*, дифференцирующим является лексический наполнитель данного компонента – для глагола *invent* это существительные или местоимения, их замещающие, конкретной и абстрактной семантики, а для глагола *devise* в преобладающем количестве случаев это существительные абстрактной семантики, но большую значимость при выборе говорящим той или иной лексемы (*invent* или *devise*) представляет способ изобретения, то есть наполнение факультативного компонента *способ* субфрейма «изобретение».

Литература

1. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 1428 p.
2. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский ; пер. с англ. О. Н. Грибауна ; под ред. Ф. М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
3. Webster's – Webster New Encyclopedic Dictionary. – N.-Y.: Working Publishing Company, 1993. – 1790 p.
4. BNC – The British National Corpus / Oxford University Press, Addison-Wesley Longman, Oxford University Computing Services, University Centre for Computer Corpus Research on Language, British Library's. – Oxford, 2005. – Access mode: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ»*

Л.М. Бондарева

Российский государственный университет им. И. Канта, г. Калининград

*Статья подготовлена в рамках исследований и при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 07-04-00130а «Россия: изменяющийся образ времени через призму языка. Контрастивный анализ данных русского, английского и немецкого языков».

Концепт «Время» является одним из наиболее сложных базовых концептов, структурирующих совокупную универсальную концептосферу субъектов познания. Как отмечает со ссылкой на Л.О. Резникова Н.А. Бесседина, формирование данного концепта осуществляется в несколько этапов, причем на первом этапе время, как и другие общие понятия (пространство, природа), остается связанным с конкретными представлениями об окружающих вещах, лишь постепенно приобретая более отвлеченное значение. К числу факторов, которые оказывают влияние на процесс актуализации времени, относятся:

– *высокая степень абстракции понятия «время»*: согласно исследованиям J. Lakoff / M. Johnson (1999), у человека нет возможности наблюдать время как субстанцию: он познает его, наблюдая и сравнивая события, в том же образе, человеческий опыт реального времени соотносится всегда с опытом событий, поэтому время как в сознании, так и в языке, чаще всего воплощается в терминах событийности;

– *движение в пространстве*: еще Аристотель считал, что время тесно связано с движением в пространстве и представляет собой его количественную характеристику. По Л.Н. Любинской (2002), констатирует Н.А. Бесседина, в головном мозге человека существует область, которая отвечает за определение направления движения, а соответствующая область, которая бы отвечала за определение глобального времени, отсутствует. Следовательно, мы постигаем время как движение [1, с. 24].

Вполне понятно, что при репрезентации концепта «Время» в языке реализуется о совокупности темпорально маркированных языковых элементов «организованной системе темпоральных экспонентов», в терминологии О.Ю. Медведевой [6, с. 16]. Однако в лингвистических работах отечественных исследователей последних десятилетий, затрагивающих проблему выражения времени, условно можно выделить, согласно Е.В. Погодиной [9, с. 7–8], два направления: одно включает в круг рассмотрения только лингвистический материал, то есть анализируется либо темпорально-лексическое поле (часть поля) (Морковкин, 1977; Сычков, 1977; Мельчук, 1983; Исаев, 1994), либо конкретные лексемы времени (Леонтьев, 1993; Потаенко, 1996).

Новое направление – это исследование функционально-семантического поля времени с выделением и описанием особенностей видо-временной системы (Бондарко, 1983, 1990; Шатуновский, 1992) или периферии разного порядка (Людвиг, 1994; Падучева, 1996; Золотова, 1999).

По мнению Е.П. Гилевой, разрабатывающей проблему времени на материале английского языка, ядро функционально-семантического поля темпоральности составляет глагольная категория времени, на ближней периферии находятся лексические средства, а дальняя периферия формируется метафорическими темпоральными актуализаторами [2, с. 10].

Однако важно подчеркнуть, что грамматические средства, занимающие ядерную позицию в поле темпоральности, не всегда являются объективным выражением времени в высказывании и нуждаются в поддержке контекстуальных средств. Как отмечает Н.В. Шуваева, темпоральная лексика, находящаяся в периферийной зоне поля Времени, по своему семантическому потенциалу не уступает грамматическому времени. Предложно-подлежащие формы и наречия в зависимости от темпоральной ситуации выполняют различные функции, а именно конкретизаторов и модификаторов временного значения глагольной формы. Выступая в подобной роли, лексические средства модифицируют временную семантику глагольных форм и реализуют, таким образом, функцию ядра, отнесенная грамматическое время на периферию поля темпоральности [12, с. 6].

Считается, как указывает О.Ю. Медведева, ссылаясь на Потаенко, что каждый лексико-грамматический класс слов вносит свойственный ему элемент темпоральности в сообщение [6, с. 9–10]. Наибольшая точность временной ориентации достигается при этом с помощью *существительных*, так как только они могут передать точное измерение во времени и датировку, именуя, например, шкалы природных явлений, возрастную шкалу, календарь, исторические события, события, имеющие значение для отдаленно взятой личности.

В этой же связи Н.А. Шейфель упоминает так называемую «фоновую» лексику, не дающую прямой временной характеристики действий, но, безусловно, имеющую сему темпоральности и обладающую факультативным характером. Среди данной лексики исследователь выделяет показатели времени циклического (время года, суток, приема пищи), возрастного (возраст человека, предмета) и эпохального (архаизмы, наименования исторических событий), а также неологизмы, не имеющие темпоральной семантики, но определенным образом темпорально ориентированные [11, с. 10].

Наконец, после грамматических и неграмматических, то есть лексических, средств языкового выражения концепта «Время» важная роль в этой системе принадлежит, как было указано выше, метафорическим темпоральным актуализаторам, а именно концептуальным *метафорам времени*. Начиная с того, что уже само представление о текущем времени, формирующееся в нашем сознании на основе опыта как об однопараallelной временной

оси, есть пространственная метафора: на этой оси и располагаются события согласно порядку их протекания, или последовательности. Соответственно, время, все в языке, что соотносится со временем, большей частью, по мнению Г. Маршалла, выражается через пространственные метафоры.

Не вызывает сомнения тот факт, что механизмы метафоризации времени как и механизмы его концептуализации, являются, с одной стороны, универсальными, а с другой – культурно-специфическими. Согласно С.В. Молчану, универсальность есть результат работы общих когнитивно-логических механизмов, участвующих в создании картин мира, а особенности вызваны совпадением мифологической организации картин мира в разных культурах. Далее исследователь выделяет три основные группы метафор времени, представленные в английском, французском и русском языках:

- 1) время – пространство;
- 2) время – олушеченный предмет;
- 3) время в структурах с семантически некогерентными составляющими [7, с. 4, 11].

Что касается русского языка, то в его системе лексема «время» по мнению В.А. Плуунгяна (1997), явно не желает «вписываться» в привычные рамки лексикографических трактовок [здесь и далее цит. по: 3, с. 13, 20]. В этом смысле упомянутый ученый предлагает описывать время как «по-хамелеону», сущность которого определяется не тем, к какому классу оно может относиться, а тем, что оно может в каждом из своих употреблений *напоминать* носителю русского языка. В.А. Плуунгян выделяет наиболее употребительных «метафорических блоков»:

- 1) время – путник («то, что движется»);
- 2) время – агрессор («то, что разрушает»);
- 3) время – субстанция («то, количество чего можно измерить»);
- 4) время – контейнер («то, что заключает в себе некоторое событие длительного или мгновенное»);
- 5) время – имущество («то, чем обладают»).

Е.А. Нильсен, изучающая данную проблему на базе английского языка и в целом отмечающая чрезвычайную «абстрактность» времени по сравнению с пространством, следствием чего представляется факт постижения времени человеком скорее «интуитивно, чем посредством разума», упоминает в качестве самой частой темпоральной метафоры метафору *движения*, символизирующую необратимость и плавность протекания временных событий, а также метафору *стрелы*, обычно используемую для обозначения односторонних векторных процессов [8, с. 128–129].

В свою очередь, Е.П. Гилева отмечает в сфере английского языка следующие концептуальные метафоры времени такие, как «Время – Вместительность», «Время – Изменяющая сила», «Время – Резервуар», «Время – Ландшафт», «Время – Движущий объект» [2, с. 12], где, как очевидно, прослеживается семантическая взаимосвязь и нерасторжимость темпоральных и локальных параметров человеческого бытия. Исследователь концептосферы времени в ан-

глийском языке М.Н. Коннова выделяет три типа макрометафор подобного рода: христианские метафоры (TIME IS A GIFT OF THE GOD, TIME IS GOD'S CREATURE), экономические метафоры (TIME IS A RESOURCE/COMMODITY/MONEY/SOLID OBJECT) и техноцентричную метафору (TIME IS A VIRTUAL ENTITY) [здесь и далее см.: 4, с. 9–20].

Осуществляя далее обстоятельный анализ языкового материала, автор говорит о наличии в системе английского языка нескольких групп наиболее продуктивных концептуальных метафор времени, к которым относятся:

- 1) *пространственные метафоры* как основная часть соответствующей концептуальной системы; при этом время уподобляется пространству двумерному (время как «жизненный путь» с ориентирами-событиями, основные характеристики которого – направленность и поступательность), трехмерному (время – вместительность, объемное, наполненное событиями), движущемуся предмету (в динамических метафорах с активным и пассивным субъектом) и дискретному процессу (с точками начала и конца);

- 2) *предметные метафоры* (время – вещь, существующее объективно, независимо от сознания человека);

- 3) *персонифицирующие метафоры* (время – живое существо: ребенок, враг, учитель и т.п.).

М.В. Сергеева, занимающаяся исследованием концепта времени в немецкоязычном художественном дискурсе, отмечает, что репрезентация этого концепта имеет преимущественно метафорический характер, в результате чего в данном контексте можно выделить пять подгрупп темпоральных метафор: «время – пространство», «время – отрезок времени», «время – движение», «время – сила», «время – ценность».

Характерно при этом, что метафора «время – ценность» составляет, по мнению автора, самую многочисленную группу, что подтверждает универсальность этой христианской метафоры и ее актуальность для всех национальных культур.

Метафора «время – сила» оказывается окрашенной негативно, то есть время осмысливается как агрессор, оно давит и разрушает. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что М.В. Сергеевой в результате анализа удалось выявить крайне мало метафор с положительной семантикой типа «время – лекарь» или «время – учитель».

Вероятно, констатирует исследователь, подобный факт в каком-то отношении может быть дополнительно осмыслен в свете национальной специфики отражения концепта «Время» в сознании носителей немецкого языка, поскольку в современных дискурсах доминирует негативное восприятие немцами реальных исторических событий XX в. [10, с. 7–16].

В данной связи нам бы хотелось сделать два комментария:

- 1) во-первых, метафора «время – агрессор» характерна не только для немецкого языка, но и для русской национальной картины мира, что подтверждает, как это указано выше, В.А. Плуунгян;

2) во-вторых, при анализе концептуальных метафор времени М.Н. Лебедева исследовала лишь художественный дискурс, в то время как метафорическая фразеологическая система немецкого языка, что находит свое отражение в известных поговорах *Die Zeit teilt, eilt, heißt; Die Zeit heißt die Wirtin*. Данный факт является неопровержимым подтверждением того, что в сознании носителей немецкого языка, как и во многих других национальных культурах, время концептуализируется в качестве источника приносящего забвение, а потому – в качестве облегчения и избавления от многих проблем.

Подводя некоторые итоги вышесказанному, хотелось бы привести символическое мнение М.Г. Лебедево, осуществившей сравнительно сопоставительный анализ американской и русской темпоральных концептуосфер и указывающей, что стоящая за концептами «Time» и «Время» сущность может являться как агенсом, так и пациенсом действия в обоих языках, но при наличии определенных различий, общим для обеих культур является *признак антропоцентричности* у времени, что проявляется в том ряде соответствующих метафор. Так, в качестве глагольных предикатов, сочетающихся с подразумеваемыми лексемами в роли субъекта, выступают интенциональные предикаты, включающие, в частности, глаголы *говорения, движения, суждения*, а дополнительным общим признаком является «*профессиональная принадлежность*»: «время – враг», «мучитель», «разрушитель», «нетерпеливый, активный деятель», «оживое существо», «птица», а также «время – судья», «лекарь» и т.д. [5, с. 30].

На наш взгляд, указанное утверждение носит в определенной степени универсальный характер и при всем учете культурно-национальной специфики сохраняет актуальность для целого ряда, по крайней мере, европейских языков.

Литература

1. Беседина, Н. А. Морфологическая репрезентация времени / Н. А. Беседина // *Вопросы системного и функционального анализа языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов*: в 2 т. / под ред. О. Н. Пролоторой. – Белгород: Издательство БГУ, 2005. – Вып. 7. – С. 22–29.
2. Галева, Е. П. Когнитивные основы неграмматической представленности концепта времени: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Галева. – Барнаул, 2002.
3. Дударева, З. М. Контрастивное исследование концептуальной сферы «время» русских и башкирской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / З. М. Дударева. – Екатеринбург, 2005.
4. Кошова, М. Н. Концептуальные метафоры времени в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Н. Кошова. – М., 2007.
5. Лебедево, М. Г. Когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры: сопоставление американской и русской темпоральных концептуосфер: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Лебедево. – М., 2002.
6. Мелаведова, О. Ю. Концептуализация и актуализация темпоральных оппозиций (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Мелаведова. – Барнаул, 2002.

7. Мищенко, С. В. Метафоризация мифологизированного времени в различных лингвокультурных: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Мищенко. – Тверь, 2005.
8. Нильсен, Е. А. Репрезентация концепта «время» в сознании носителей английского языка / Е. А. Нильсен // *Текст – Дискурс – Стиль: сборник научных статей*. – СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 2004. – С. 125–131.
9. Потокина, Е. В. Специфика речевого функционирования категорий «пространство и время» в автобиографической прозе (на материале произведений М. Осоргина и Н. Бунина): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Потокина. – СПб., 2002.
10. Сергеева, М. В. Ценность – ориентированный концепт времени в немецко-русском художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Сергеева. – М., 2005.
11. Шейфел, Н. А. Темпоральность в коммунико-комплексном предложении современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Шейфел. – Белгород, 2005.
12. Шукина, Н. В. Взаимодействие грамматических и лексических средств выражения темпоральности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Шукина. – Тамбов, 2005.
13. Marshall, G. R. Die Bedeutung des Referenz – oder Betrachtungspunktes für die Semantik deutscher Temporalia / G. R. Marshall // *Temporale Bedeutungen, temporale Relationen* / Hrsg. von H. Quast, M. Naja, St. Geiz. – Tübingen: Stauffenburg – Verlag, 1997. – S. 9–22.

ОБРЯДНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ АРХЕТИПОВ

В.Н. Васильченко

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, г. Киев

Культурно-национальный компонент фразеологических единиц (далее – ФЕ) может быть представлен эксплицитно (на уровне лексем (семем) и имплицитно (на уровне латентных сем) [8, с. 224]. Латентный характер наличия во фразеологизмах культурно-исторической информации обуславливает «приминацию» сюжетов (или лиц), выявление контекста (фона), последовательного создания такой ФЕ [1, с. 136]. Благоприятным материалом для исследования метаэтика этнической культуры выступает **обрядная фразеология**, под которой мы понимаем семантически разнообразный корпус (подсистему) единиц фразеологической системы, сферой возникновения которых является обрядный дискурс (вербальное сопровождение (код) обряда). В обрядной фразеологии очень часто зафиксированы, как точно подметил В. Моисеенко, «культурологические реликты» [6, с. 83]. План выражения и внутренняя форма обрядных фразеологизмов (далее – ОФ) выступают средством трансляции соответствующих семантических моментов обряда в современном языке, функционируя в закодированном виде. Раскодирование предусматривает воссоздание определенного фрагмента архетипного текста обряда, «сверткой» которого и является ОФ. Такие ФЕ содержат основной компонент символа (образа), в котором сосредоточена образная номинационная план, подтверждающаяся фразеологизацией.

Выделение ОФ украинского языка в отдельную классификационную группу представляется возможным на основе наличия у них интегративного признака, коим является упомянутая ранее генетическая особенность такого типа – обрядная сфера возникновения генотипа фразеологизмов. Таким образом, мотивация подобных ФЕ произошла в обрядной деятельности – обряде в его функциональном проявлении.

Свободные словосочетания (собственно, генотипы ОФ – названия обрядодействий, обрядных реалий, участников обряда), со временем вошедших в фразеологизацию, первоначально входили в состав тематических групп обрядной лексики, которая представляет собой соответствующим образом организованную «терминсистему» обряда, характеризующуюся специфическим составом и функционированием: «Эта специфика провозглашает первую очередь в том, что для наименования элементов обрядов, описания ситуаций, номинации участников обрядодействий, реалий выступают как специфическая лексика, так и лексика других тематических групп, получающая в контексте обрядности специальное значение. К специфической лексике обрядности принадлежат лексемы, образующие ЛСГ важнейших участников обряда, ЛСГ названий обрядодействий, ЛСГ наименований обрядовых реалий – центральные ЛСГ этой тематической группы лексики [3, с. 4]. Со временем происходит фразеологизация (образное и реосмысление) определенного свободного синтаксического словосочетания (генетического прототипа), которое перекодируется в знак вторичной номинации – фразеологизм.

Таким образом, в основе классификационного выделения обрядной фразеологии лежит генетический признак: план выражения и внутренняя форма таких ФЕ репрезентируют соответствующие обрядные понятия. Сами же ОФ можно рассматривать как «обломки» вербального кода обряда, представляющие связь между языком культуры и самой культурой. ОФ – это средство сохранения и трансляции соответствующих «сакральных смыслов», востановление которых осуществлялось в процессе проведения обрядов; это культурный знак, пребывающий в контексте традиционной обрядности, верований и фольклора; это носитель следов архаической культуры, компонент языка культуры, фрагмент культурного текста, яркий репрезентант этнокультурного сознания; это мир артефактов и смыслов.

ОФ, будучи продуцентами обрядной действительности, порождая этническим сообществом, принадлежат к тем единицам языка, которые выразительно иллюстрируют корреляцию между языком и культурой, так как «обрядный дискурс, как никакой другой, демонстрирует функциональные возможности ментального коррелята (объединительного комплекса слова и вещи, причем вещи часто иллюзорной, что еще больше усиливает магико слова-символа» [4, с. 60].

Анализ ОФ дает возможность выяснить один из аспектов речесредствающей позиции «человека, его ориентации в мире сущностей» [2, с. 31]. Итак, в составе фразеологической системы украинского языка представле-

но значительное количество ФЕ, мотивационной стихией (дериивационной основой), которых является обрядная сторона жизни наших предков. Таким образом, обряд собственно, его вербальный код – это, кроме всего прочего, еще и источник возникновения фразеологизмов.

Обратимся к примерам. Во ФЕ *крати реміні зі шкіри* (букв. «резать ремни из кожи») – «беспощадно бить, жестоко наказывать» [10, с. 395], на наш взгляд, закодирована информация о лиминальном этапе инициационного обряда. В сакральном лесу посвящаемого юношу подвергали страшным физическим пыткам-испытаниям. Это могло быть обрезание, отсекаемые волосы, вырезание кусков кожи, другие телесные увечья. Посвящаемого морили голодом и жаждой, или же, наоборот, поили напитками наркотического характера. Его могли подвергать символической немоте или символическому ослеплению. Такие манипуляции с физической сущностью юноши звергали его в специфическое состояние забытья, что для посвящаемого ничем не отличалось от смерти. Во всяком случае, инициант был уверен, что он пережил настоящую смерть и родился новым существом, прошлого и родных для которого уже не было.

Отголоски ритуальных испытаний находим в сказке (преимущественно волшебной), которая, как считает В. Пропп, «сохранила не только следы представлений о смерти, но и следы некогда очень распространенного обряда, тесно связанного с этими представлениями, а именно обряда посвящения юношества при наступлении половой зрелости... Этот обряд настолько тесно связан с представлениями о смерти, что одно без другого не может быть рассмотрено» [7, с. 37]. Украинский сказочный дискурс свидетельствует в пользу этого: «Кали лізе дідок маленький, а борода на сажень вичиниться. Як ухотив Вернидуба за чуба та й почевти на гвіздок. А сам же, що було наварене, відя, витив, у Вернидуба із слини ремінь, шкіри вкряпа та й подався» [9, с. 77].

Фразеологизм *лізти в пащу* (букв. «лезть в пасть») – «наталкивать себя на большую неприятность, смертельную опасность» [10, с. 440], на наш взгляд, сохраняет в себе информацию о начальном (прелиминальном) этапе инициационного обряда, когда посвящаемого отводили в лес, где и происходил обряд, и его имитационно «проглатывало», а потом отрыгивало мифическое чудовище [11, с. 770]: через вход, имевший форму пасти животного, юноша попадал внутрь ритуальной хижины, стилизованной под животное. Это обрядное действие символизировало его ритуальную смерть, равняющуюся путешествию в потусторонний мир для приобретения магических способностей. Как известно, инициационный обряд возник в архаичной охотничьей среде, поэтому и имел соответственный охотничий антураж. В общем же, как считает исследователь, обряд инициации стал основой многих жанров народного творчества (и словесного в том числе) [5, с. 79].

Таким образом, в результате проведенных исследований можно констатировать, что ОФ удерживают в своей внешней форме реликты элементов архаических обрядов, реконструкция этнокультурных артефактов кото-

рых позволит сделать более точные выводы об особенностях коллективного сознания наших далеких предков, выступившего средством формирования образа мира, отображаемого национальным языком.

Литература

1. Брагина, Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) / Н. Г. Брагина // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М., 2002.
3. Дроботенко, В. Ю. Лексика семейных обрядов у говоряк Донецчини: автореферат канд. филол. наук / В. Ю. Дроботенко. – Донецьк, 2001.
4. Жайворонко, В. В. Українська етнологістика: деякі аспекти дослідження / В. В. Жайворонко // Мовознавство. – 2001. – № 5.
5. Лановик, М. Б. Українська усна народна творчість / М. Б. Лановик, З. Б. Лановик. – Київ: Знання-Прес, 2005.
6. Моисенко, В. М. Культурологічні коментарії в історико-етимологічному словаре фразеологій / В. М. Моисенко // Словарь и культура: материалы Международной научной конференции. – М., 1995.
7. Прощ, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Прощ. – М.: Лабиринт, 2000.
8. Ужченко, В. Д. Східноукраїнська фразеологія / В. Д. Ужченко. – Луганськ: Ама-матер, 2003.
9. Українські народні казки для мал. та серед. шк. віку / упоряд. та вступ. Л. Ф. Уманецької. – Київ: Веселка, 1990.
10. Фразеологічний словник укр. мови: у 2 кн. – Київ: Наукова думка, 1993.
11. Фроер, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фроер. – М.: Политиздат, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «ДОЛИНА» В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

О.В. Гаверисенко

Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток

Действительный мир, проецируясь в сознание, формирует концепты и их структуру. Концепты отражают содержание полученных знаний, опыт, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира [1, с. 23].

Концепт как единица структурированного знания состоит из компонентов (концептуальных признаков), которые являются обобщенными, необходимыми и достаточными для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира [5, с. 15]. Концептуальные признаки раскрывают представления о стоящей за соответствующими концептами сущности [3, с. 100].

Данная работа посвящена описанию содержания и структуры концепта «Долина» в британском и американском вариантах английского языка. Ис-

следование семантики языковых единиц позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц. Нами были проанализированы дефиниции 43 британских и 44 американских единиц, а также 306 британских и 398 американских контекстов словоупотребления.

Анализируя словарные дефиниции ключевых слов-репрезентантов концепта и их синонимов, а также контексты употреблений данных единиц, мы исследуем коллективный, этнокультурный концепт, редуцируя в этих случаях «все уникальное в персональном опыте и суммируя совпадения» [2, с. 13]. Такого рода совпадения мы представляем в виде концептуальных признаков, «общих оснований, по которым сравниваются некоторые несложные явления» [5, с. 14]. Выделяя объективированные вербально концептуальные признаки, мы конструируем фрагмент концептуальной картины мира через языковую.

Выборка необходимых словарных дефиниций осуществлялась по Оксфордскому словарю английского языка, полному словарю "Random House", а также по электронным версиям словарей "American Heritage и WordNet"; контексты словоупотреблений мы ограничиваем британской и американской художественной литературой XIX–XXI вв.

В составе концепта выделяется ценностный, образный и понятийный компоненты [2, с. 13]. Понятийный компонент концепта «Долина» объективирован наиболее широко – в 100 % дефиниций слов, а также в 77,75 % британских и 82,43 % американских контекстов. На актуализацию ценностного компонента приходится 13,39 % британских и 9,54 % американских контекстов проанализированных нами. Образный компонент, помимо понятийных признаков, подсчет которых в данном случае крайне затруднителен, репрезентирован в 8,86 % британских и 8,03 % американских контекстов.

Понятийный компонент концепта «Долина» интерпретируется нами в терминах ядра и периферии. Ядро представляет собой «основное понятие» [4, с. 56], «прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы» [6, с. 60]. Периферия (интерпретационное поле) содержит различные трактовки содержания ядра концепта [6, с. 64].

Таким образом, ядерными признаками исследуемого нами концепта являются следующие: «участок суши», «вытянутость», «участие в формировании общей картины ландшафта», «величина», «глубина», «отвесность склонов».

Все слова-репрезентанты концепта актуализируют в дефинициях признак «участок суши», противопоставляя тем самым различные виды долин водным объектам и болотистым местностям. Долины в большинстве своем представляют собой линейно вытянутые формы рельефа (an elongated depression [14]), что объясняется их расположением между горами или холмами. Признак «вытянутость» отграничивает долины как тип ландшафта от других участков суши.

Как и любой другой ландшафтный объект, долины воспринимаются человеком в совокупности с общей картиной ландшафта, а не изолированно. Таким образом, когнитивный классификационный признак «участие в формировании общей картины ландшафта» представлен рядом дифференциальных признаков:

а) «расположение относительно возвышенностей»: возвышенности выступают ограничителями долин (those glens shut in by hills [10]; the deep ravines between the bluffs [11]), причем британцы считают долины этого рода возвышенностью (a great sweep of valley rolling away [9]);

б) «наличие реки»: долины обычно ассоциируются с протекающими по их дну реками (для американского ландшафта, в частности юго-западной страны, характерно наличие долин, по дну которых река протекает не всегда, а только в результате выладения обильных осадков (arroyo, wash, gulch, wind-gar); следует отметить, что при концептуализации данного фрагмента действительности британцы фокусируют внимание на состоянии водного объекта, реки, ее присутствии или отсутствии в какой-либо долине. В американском варианте внимание фокусируется на участии долины, на самой долине, обладает ли репрезентируемая долина рекой);

в) «расположение относительно других ландшафтных объектов»: данный дифференциальный признак не является ядерным, а принадлежит к периферии и объективирует заболочивание долин, расположение ущелья, расщелины и т.д. рядом с водными объектами и лесами.

Варируясь по величине, долины могут быть большими и небольшими, широкими и узкими, а также длинными и короткими. Знания лингвокультур, закрепленные в дефинициях, дополняются при непосредственном контакте с долинами, ущельями, расщелинами и т.д. Например, слово *hollow* номинирует углубления большой величины (an extensive, more or less level and relatively low region [14]), но при коммуникативной необходимости объективируются реальные размеры долины (a little valley [12]).

Долины и могут быть глубокими и неглубокими (deep combs [Hollow], the deep gorge [12]), причем небольшая глубина больше характерна для британского варианта (a low gar [10]).

Под воздействием погодных условий и течения реки долины выветриваются, в частности может меняться их глубина и, соответственно, склоны, которые становятся отвесными (a steep hollow [10]; He descended into a ravine which became precipitous [7]). Признак «отвесность» лежит в основе различения понятий «долина» и «ущелье»: ущелье – долина отвесными склонами (ravine – a narrow steep-sided valley commonly eroded by running water [14]); для долин, в свою очередь, характерен более мягкий рельеф.

Периферия включает в себя следующие признаки: происхождение флора, часть целого, замкнутость, форма, тенистость, деятельность человека, погода, время суток, фауна.

Признак «происхождение» объективирует возникновение долин в результате деятельности рек и возвышенностей (the river valleys [9]; a rocky gorge [12]).

Признак «часть целого» актуализирует источник долины (the source of the gullies [10]), движение по вертикали (the head/summit of the creek valley [12]) и горизонтали (the banks of the ravine [10]; the north rim of the Grand Canyon [7]). Следует отметить, что в американском варианте разнообразие представлено номинации составных частей долин, ущелий, расщелин и т.д. (recess, back, corner, wall, tributary, etc).

Исследование признака «деятельность человека» показывает, что долины могут использоваться в сельскохозяйственных нуждах (fertile valleys [10]; farms in the valley [12]), для добычи полезных ископаемых (the coal from the Welsh valleys [9]). Деятельность представителей двух лингвокультур проявляется дополнительно в использовании исследуемого нами типа ландшафта для прогулок (walking through hills and dales in Wales [10]), проживания (her house at the edge of a terraced gully [12]), различных построек (a monastery flourished in the valley [8]; the school-house was... in the valley behind him [12]) и т.д.

Исследование признаков «флора» и «фауна» показывает, что, наряду с простым упоминанием разнообразия флоры и фауны (flowers in a dell in Ohio [12]), представители двух лингвокультур актуализируют видовую принадлежность представителей дикой природы, ареал обитания которых находится на территории Великобритании или США. Такие объективации проявляют местный колорит произведениям (the curlew cries mournfully across the glens [9]); in the ravine a ringdove mourned plaintively [11]; the beaver left the valley [7]).

В соответствии со своими нуждами человек отмечает наличие определенной погоды – тумана, ветра, плохой и прекрасной погоды и т.д. (He descended to me the glen in a storm [10]; there was a cold mist in the hollow [12]).

Долины и ущелья по форме могут быть округлыми, изогнутыми и прямыми (zig-zag ravine [10]; an oval valley [7]). Долины могут быть замкнутыми, окруженными другим ландшафтным объектом со всех сторон (hore – a small enclosed valley [13]; coomb – a narrow valley or deep hollow, especially one enclosed on all but one side [14]). Такого рода долины характерны для Великобритании.

Британцы и американцы наблюдают долины, составляя, сопоставляя и дополняя уже имеющийся образ. Образный компонент исследуемого нами концепта, объективированный в двух вариантах, охватывает зрительный, акустический, тактильный и обонятельный образы. Зрительный образ, на наш взгляд, репрезентирован ядерными признаками понятийного компонента, которые могут быть дополнены некоторыми периферийными характеристиками у тех или иных носителей языка. Понятийные ядерные признаки отражают зрительную картинку, «всплывающую» при актуализации одной из сторон концепта.

Вследствие своего расположения среди возвышенностей долины ассоциируются с эхом (The ravines echoed with the gurgling splash of seabirds). По дну большинства долин протекает река, поэтому звуковой образ сопряжен со звуком текущей воды (In the murmur of the valley twenty waters meet [8]). В меньшей степени представлены другие источники звуков – погодные явления (there was no sound, only a rush of wind from the valley below [12]), фауна, деятельность человека (valley where the shot resounded [10]). При определенных обстоятельствах звук может отсутствовать (the canyon silence [12]).

Тактильный образ объективирован только в британском варианте. Долины могут восприниматься как мягкие, прохладные и жаркие (a soft, green valley; cool, dusky dells; it was hot and still in the little hollow [10]).

Американский вариант, в свою очередь, актуализирует обонятельный образ, за которым в дальнейшем следует зрительное представление (A distinguishing subtle aroma of the little sylvan hollow in the hills came to me like a memory and a revelation! [12]).

Показателем наличия ценностного отношения является применение оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно и т.д.), этот феномен формируется в данной культуре концепт [2, с. 12]. Ценностный компонент концепта «Долина» представлен положительной и отрицательной оценкой. Положительное эмоциональное восприятие включает в себя следующие когнитивные признаки:

1) красота: различные рода долины и ущелья воспринимаются представителями британской и американской лингвокультур как красивые, приятные и привлекательные для обзора (this amazing gorge [10]; a pleasant vale [7]), иногда потрясающие (the gorge is spectacular [10]) и не представляющие угрозы (an especially idyllic lakeland valley [10]);

2) укрытие: долины могут рассматриваться человеком как некоторое недоступное для обзора место (The vale of the stream afforded shelter to a very decent company of trees [8]), либо как убежище в случае опасности непогоды (the shelter of the narrow chasm that protected the sisters [12]);

3) уединенность: британцы положительно оценивают уединенный характер и тишину некоторых долин (the lonely valley of Cramackdale [10]). Нами не было найдено каких-либо вербализаций данного признака в американском варианте.

Отрицательной оценке подвергаются следующие характеристики рассматриваемого нами фрагмента действительности:

1) трудность преодоления: передвижение по пересеченной местности представляется человеку затруднительным (the temptation to visit the canyon of White Kirk directly ahead should be resisted until the return journey [10]), иногда невозможным (canyons impassable for long distances [7]);

2) мрачность: в силу своей величины, времени суток и других факторов долины, ущелья, каньоны и т.д. могут казаться мрачными и зловещими (the death-looking chasm [10]; deceitful canyons [12]), что пугает человека;

3) опасность: по мнению британцев и американцев, опасность представляет долины с крутыми склонами (ущелья), в них можно упасть, получить серьезные повреждения (he falls into a dell and is greatly injured [12]);

4) неизвестность: американцы актуализируют настороженное отношение к неизвестным ущельям и каньонам в темное время суток (the mysterious void of canyon night [7]), когда отсутствует возможность осознать опасность рассматриваемого фрагмента действительности в полной мере. Нами не было найдено каких-либо вербализаций данного признака в британском варианте.

Структура концепта «Долина» включает в себя три компонента: ценностный, образный и понятийный. Последний, в свою очередь, интерпретируется в терминах ядра и периферии. Когнитивные признаки, образующие структуру концепта, обладают разной степенью актуальности для той или иной лингвокультуры и могут изменяться. В британской и американской лингвокультурах меняется отношение к дикой природе, окружающему ландшафту, что не может не отразиться на содержании всех компонентов концепта, выделенных нами.

Литература

1. Бондырева, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Бондырева. – Тамбов : Издательство Тамбовского университета, 2000. – 123 с.
2. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Т. Сидихин // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Глобус, 2007. – С. 12–13.
3. Лебедево, М. Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление английской и русской темпоральных концептосфер / М. Г. Лебедево. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2002. – 240 с.
4. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М. : Филология, 2004. – 296 с.
5. Пиченкова, М. В. Методология концептуальных исследований / М. В. Пиченкова // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Глобус, 2007. – С. 14–16.
6. Попова, Э. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / Э. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 191 с.
7. Aldrich, T. V. The Story of a Bad Boy / T. V. Aldrich. – Access mode: <http://www.americanliterature.com>
8. Blackmore, R. D. Springhaven / R. D. Blackmore. – Access mode: <http://www.classicreader.com>
9. Hunt, S. The Sea on Our Left: a Couple's Ten Month Walk around Britain's Coastline / S. Hunt. – Great Britain : Cox & Wyman, 2000. – 350 p.
10. The British National Corpus. – Access mode: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
11. Cather W.S. My Antonia. – Access mode: <http://www.americanliterature.com>
12. The Corpus of Contemporary American English. – Access mode: <http://www.americancorpus.org/>
13. The Compact Oxford English Dictionary. – Oxford : Clarendon Press, 1996.
14. The Random House Unabridged Dictionary. – N.-Y., 1993.

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАЦИОННЫХ
ВЫЗЫВАЕМЫХ ОБРАЗАМИ «ВОЙНА» И «МИР»
У НОСИТЕЛЕЙ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**
(на материале русского, английского,
азербайджанского и армянского языков)

Е.В. Метельская

Астраханский государственный университет

Основным понятием когнитивной лингвистики является концепт. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернина, определение понятия «концепт» является одной из актуальных задач современной когнитивной лингвистики и ее ключевым понятием [3, с. 17].

Концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов.

Е.С. Кубрякова предлагает такое определение концепта: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира» [3, с. 18].

М.В. Пименова отмечает: «Что человек знает, считает, представляет в объектах внешнего и внутреннего мира и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира» [1, с. 90].

Важнейшим понятием когнитивной лингвистики является понятие концептосферы – области знаний, составленной из концептов как ее единиц. Концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления. Существует ряд групповых концептосфер (профессиональная, возрастная, гендерная и т.д.). Все эти концептосферы представляют интерес для когнитивной лингвистики, можно сопоставлять групповые и индивидуальные концептосферы с национальной концептосферой, групповые концептосферы с индивидуальными, групповые и индивидуальные концептосферы друг с другом и т.д. Широко практикуется в когнитивной лингвистике и сопоставление различных национальных концептосфер между собой, что позволяет выявить национальную специфику концептуализации сходных явлений сознанием разных народов.

В последнее время в самых различных областях гуманитарных наук получило распространение выражение «картина мира». Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании. Национальная картина мира представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа и обнаруживается в единообразном поведении народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях

о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, в пословицах, поговорках и афоризмах.

В последнее время в работах по когнитивной лингвистике часто употребляется термин «менталитет» – образ мыслей, психологический склад ума, особенность мышления, характер и многое другое. Можно говорить о менталитете личности, группы и народа (этноса). Национальный менталитет – это индивидуальный способ восприятия и понимания действительности, определенный совокупностью когнитивных стереотипов нации [1, с. 14]. Ср.: американец при виде разбогатевшего человека думает: «богатый – значит умный», русский же в этом случае обычно думает: «богатый – значит вор».

Менталитет разных народов может заставить людей разных национальностей воспринимать по-разному одни и те же ситуации. Например, стимулы «жест» у восточных народов вызывает ассоциации «покорность», «послушание», у русских, напротив, – «агрессивность», «активность». Но, однако, не во всех случаях и не на все стимулы, несмотря на национальный менталитет, возникают такие прямо противоположные ассоциации. Когда речь заходит о стобальных концептах – концептах мироотражения, наблюдается удивительное сходство реакций у представителей разных национальных групп.

В связи с появлением новой научной антропоцентрической парадигмы, особый интерес вызывает изучение концептосферы носителей разноструктурных языков.

В данной статье представлены результаты исследования концептов мироотражения на примере образов «война» и «мир» на материале русского, английского, азербайджанского и армянского языков. В основу исследования была положена гипотеза о том, что образы «война» и «мир» связаны между собой и могут вызывать общие ассоциации в разных лингвокультурных и национальных сообществах с разным менталитетом. Для проверки данной гипотезы был проведен ассоциативный эксперимент с носителями русского, азербайджанского, армянского и английского языков в возрасте от 18 до 34 лет (50 человек). Ассоциативный эксперимент проводился в произвольной форме. Напротив предложенного стимула информанты должны были записать первое слово, которое придет им в голову. Цель исследования состояла в выявлении общих свойств концептов мироотражения в современном русском, азербайджанском, армянском и английском языках. Полученные ответы были обработаны, было построено ассоциативное поле стимулов «война» и «мир».

Носители азербайджанского языка на стимул «война» (мухарибе) дали реакции оружие (силлах), смерть (олум), страх (гурху), переживание (хай-адап), на стимул «мир» – дружба (дустлык), любовь (севаги), счастье (азабахтиник), радость (севинч).

Носители армянского языка на стимул «война» дали реакции – смерть (омак), слезы (арцунк), раны (виравор), горе (тхрутюн), на стимул «мир» – свобода (азатутюн), радость (ерджанкутюн), жизнь (кйанк), веселье (ура-дун), счастье (ерджаник). Носители русского языка на стимул «война»

дали реакции – смерть, кровь, страх, горе, враг, зло, на стимул «мир» – любовь, радость, счастье, смех. Носители английского языка на стимул «война» (war) дали реакции – gun (оружие), blood (кровь), death (смерть), tears (слезы), battle (сражение), на стимул мир – sun (солнце), flowers (цветы), happiness (счастье), love (любовь), life (жизнь).

Ассоциативное поле исследуемых слов в сознании носителей четырех языков по завершении обработки полученных ответов приобрело следующий вид:

На стимул «война»:	На стимул «мир»:
оружие – 5	дружба – 21
смерть – 34	любовь – 43
страх – 15	счастье – 47
переживание – 6	радость – 33
слезы – 28	свобода – 6
раны – 12	жизнь – 8
горе – 38	веселье – 4
кровь – 23	смех – 7
враг – 9	солнце – 1
зло – 32	цветы – 1
сражение – 3	

Количество совпавших реакций распределилось практически одинаково: например «смерть» – 45: носители русского языка – 11, азербайджанского – 11, армянского – 13, английского – 10; «любовь» – 43: носители русского языка – 13, азербайджанского – 13, армянского – 10, английского – 7 и т.д.

Для проведенного эксперимента характерно, что в нем принимали участие представители народностей, которые не так давно находились в состоянии войны – азербайджанцы и армяне. Тем не менее, реакции на стимулы «война» и «мир» у них очень похожи. И те, и другие воспринимают войну как большое горе, а мир – как огромное счастье и любовь. В данном случае понимание воспринятого не обуславливается ни менталитетом, ни вероисповеданием.

Исследование ассоциативных реакций позволило сделать вывод, что концепты мироотражения получают в большей степени одинаковую, но различную, интерпретацию у носителей русского, азербайджанского, армянского и английского языков.

Литература

1. Кубрикова, Е. С. О когнитивных парадигмах знаний в лингвистике / Е. С. Кубрикова, О. В. Александрова. – М., 1999. – С. 186–197.
2. Павлиц, Ю. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Ю. Г. Павлиц, Д. Г. Павлиц. – М., 1996. – С. 90–93.
3. Листрова-Павлиц, Ю. Т. Язык и национальное сознание / Ю. Т. Листрова-Павлиц. Воронеж, 1999. – Вып. 1. – С. 23–24.
4. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – С. 29–39.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: РЕАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

О.М. Смирнова

Нагорский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В последние годы в лингвистике особое внимание уделяется тесной взаимосвязи языка, культуры и мышления: язык воспринимается как зеркало культуры, отражающее не только реальный мир вокруг человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира. Язык хранит культурные ценности в лексике, грамматике, идиоматике, поговорках, фольклоре, художественной и научной литературе, формах письменной и устной речи. Являясь мощным орудием мысли, язык формирует личность его носителей, организует людской поток в этнос, образует нацию через хранение и передачу из поколения в поколение сокровищ национальной культуры, традиций, общественного самосознания определенного речевого коллектива.

Именно поэтому в лингвистической науке конца XX – начала XXI в. язык рассматривается уже не «в самом себе и для себя», а предстает в новой парадигме с позиции его участия в различных видах деятельности человека. Значительное количество гуманитарных исследований проводится в рамках таких направлений, как психолингвистика, лингвокультурология, лингвоинтерпретология, контрастная лингвистика, когнитивная лингвистика. Сравнительное описание предметов и целей этих дисциплин приведено в таблице.

Таблица 1

Наука	Предмет	Цель
Лингво-лингвистика	Моделирование языка как феномена сознания, в том числе моделирование значений слов в психолингвистической реальности	Моделирование и функционирование языка в речевой деятельности
Лингвокультурология	Культура как семантика языковых единиц, формирующаяся при взаимодействии двух разных кодов – языка и культуры (каждая языковая личность – в то же время и культурная личность)	Исследование проявлений культуры народа, которые отразились и закрепились в языке; изучение и описание взаимосвязей языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета
Лингвоинтерпретология	Концепт как ментальная сущность особого рода, «единица коллективного знания/сознания (отражающая и высшая духовная ценность), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [7, с. 73]	Исследование структуры и специфических свойств концептов, определение их формы и зависимости от области бытования + разработка категориального аппарата и исследовательской методики для описания базовых экзистенциальных смыслов, представленных в лексическом фонде естественного языка

Контрастная лингвистика	Образные единицы и значения языка в двух сопоставляемых языках (родном и изучаемом) и направлении от единицы одного языка к ее возможному соотносительному в другом языке	Выявление различий в семантике функциях единиц одного языка, сравнении с ее возможными соотносительными в другом языке
Когнитивная лингвистика	Язык как средство фиксации, хранения, переработки и передачи знания, семантика единиц, речевые функции в языке как или иной компонент, соотношение языковых структур с когнитивными структурами	Построение модели языковой коммуникации как основы обмена информацией; описание концепта лингвистическими средствами; выявление максимальной доли состава языковых средств, речевых функций, экстралингвистических единиц, описывающих содержание концепта как единицы коммуникативной системы; выявление семантики единицы широчайшей (применительно к индивидуальной коммуникативной ситуации) коммуникативной ситуации (национализм) и также в социальном (возраст, гендер, территория, статус, образование)

Данные приоритетные направления современной лингвистики раскрывают язык в тесной связи с мышлением человека и с менталитетом нации, а потому неизбежно обращаются к понятиям концепта и концептосферы, разработывая собственные методы концептуального анализа и описания. При этом современный ученый может обращаться ко всему научно-понятийному аппарату этих не противоречащих друг другу дисциплин, извлекая максимально отвечающие целям и задачам исследования приемы и методы. Можно с уверенностью говорить и о междисциплинарности современной лингвистики, использующей не только собственно лингвистические, но и внелингвистические методы.

Когнитивная лингвистика является одной из наиболее активно развивающихся отраслей языковедения, которая, несмотря на относительную молодость, уже имеет достаточно сформированный понятийный и исследовательский аппарат. Вышедшие в последние годы монографии, коллективные труды и отдельные статьи Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Г.И. Берестенева, Г.А. Волохина, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, Ю.С. Спанова, И.А. Стернина, В.Н. Телия и других исследователей содержат новые теоретические положения о том, как хранятся наши знания о мире, как они структурируются в языке в процессе коммуникации. Язык является не только средством общения, но и орудием мысли и чувства, источником ценных сведений о мире, на основе которых может быть определена структура самосознания его носителей и семантика отдельных его структурных составляющих: «Язык и сам несет отпечаток человеческих способов освоения реальности, и в то же время, будучи средством концептуализации этой реальности, воплощенном наивной (языковой) картины мира, накладывает

свой отпечаток на восприятие реальности человеком – восприятие “сквозь лингво-язык”» [6, с. 85].

Еще В. Гумбольдт считал, что язык – главнейшая деятельность человеческого духа, пронизывающая собой все сферы человеческого бытия и познания [3]. Именно в когнитивной лингвистике внимание ученых переключается на выявление роли языка как условия и орудия познания. Всякий язык, обозначая нечто в мире, создает, ибо формирует для говорящего на нем картину мира. Именно язык позволяет получить полное и адекватное представление о человеческом сознании и разуме.

В настоящее время перед лингвистами-когнитологами стоят следующие актуальные задачи:

- четкое разграничение когнитивной лингвистики и когнитологии, концептосферы и языковой сферы (семантического пространства языка), концепта и языковых средств его выражения;
- определение основных понятий, прежде всего, – понятия «концепт»;
- типология концептов;
- разработка позитивной методологии лингвокогнитивного анализа, которая в опоре на собственно языковые факты и лингвистические методы должна бы когнитивную и культурологическую информацию, раскрывающую различные стороны воплощенных в языке концептов.

Лингвокогнитивное описание концептов осуществляется в несколько этапов:

- определение ключевого слова, представляющего данный концепт в языке («имени концепта»), базовых языковых репрезентаций концепта;
- построение и анализ семантемы ключевого слова, вербализующего концепт в языке (анализ словарных толкований в словарях разных типов), на основе чего делается выборка всех возможных характеристик концепта;
- изучение многозначности слова в процессе ее развития: анализ очередности появления новых значений слова позволяет установить определяющие это развитие черты изучаемого концепта;
- анализ лексической сочетаемости ключевого слова;
- применение экспериментальных методик (ассоциативный эксперимент, метод семантического дифференциала, метод классификации);
- построение лексико-фразеологического поля ключевого слова: анализ синонимов и антонимов ключевого слова, определение его гиперонима и гипонимов;
- построение и изучение деривационного поля ключевой лексемы;
- построение лексико-грамматического поля ключевого слова (этот метод достаточно сложен и используется пока весьма редко);
- анализ паремий и афоризмов, объективирующих концепт в языке и включающих в себя как изучаемое ключевое слово, так и оценки называе-

мого им концепта, даже если самого имени концепта там нет (этот прием хорошо показывает народное осмысление того или иного явления);

- анализ художественных текстов для выявления таких признаков, которые приобрели в составе концепта символический смысл;
- анализ устного, разговорного словоупотребления;
- контрастный анализ эквивалентных по прямому значению слов разных языков, что позволяет особенно четко выявить национальную специфику концептов, а также увидеть различие между концептом и значением слова;

• сопоставительный анализ лексических полей разных языков и т.д. Чем больше вышеперечисленных методов и приемов использует исследователь, тем больше признаков концепта он выявит и тем ближе к истине будет построенная им модель концепта.

Вышеприведенная схема лингвокогнитивного анализа, дополненная методами контрастной лингвистики и лингвокультурологии, применялась нами для выяснения специфики существования и смыслового наполнения концептов «Наказание» и «Возмездие» в русском и английском национальном сознании. Представления о наказании и возмездии в национальном сознании вытекают из реальных условий жизни людей и культурно-исторически обусловлены этическими, правовыми и религиозными нормами. История философского концепта возмездия идет от Канта, который утверждал, что страдание виновного уже само по себе есть благо, и Гегеля, полагавшего, что преступление является отрицанием законов морали, а наказание, отрицаящее это отрицание, необходимо для восстановления справедливости. Современные же философы пытаются доказать, что наказание является социальной необходимостью. Наказание и возмездие в функции поучительного воздействия на человека являются основополагающими понятиями христианства, а одноименные концепты – базовыми элементами христианской картины мира.

Многоспективный анализ словарных статей энциклопедических и лингвистических словарей и справочников, текстов святоотеческих писаний и художественных текстов, пословиц и поговорок русского и английского языков позволил сделать вывод о том, что важнейшее отличие обиходных представлений концепта «Наказание» в английском языковом сознании заключается в понимании наказания как последствия нарушения нормы, непослушания, а в русском языковом сознании – как следствия проступка, греха. Можно также говорить о существовании концептов «Наказание» и «Возмездие» в русском и английском языковом сознании применительно к разным формам их бытования: концепт «Наказание» актуален преимущественно для юридическо-правового дискурса и доминирует в обиходном сознании, а концепт «Возмездие» (как расплата) – в религиозном, христианском. В английском сознании концепт «Наказание» более последовательно связан с понятием правосудия, судебной власти и является послед-

ствием уголовного преступления, в русском сознании данный концепт имеет в большей степени бытовую отнесенность.

Наиболее интересные данные были получены в результате свободного ассоциативного эксперимента, который показал, что и в русском, и в английском национальном сознании значимая часть ядерных когнитивных компонентов связана с уголовно-процессуальным представлением о наказании (*тюрьма, преступление, суд, правосудие*), однако важен и пласт бытовых ассоциаций (*бать, страх, угар, обида*). В базовом слое выделяется группа ассоциаций, связанных с родительским наказанием как обязательным элементом воспитания (*норма, проступок, ремеш, слезы, лишние слова, тревога, необходимо, родители*). При анализе полученных ассоциаций стало очевидным влияние экстралингвистических факторов (таких, как природно-климатические условия, культурно-исторические особенности развития нации, социально-личностные характеристики информанта и т.д.) на формирование смысловой структуры концепта. Помимо этого, эксперимент также показал, каким образом окружающая коммуникативная среда (тексты рекламы, СМИ, поп-культура, идеологическая пропаганда и т.д.) влияет на формирование ассоциативной системы человека, а значит, вторгается в его мировосприятие, манипулирует им, снижает критическое мышление и способность сопротивляться навязываемым стереотипам.

Представляется, что именно лингвокогнитивный метод изучения концептосферы является одним из самых продуктивных, позволяя интерпретировать результаты исследования языковой картины мира для описания когнитивной картины мира. Когнитивная лингвистика исследует не только язык, но и саму личность, то есть познание, мышление, знание. Без обращения к языку невозможно понять суть таких когнитивных способностей человека, как восприятие, усвоение и обработка языковой информации, планирование, решение проблем, рассуждение, обучение, а также приобретение, представление и использование знаний. Сейчас очевидно, что во всем комплексе наук о человеке ставятся, и первую очередь, отношения между языком и другими видами человеческой деятельности. Язык даже в большей степени, чем культура и общество, дает когнитивистам ключ к пониманию языкового поведения, а потому и оказывается в центре их внимания.

Роль когнитивной лингвистики постоянно возрастает, на ее основе формируются все новые и новые направления. С.Г. Ворвачев считает, что это всем признакам процесс «внутреннего деления» антропологической лингвистики отнюдь не завершен и на стыке лингвокультурологии и когнитивной лингвистики можно прогнозировать становление лингвистической концептологии (лингвоконцептологии), в задачи которой войдет, прежде всего, определение своего объекта и разработка методологической базы его исследования; «категориальный аппарат лингвоконцептологии должен быть направлен на исследование структуры и специфических свойств концептов как ментальных сущностей особого рода...» [2, с. 31].

Современный подход к изучению языка настолько сложен, что невозможно квалифицироваться в качестве междисциплинарной когнитивной науки, объединяющей усилия лингвистов, философов, психологов, нейрофизиологов, культурологов, специалистов в области искусственного интеллекта и других дисциплин, состоящей из множества школ и направлений [4, с. 240]. С когнитивной лингвистикой связаны новые акценты в понимании языка, открывающие широкие перспективы его изучения во всех разнообразных и многообразных связях с человеком, его интеллектом, со всеми познавательными процессами. Когнитивная лингвистика выходит за рамки собственно лингвистики, соприкасаясь с логикой, психологией, социологией, философией.

Анализ концептов, осуществляемый с помощью научного аппарата когнитивной лингвистики, и исследование концептуального устройства естественного языка позволяют получить достаточно достоверную информацию об универсальных и идиостических чертах мировидения любого народа. Есть сведения о таком уникальном феномене, который принято называть духом народа. Принимая во внимание необычайный интерес в современном мире к проблемам национального менталитета и культурной самобытности общества, можно с уверенностью утверждать, что актуальность когнитивной лингвистики как науки в течение еще как минимум нескольких десятилетий не потеряет силу не только в России и в Европе, но и по всему миру.

Литература

1. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в социалин / С. Г. Воркачев // Филологическое науки. 2001. – № 1.
2. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. – Краснодар, 2002.
3. Гумбольдт, В. И. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человеческого рода / В. И. Гумбольдт // Записки В. А. Истории и естественных наук XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1960.
4. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 239–320.
5. Кубрякова, Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е. С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001. – № 1.
6. Кустова, Г. И. Когнитивные модели и семантической деривации и система производных значений / Г. И. Кустова // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4.
7. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М., 2000.
8. Попова Э. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / Э. Д. Попова, И. А. Степанов. – Воронеж, 2001.
9. Рудикова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А. В. Рудикова. – Воронеж, 2004.

КОГНИТИВНЫЕ ТЕОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА ОКСИМОРОНА

Л. И. Татаринова

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

Комплексный характер понимания оксимоциона – стилистического приема, состоящего в сочетании контрастных по значению слов – проявляется в оперативном соотношении поступающей со всех уровней текста информации с когнитивными моделями, хранящимися в долговременной памяти интерпретатора и отражающими знания о процессах понимания. В отличие от структурно-семантического подхода, рассматривающего оксимоциона лишь как бинарное сочетание атрибутивного характера и ограничивающее его понимание рамками минимального контекста, когнитивные модели интерпретации, обладающие большей объяснительной силой в выявлении неочевидных импликаций, предусматривают широкое включение разного рода контекста, а также фоновых знаний интерпретатора в процесс выявления данного стилистического приема. «Соприженность картин мира» автора и читателя позволяет говорить о частичном совпадении их когнитивных моделей. Одной из таких моделей, принадлежащих концептуальной системе человека, является концептуальная метафора.

Теория концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона (далее – ТКМ) называет метафоризацию одним из главных когнитивных способов категоризации действительности путем переноса черт одного объекта на другой: «Метафора – не просто феномен языка, но и повседневная концептуальная реальность, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой» [6]. Целью ТКМ является выявление глубинных переносов концептов, лежащих в основе обыденного употребления языка, которые воспринимаются человеком уже как буквальное, а не фигуральное.

Для оксимоциональных сочетаний типа *human dinosaur*, *human spider*, *human rat*, *human snake* несут в себе типичное для метафоры соотношение разных концептуальных областей. Коль скоро когнитивный механизм метафоры и определенного числа оксимоциона схож, есть основания говорить о рассмотрении оксимоционального сочетания с позиций ТКМ.

ТКМ трактует метафору, в первую очередь, как когнитивную операцию над понятиями и средство концептуализации действительности, дающее возможность осмыслить одну концептуальную область в терминах когнитивных структур, сформировавшихся на основе опыта, полученного в других областях. В процессе метафоризации осуществляется «перенос» не отвлеченно взятого имени (взвуче с его прямым номинативным значением), а целостной концептуальной структуры (схемы, фрейма, модели, сценария), которая активизируется некоторым словом (фокусом метафоры) в челове-

ческом сознании благодаря конвенциональной связи данного слова с иной концептуальной структурой.

Согласуясь с положениями ТКМ, оксюморонное сочетание, например оксюморон *legal corsairs*, может быть представлено как проявление (корреляция) концептуальной метафоры, в которой свойства, ассоциированные в базисном интерпретаторе с некоторым концептом области-источника (в данном случае – с концептом *Corsair*), оказываются проецируются на денотат, находящийся на периферии концепта области-цели (в данном примере – на периферии концепта *Legal profession*): *I've just come from my late uncle's firm of legal corsairs* [8, с. 615].

Этот пример находится не только в границах собственно оксюморонного способа образования, но и в сфере образования метафорических атрибутивных конструкций, в которых образный смысл рождается в результате взаимопроникновения сущностей из разноприродных, практически и соприсказанных семантических пространств. Рассмотрим репрезентацию концептуальной метафоры *Legal profession is piracy* в виде двух параллельных рядов признаков, в которых количество и порядок денотативных дескрипторов в области-цели соответствуют количеству и порядку синтаксических дескрипторов, представляющих область-источник:

Область-источник <i>Piracy</i>	Область-цель <i>Legal profession</i>
Subjects: corsairs (pirates)	Subjects: lawyers
Methods: cruel, inhuman, savage	Methods: unscrupulous, unprincipled, imperious
Attitude to victims: pitiless	Attitude to clients: cynical
Attitude to law: violation	Attitude to law: circumvention

Надо заметить, что такие списки представляют именно понятийные, концептуальные, а не языковые структуры, и фигурирующие в них слова – не что иное, как метаязыковые средства описания концептов. Концепт *Piracy* принадлежит по классификации Лакоффа и Джонсона к типу «сущностей» (*Entities*). Структура сущностного понятия задана множеством выделенных признаков, включающих те или иные свойства, функции, оценку и прочие характеристики данного понятия. Метафорическое употребление сущностного понятия области-источника *Piracy* на когнитивном уровне являет собой проецирование некоторых из его паронимов (концептов выделенных частей сущностного понятия) и признаков денотату, принадлежащему к иной категории сущностей с собственным сущностным понятием *Legal profession*.

Выбор признаков области-источника для проецирования их на концепт области-цели определяется рядом причин. Во-первых, коммуникативная прагматическая стратегия автора, то есть тем, какие признаки области-

источника он усматривает в денотате, конвенционально подводимом под сущностное понятие области-цели), во-вторых, стратегией интерпретации читателя, степенью когнитивной выделенности и оформленности этих признаков, в-третьих, мерой совпадения/несовпадения коннотативных те-ризиов отправителя и получателя информации (иначе сочетание *legal corsairs* будет неверно понято читателем). Так, например, такие признаки отождествления корсаров к своим жертвам, как жестокость и бесчеловечность, могут быть перенесены на отношении юристов к участникам судебного процесса. Содержание этих признаков инвариантно присутствует в концептуальных областях источника и цели. Это составляет основание переноса содержания области-источника в область-цель.

Таким образом, согласно тезисам ТКМ, семантическая структура оксюморонного сочетания может быть определена как преобразованная структура значений лексем-составляющих. В процессе интерпретации оксюморона в дискурсе в сознании читателя происходит перегруппировка исходного набора компонентов: актуализируются потенциальные компоненты и становятся периферийными несоместимые. Актуализируемые компоненты являются основанием создания оксюморона. В исходном номинативном значении лексем-составляющих они могут относиться к сфере коннотаций, а в значении оксюморона входят в денотативное содержание в качестве ядерных сем.

Помимо рассмотрения оксюморонных сочетаний в свете положений ТКМ существуют другие формальные средства интерпретации оксюморона в дискурсе. Одним из таких средств является представление оксюморонного сочетания как операции над двумя фреймовыми структурами. Репрезентация оксюморонного сочетания с помощью фреймов может оказаться весьма плодотворной, ибо, если объекты (в нашем случае – концепты составляющих оксюморона) иерархичны, то есть выделены части объекта и части этих частей, то естественным будет отразить эту иерархичность в соответствующем способе представления знаний, в виде конструкций, называемых фреймами. Эти конструкции состоят из иерархичных структур данных, представляющих отдельные классы объектов (процессов, ситуаций, сценариев и т.п.), с указанием связей между элементами структур.

Формально фрейм представляет иерархическую «структуру узлов и отношений», вершинные уровни которой носят застывший, фиксированный характер, и соответствуют неотъемлемым, базисным характеристикам предполагаемой ситуации. Ниже этих фиксированных узлов располагаются терминальные узлы, или слоты (от англ. *slot* – «ячейка»), каждый из которых может указывать на условия, которым должно отвечать его заполнение – «подфрейм», или «алложенный фрейм». Графически фрейм – «деревцо», имеющее постоянные величины, справедливые для каждой конкретной ситуации, подведенной под данный тип ситуаций, и переменные величины (терминалы, или слоты), которые заполняются конкретными,

подходящими только для отдельно рассматриваемой практической ситуации действительности, сведениями. Обязательные (постоянные) компоненты фрейма отражают стереотипную ситуацию, а каждую уникальную ситуацию конкретизирует заполнение факультативных (переменных) компонентов. Активизация фрейма происходит через слоты. Некоторые из них, будучи отдельными фреймами, являются связующим звеном с фреймами более высокого порядка: «каждый фрейм в числе прочих элементов содержит множество терминалов (другими словами, выходов), к которым присоединятся другие фреймы» [4, с. 289].

Система фреймов у каждого человека уникальна, так как на ее формирование решающим образом влияет индивидуальный опыт личности. Более того, строго индивидуальным является и набор признаков, входящих в структуру того или иного фрейма. Во многом это определяется социокультурной компетенцией человека. Несмотря на тот факт, что система фреймов и ее заполнение у автора высказывания и его интерпретатора не совпадают, не являются идентичными, в них есть много общего, базового, что и делает возможным хотя бы отчасти схожее, «усредненное» понимание высказывания.

Чтобы проанализировать роль фреймов в репрезентации оксюморонных сочетаний, обратимся к дискурсивной (процессуальной) стороне их интерпретации. По всей видимости, процедура понимания оксюморона осуществляется следующим образом: фреймы составляющих активизируются, когда интерпретатор в попытке выявления смысла фрагмента текста, содержащего оксюморонное сочетание, оказывается способен приписать ему интерпретацию, поместив содержание этого фрагмента в стереотипную модель, известную ему независимо от текста и обычно ассоциируемую с рассматриваемыми фреймами. Таким образом, начальная стадия понимания оксюморонного сочетания – это, в первую очередь, попытка интерпретатора найти в собственной памяти уже известную ему ситуацию, наиболее близкую к интерпретируемой. Человек способен обрабатывать новые для себя данные, не иначе как обратившись к ранее накопленному опыту.

Интерпретация оксюморонного сочетания в дискурсе осложнена тем, что фактически одновременно происходит активизация не одного, а двух (иногда и более) фреймов составляющих, то есть речь идет о функционировании конструкции, более крупной, чем отдельный семантический фрейм, конструкции, члены которой, на первый взгляд, не могут иметь ничего общего. Большая часть привлекательности оксюморона и состоит в том, что он позволяет видеть схожее в различном, аналогии между противоположными явлениями и предметами.

К созданию стилистического эффекта оксюморона приводит «сосуществование» полярно противопоставленных или достаточно удаленных друг от друга фреймов лексем-составляющих, причем взаимодействующих фреймы либо вообще не имеют общих терминалов, либо число общих терминалов крайне мало, и они не являются ведущими для данных фреймов.

Резкий переход от одного фрейма к другому, ему противоположному, обуславливает возможность двойного, двупланового рассмотрения ситуации и приводит к возникновению «эффекта неожиданности» – вместо традиционного используемого для интерпретации определенной ситуации «предсказуемого» фрейма, легко активируемого в памяти читателя, автор использует фрейм, полярно ему противопоставленный или кажущийся таковым в данном контексте. «Столкновение неродственных или практически неродственных фреймов», по Л.В. Орлецкой, является основным механизмом создания стилистического эффекта оксюморона, на когнитивном уровне вызывающее «несоответствие стереотипного представления об описываемой реальной ситуации и стереотипного представления, соответствующего интерпретации этой ситуации говорящим» [5, с. 53].

В когнитивном плане семантика оксюморонного сочетания формируется во взаимодействии фреймовых структур составляющих. Как известно, совокупность фреймов, моделирующая какую-либо предметную сущность, представляет иерархическую структуру, в которой фреймы связаны друг с другом через ролю-видовые связи. Каждый фрейм соответствует конкретному предмету или абстрактной сущности данной предметной области, а слоты содержат описывающие этот предмет данные или, иными словами, значения признаков предмета. Фрейм вместе со всеми своими компонентами предлагает абстрактное представление предмета или абстрактной сущности. Во фреймовых системах на верхних уровнях иерархии находится фрейм, содержащий информацию наиболее общего характера, являющаяся активной для всех остальных фреймов. Центральным свойством теории фреймов, заимствованным из теории семантических сетей, является наследование свойств. Слот может указывать на фрейм более высокого уровня иерархии, откуда по умолчанию наследуются, то есть переносятся, значения аналогичных слотов.

С позиций теории фреймов проанализируем оксюморон *female boy*: "She sat leaning back against the wall. The too large shirt, a small female boy, with a swollen hot face, staring at me, staring at bedcover, in our silence" [7, с. 26].

Фреймы составляющих *female* и *boy* наследуют свойства фрейма *human being*, который находится на более высоком уровне иерархии. В этом случае мы имеем дело с частичным наследованием характеристик вышестоящего фрейма, так как такие свойства, как *age* и *sex* не наследуются, поскольку они явно указаны и являются обязательными компонентами фреймов *female* и *boy*:

Female
(Female (Creature (Human Being)))
(Sex (Female))
(Age (Adult))
(Behavior (Womanly))
(Physical appearance (Feminine))

Boy
(Boy (Creature (Human being)))
(Sex (Male))
(Age (Child))
(Behavior (Childish))
(Physical appearance (Boyish))

Creature, sex, age, behavior, appearance – имена слотов, а находящиеся в слотах семантические характеристики задают их значения. Актуализация фоновых знаний о том, что по половому признаку все люди делится на мужчин и женщин, предопределяет отход от реальности образа, созданного фреймами оксюморонного сочетания *female boy*.

Согласно стереотипному представлению, закрепленному в слове, "female is an adult creature that can produce babies from her body". Эта информация фиксируется в фокусе фрейма *female*. Очевидно, что термины *sex* и *age*, являющиеся неотъемлемыми элементами данного фрейма, справедливыми для всех ситуаций, не будут изменяться в ходе взаимодействия с фреймом *boy*. «Искажению» подвергнутся факультативные компоненты *behavior* и *appearance*, конкретизирующие и уточняющие структуру фрейма *female*. Их значения будут вытеснены значениями соответствующих слотов фрейма *boy* в результате смещения фокусировки в зону периферийных терминалов.

В анализируемом сочетании *female boy* отрицается стереотипное представление интерпретатора о поведении и внешнем облике женщины. «Фактически» фрейма *boy* во внутреннюю структуру фрейма *female* проникает благодаря наличию общих терминалов и обусловлено способностью фреймовых структур к трансформации и к изменению фокусировки. При построении данной тропической конструкции в фокус попадает информация, содержащаяся в слотах *appearance* и *behavior* фрейма *boy*, информация, столь необходимая для возникновения алогизма как основы любого оксюморона.

В ходе изучения фреймовой организации оксюморона стала очевидной роль факультативных (периферийных) терминалов исходных фреймов, определяющих специфику значения в результирующих интегрированных конструкциях. Внимание интерпретатора может быть направлено на различные компоненты фреймов, активизируя изначально периферийные терминалы фреймов составляющих оксюморонных сочетаний и помещая их в фокус результирующей интегрированной фреймовой структуры. Таким образом, фреймовая концепция, подобно теории концептуальной метафоры, не обладая монополией на моделирование понимания оксюморонных сочетаний, позволяет прояснить загадку сложного значения оксюморона в художественном дискурсе.

Анализ эмпирических примеров употребления оксюморона в художественной прозе продемонстрировал реальные возможности и действенность когнитивных теорий как эффективных орудий интерпретации данной фигуры иноязычия. Двухпропорционная модель Лакоффа и Джонсона доказала

возможность обращения к ней с целью трактовки не только метафоры, но и оксюморонных сочетаний. Фреймовый подход, по нашему мнению, вполне применим для репрезентации и декодирования оксюморона. Когнитивная лингвистика исследования представляет новые пути расшифровки значения оксюморонного сочетания, вовлекая в интерпретативный процесс культурологические знания читателя, открывая возможности более адекватного понимания авторского замысла, личности и внутреннего мира героя.

Литература

1. Делб, Т. А. и др. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Делб. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
2. Демьянков, В. З. Фреймы / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – С. 187–189.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и взаимодействие социального взаимодействия / под ред. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина. – М., 1987. – С. 126–172.
4. Митски, М. Остроумие и поэтика когнитивного бессознательного / М. Митски // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 281–309.
5. Орлеанский, Л. В. Фразеологизмы как средство создания юмористического эффекта в лекте: дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Орлеанский. – М., 1994. – 220 с.
6. Ченкс, А. Современные когнитивные подходы к семантике складств и различия в лексе и слухе / А. Ченкс // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.
7. Fowles, J. The Ebony Tower / J. Fowles. – М.: Manager, 2000. – 256 p.
8. O'Henry. 100 Selected Stories / O'Henry. – Wordsworth Classics, 1995. – 735 p.

ФРАГМЕНТ ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТА-АРТЕФАКТА «ПАРОВОЗ» В НАИВНОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

А. М. Туреханова

Казанский национальный технический университет им. К. Саттарова

Современный человек живет в окружении артефактов, ни один из которых не является чистым творением природы. Артефакты – материальное воплощение человеческих способностей. В них «определены» достижения разума людей. Усвоение способов обращения с такими предметами, включение их в деятельность выступает как собственное развитие человека.

Одним из таких предметов является артефакт «паровоз». По определению Коула, артефакт есть некий аспект материального мира, преобразованный по ходу истории его включения в целенаправленную человеческую деятельность. По природе изменений, произведенных в процессе их создания и использования, артефакты одновременно и идеальны (понятийны) и материальны. Они идеальны в том смысле, что их материальная форма произведена на участке во взаимодействиях, частью которых они были в прошлом и которые они опосредуют в настоящем. При таком определении признаки арте-

зеленой тяге и, наконец, электрической локомотива. В российской железнодорожной картине мира они были некоторое время представлены концептами «керосиновоз» и «электровоз».

В обыденном ментальном сознании носителя языка концепт «паровоз» репрезентирован целой гаммой образов-ассоциаций: плывущий по чугунным полозьям «пароход», кипящий «самовар». Так, например, Э.А. Стефанович в книге «Очерки истории и людских судеб» приводит письмо одного сбитенщика про железную дорогу, в котором дана техническая характеристика паровоза, которая может быть представлена обобщенно в виде фрейма с фразеологизмами.

Сразу бросается в глаза метафорическое мышление сбитенщика. Метафора является зеркалом, отражающим концептуальный мир автора письма. Его психика виртуализирует реальность, он воспринимает окружающий мир не таким, каков он есть объективно, а измененным, подстроенным его опыту, представлениям, ожиданиям, установкам и стереотипам. Сбитенщик членит свой внутренний и внешний мир в соответствии с существенными характеристиками своего функционирования и бытия. Материализация индивидуального внутреннего образа сбитенщика не свободна от субъективных наслоений, обусловленных особенностями видения мира. Концептуальная модель мира сбитенщика представлена множеством метафорических моделей, представленных на рисунке.

Рис.

Данный фрейм полностью подтверждает утверждения Б.М. Гаспарова, что «...наша языковая деятельность – то, как мы взаимодействуем через язык со своими собственными мыслями и мыслями других людей, – всегда индивидуальна, всегда пропитана неповторимыми чертами характера, памяти, возрений, интеллектуальных и эмоциональных состояний каждого говорящего как личности» [2, с. 18–19].

Литература

1. Ганчик, В. Н. По своей земле хошу / В. Н. Ганчик. – М., 1991.
2. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996.
3. Койл, М. Культурно-историческая лингвистика / М. Койл. – М.: Когито-центр, 1997.
4. Нунан, С. Die Eisenbahn / C. Nünan // Wissen der Welt. ArsEdition. – München, 2000.
5. Klubscheidt, D. Eisenbahnen der Welt / D. Klubscheidt. – Stuttgart: Transpress Verlag, 2001.
6. Стефанович, Э. А. Во славу дома твоего. Очерки истории и людских судеб / Э. А. Стефанович. – Самара: Печальный двор, 2004.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М., 2004.

ПОНЯТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА»

Е.А. Федотова

Казанский государственный технический университет

Концептуальную систему любой науки формируют категории и категориальные признаки, между которыми устанавливаются разнообразные связи и отношения. С точки зрения когнитивного подхода систематизация составных элементов (разделов) науки предполагает подведение того или иного элемента под определенную категорию, которая в науке называется разделом. Категоризация лежит в основе организации любой научной дисциплины [5, с. 69–70].

Е.С. Кубрякова пишет, что категоризация – это процесс образования и выделения категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека согласно существенным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений, а также результат классификационной деятельности. Слова и единицы связаны между собой посредством особого ментального процесса – репрезентации как особой концептуальной структуры. Мы категоризируем нечто, только зная, какие концепты стоят за обозначениями. Таким образом процесс категоризации тесно связан с концептуализацией. Концептуализация направлена на выделение ментальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном

представлении, а категоризация – на объединение единиц, проявляющих тот или иной тип сходства или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды [2, с. 42–44, 93].

Изучение языковой категоризации заключается в стремлении понять связи, которые существуют между тем, что выражено в языке, и его познавательной реализацией, и тем, что скрыто в глубинах сознания человека. Исчерпывающее описание процессов, происходящих в языке, можно дать только тогда, когда представлены взаимосвязанные процессы планирования и научного знания на формирование обобщенного сознания человека современной и языковой картины мира. Язык, описывающий как отражение современной картины мира, изучает процессы концептуализации и категоризации мира, развитие категорий и влияние научных знаний на сознание человека, в котором концептуально отводится базовая роль в организации ментального лексикона.

Создание терминосистем как фрагментов модели знаний о мире связано с использованием разных типов взаимоотношений между понятиями. К основному виду таких отношений принадлежат родо-видовые связи, которые относятся к универсальной модели представления научных знаний, так как в ней лучше всего прослеживается иерархичность научного знания [3, с. 231].

Исследуя специальную научную литературу, мы выделили в науке о безопасности жизнедеятельности следующие категориальные компоненты: рубрикация: категория соблюдения норм охраны труда, категория нарушения норм безопасности, категория опасности (ущерб здоровью человека, угроза окружающей среде), категория предотвращения опасности, категория ликвидации опасности и другие.

Анализируя специальную научную литературу, сначала мы идентифицировали следующие основные категории науки: «охрана труда» ("Arbeitsschutz"), «охрана окружающей среды» ("Umweltschutz"), «риско» ("Risiko"), «вред здоровью» ("Gesundheitsschaden"), «загрязнение окружающей среды» ("Umweltverschmutzung"), «несчастный случай на производстве» ("Arbeitsunfall"), «эргономика» ("Ergonomie"), а также центральным понятием данной области является концепт «опасность» ("Gefahr"), следовательно, важно назвать такие понятия, как «предотвращение опасности» ("Gefahrverhütung"), «идентификация опасности» ("Gefährlichkeitsfestlegung"), «ликвидация опасности» ("Gefährlichkeitsliquidierung") и другие, представляющие дискурс науки безопасности жизнедеятельности.

Составление когнитивной карты с точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы позволяет установить, как репрезентирован мир в сознании человека, а также может выделить форматы знания в представлении опыта взаимодействия человека с миром [5, с. 69–70].

Когнитивная карта создается и видоизменяется в результате активного взаимодействия субъекта с окружающим миром. При этом могут формироваться когнитивные карты различной степени обобщения, охватывающие

организации (например, карта-обозрение или карта-путь). Когнитивную карту можно понимать как схематичное, упрощенное описание картины мира специалиста, точнее, ее фрагмента, относящегося к конкретной проблемной ситуации.

Представление об организации системы, с перспективе науки и иерархии ее разделов дает когнитивная карта, охватывающая все ключевые дисциплины науки. Когнитивная карта может быть представлена в виде совокупности фреймов [5, с. 69–70].

Одним из возможных решений проблемы детального рассмотрения терминсистемы является построение соответствующего фрейма. Одним из первых понятие «фрейм» ввел Ч. Филлмор, дав ему следующее определение: «совокупность лингвистических вариантов, которые ассоциируются с так называемыми сценариями». Ч. Филлмор объясняет явление фреймов и семантику понимания в совокупности. Согласно теории автора, слова образуют группы, каждую из которых лучше изучать как единое целое, потому что каждая группа является лексическим представителем, некоторой единицей схематизации опыта или некоторого знания, и для того чтобы понять смысл одного из членов группы, необходимо до некоторой степени знать, что значат они все. Такие группы слов удерживают вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются схематизацией опыта; для которых можно использовать общий термин «фрейм». По мнению Филлмора, фреймы интерпретации могут быть введены в процесс понимания текста вследствие их активации интерпретатором или самим текстом. Фрейм активируется, когда интерпретатор, пытаясь вывить смысл фрагмента текста, помещает содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от текста. Фрейм активируется текстом, если языковая форма или модель ассоциируется с рассматриваемым фреймом. Фрейм рассматривается Филлмором как система категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом и представляющего как набор понятий и одновременно как категоризация опыта [6, с. 52–92].

Определяя понятие «фрейм», М. Минский указывает, что отправной точкой его теории «служит тот факт, что человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выхватывает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных частей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [4, с. 151].

Т.А. ван Дейк полагает, что «знание организовано в концептуальные системы, которые «можно описывать в терминах фреймов». В отличие от Ч. Филлмора, Т.А. ван Дейк не склонен считать фрейм структурой, способной раскрыть связь между текстами и их пониманием, так как он содержит общую, а не специфическую информацию о стереотипной, а не конкретной

ситуации. Фреймы оторваны от контекста, являются элементами социальной памяти и содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, ассоциированную с тем или иным концептом [1, с. 16].

Кубрякова пишет, что понятие фрейма соответствует такое понятие как «схема» в когнитивной психологии, «ассоциативные связи», «семантическое поле». Сцены ассоциированы с определенными языковыми фреймами. Под сценами понимаются зрительные и другие виды внутренних мысленных образов. Это межличностные процессы общения, стандартные сценарии поведения, предписываемые культурой [2, с. 187–189].

Рассмотрим один из ключевых концептов науки о безопасности производства – «опасность» ("Gefahr"). Для опасностей характерны следующие признаки: угроза жизни (Lebensbedrohung), ущерб здоровью (Gesundheitschäden), затруднение функционирования органов человека (Schwierigkeit von Menschengerätefunktion). Применительно к промышленности причинами опасности могут быть брак оборудования (Ausüstungsauschluss), технологические нарушения (technologische Verstöße), высокий уровень шума, вибраций, излучений (hohe Lärm-, Vibrations-, Strahlungsniveau). **Виды опасностей:** физические (physische), химические (chemische), биологические (biologische), психофизиологические (psychophysiologische). **По происхождению** опасности бывают: природные (natürliche), техногенные (technogene), антропогенные (antropogene), экологические (ökologische), смешанные (vermischte); **по времени проявления отрицательных последствий:** импульсные (impulsive) и кумулятивные (cumulative), **по вызываемым последствиям:** утомление (Ermüdung), болезни (Krankheiten), травмы (Verletzungen), аварии (Unfälle), пожары (Brände), смертельные случаи (Sterbefälle) и т.д.; **по приносимому ущербу:** социальные (sozial), технические (technisch), экологические (ökologisch).

Литература

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникативизм / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989.
2. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков. – М., 1996.
3. Манерко, Л. А. Категоризация в языке науки и техники / Л. А. Манерко // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сборник научных трудов. – Рязань, 2000.
4. Манский, М. Фреймы для представления знаний / М. Манский; пер. с англ. / под ред. Ф. М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979.
5. Новодранова, В. Ф. Когнитивная карта науки / В. Ф. Новодранова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике (26–28 сентября 2006 г.): сборник материалов. – Тамбов: ТГУ, 2006.
6. Филдмор, Ч. Фреймы и семантика коммуникации / Ч. Филдмор; пер. с англ. // Новые в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988.
7. Интернет-сайт <http://www.wikipedia.de>.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ СОДЕРЖАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ

Е.П. Хивько

Российский государственный университет им. Н. Коперника, г. Калининград

Любая культура определяется наличием, во-первых, универсальных, общечеловеческих ценностей, во-вторых, элементов, характерных для ряда культур, имеющих объединяющие признаки (общая религия, история, сходные географические особенности и т.п.) и, в-третьих, любая культура характеризуется своими специфическими чертами. Концепт – одна из наиболее крупных единиц хранения и передачи культурной информации, необходимая для успешного общения в рамках данной культуры. Когда реципиент читает текст на неродном языке, он вступает в контакт с «чуждой» культурой и воспринимает ее через призму своей. При этом культурные концепты двух контактирующих культур являются эквивалентными, отдельные концепты частично эквивалентны, и целый пласт составляют строго специфические для данной культуры концепты. Критерием же эквивалентности в данном случае будет равное воздействие ИТ и ПТ на читателя при наличии стандартных и нестандартных соответствий в языках сопоставляемых текстов.

Передача содержания эквивалентных культурных концептов, как правило, не вызывает особых трудностей. В связи с этим более подробно остановимся на особенностях передачи в процессе перевода содержания безэквивалентных культурных концептов, являющихся константами соответствующей культуры [4, с. 17]. Для достижения эквивалентности при переводе, прежде всего, необходимо определить семантические составляющие данных единиц ИТ, затем проанализировать, какой именно компонент значения концепта актуализируется в ИТ, какую функцию он выполняет и какой эффект достигается при его использовании. На следующем этапе переводчик подбирает необходимый эквивалент таким образом, чтобы он имел в ПТ такую же функцию, оказывая тем самым одинаковое воздействие на реципиентов ИТ и ПТ.

Одной из констант русской культуры, нашедших наиболее яркое отражение в проанализированных нами художественных произведениях, является концепт «тоска». В силу специфических особенностей культуры реципиента ПТ в английском языке отсутствуют языковые единицы для полноценного выражения сути этого концепта. Важность концепта «тоска» для русской языковой картины мира подчеркивалась в работах А. Вежбицкой [2; 11] и А.Д. Шмелева [6]. Так, например, А. Вежбицкая писала, что «тоска» является одним из ключевых слов русской культуры. При этом она приводит данные этимологического словаря Г. Кучеры и У. Френсиса, включающего миллион слов

последовательного текста, в котором представлены следующие наиболее близкие (по ее мнению) эквиваленты слова «тоска»: "yearning" – 14, "longing" – 12, "boredom" – 11 и "melancholy" – 9 словоупотреблений. Как отмечает А. Вежбицкая, поскольку все эти слова (за исключением "boredom") не являются общеупотребительными в современном разговорном английском языке, скорее уместно сопоставить по смыслу русскую «тоску» с английскими словами "sadness" и "sad" [2, с. 125–127].

Однако в рассмотренных нами переводах 10 случаев употребления ЛЭК «тоска» ни разу не встретились перечисленные эквиваленты. Приведем распределение наиболее частых переводческих соответствий этих слов в порядке убывания их количества: «тоска» – "depression" (4 случая – 40 %), "depressed" (2 случая – 20 %), "depressing" (1 случай – 10 %), "despair" (1 случай – 10 %), "drag" (1 случай – 10 %), "swoon" (1 случай – 10 %).

Теперь рассмотрим данные переводческие соответствия с точки зрения их эквивалентности концепту «тоска» в ИТ. Начнем с наиболее частотной ЛПК "depression" и ее производных "depressed", "depressing".

Прежде всего необходимо сопоставить семантику концепта «тоска» в ИТ и концепта "depression" в ПТ. Среди семантических составляющих русской «тоски» можно выделить такие, как «грусть», «пустота», вызванная отсутствием, и недоступностью кого-то или чего-то хорошего», «безграничное непримиримое страдание, которое простирается за границу "этого" мира», «контраст между миром "здесь и сейчас", который потерял свою привлекательность, и другим, недоступным миром, который содержит потерянное сокровище» [11, с. 43]. Таким образом, в одном слове сосредоточено большое количество компонентов значения. Что же касается способа передачи значения данного концепта в ПТ "depression", мы находим следующие его определения: "1) a feeling of unhappiness and lack of hope for the future, sad feelings of gloom and inadequacy; 2) a state of mind producing serious, long-term lowering of enjoyment of life or inability to visualize a happy future" ("Cambridge International Dictionary of English"). Рассмотрим теперь на примерах, насколько семантические составляющие данных концептов совпадают: *Каждую ночь в Нептуну подхватывает тоска* [5, с. 17]; *Depression came to Ignatiev every night* [10, с. 73].

Перевод единицы ИТ, передающей на письме концепт «тоска», является эквивалентным, так как при этом происходит актуализация значения отрицательных эмоций – грусти, печали из-за недостижимости желаемого, заложенных в ИТ. Доказательством тому, что в ИТ актуализируется именно этот компонент значения данного концепта, является наличие в ИТ обстоятельства времени «каждую ночь», где прилагательное «каждый» имеет значение «всякий раз, всегда, постоянно (обычно при подчеркивании повторяемости действия)» [1, с. 317]. Таким образом, у читателей ИТ и ПТ появляются одинаковые ассоциации – образ человека, все время находящегося в подавленном состоянии в силу того, что он не доволен существующим положением дел, но не в силах изменить что-либо.

Рассмотрим следующий пример: *Валерочка «Петку» на ночь почитаю, как обычно – тоска же* [5, с. 29]; *Even if I read The Old Man and The Turnip to Valera at bedtime, it's still depressing* [10, с. 81].

В данном случае перевод концепта ИТ на ПЯ не является эквивалентным, так как единица ПТ не отражает таких компонентов значения единицы ИТ, как уныние и скука. Мы можем выявить данные оттенки значения концепта «тоска» в ИТ, проанализировав лингвистический контекст, в котором находится данный концепт: ничто не радует главного героя, даже чтение сказки на ночь собственному сыну, что выступает здесь неким показателем высшей степени уныния – когда становится скучно проводить время с собственным ребенком. На наш взгляд, более уместным было бы использование таких вариантов перевода как "boredom", "dismal" и т.п.

Перейдем к следующему примеру:

Ну а я домой идти не могу. Тоска [5, с. 15];

But I can't go home. Depression [10, с. 69].

В тексте оригинала актуализируется еще одна важная составляющая тоски – тревога. Свидетельством того, что концепт «тоска» имеет такую семантическую составляющую, является следующее определение, которое мы находим в толковом словаре русского языка: «Тоска – душевная тревога, соединенная с грустью» [3, с. 656]. В ИТ данный компонент значения передается посредством использования безличного односоставного нераспространенного предложения, которое следует после простого распространенного предложения. В данном случае это свидетельствует о некотором напряжении и чувстве тревоги, которые испытывает говорящий, с одной стороны, и о его грусти и безысходности, с другой. Но единица ПТ "depression" не отражает данного компонента значения концепта русской культуры. Это приводит к тому, что данный способ перевода не является эквивалентным.

Рассмотрим другие способы передачи ЛПК «тоска»: *Он дико затосковал* [5, с. 37]; *He plunged into despair* [10, с. 23].

В рассматриваемом примере единица ИТ «затосковать» отражает ощущение главным героем непреодолимости преграды, стоящей у него на пути к лучшей жизни, и, как следствие, – разочарование и уныние, нежелание ничего предпринимать по этому поводу. При этом чувство безысходности усиливается вследствие использования наречия «дико», выступающего в роли определителя данной единицы ИТ и имеющего ярко выраженный отрицательный компонент значения. Переводной эквивалент данной реалии в английском языке обозначает "a profound feeling that there is no hope; the feeling that everything is wrong and nothing will turn out well; a state in which everything seems wrong and will turn out badly" [7, с. 317]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что данная единица ПТ вполне отражает актуализированный контекстом компонент русского понятия. Следовательно, перевод может считаться эквивалентным.

В следующем примере эквивалентом концепта «тоска» в ИТ в тексте ПТ выступает слово "drag": *...также было бы о скуку воли, даю кушать ветер*

в верхних деревьях, костер пляшет свою вечную пляску... *Toska!* [5, с. 99].
...the waves thudded against the cliff, and the wind howled in the tree tops, and the
campfire danced its endless dance... *What a drag!* [9, с. 57].

Перечисление однородных членов предложения в ИТ с использованием при этом бессознательного способа связи создает впечатление некоей последовательности продолжающихся событий, которые угнетают главного героя повествования, в силу того, что он оказывается не в силах остановиться и отдохнуть. Эти же ассоциации возникают у реципиента ПТ, так как эквивалент "drag" использованный переводчиком для передачи именно этого компонента значения русского понятия «тоска», в словаре имеет следующую дефиницию: "something tedious and boring; something that slows or delays progress; a boring or tiresome person or thing" [7, с. 389]. Единица ПТ актуализирует такой компонент тоски как уныние, вызванное тем, что невозможно преодолеть то, что препятствует переменам к лучшему, тем самым способствуя появлению у читателей ИТ и ПТ одинаковых ассоциаций непрерывности существования чего-то угнетающего. Следовательно, перевод концепта ИТ «тоска» в данном случае является эквивалентным.

Рассмотрим еще один способ передачи концепта «тоска»: ...и крик смертной *тоске*... [5, с. 48]; ...in a mortal *zwoon*... [10, с. 107].

Концепт «тоска» в данном контексте ассоциируется у русского читателя со значением тяжести на душе и печали, вызванной тем, что жизнь подходит к концу, и ничего уже нельзя изменить. Данные ассоциации не могут возникнуть у читателя ПТ, так как предлагаемый вариант перевода "zwoon" не является эквивалентным, в силу того что обозначает физическую сторону состояния человека перед смертью: "a spontaneous loss of consciousness caused by insufficient blood to the brain" [8, с. 1745]. Такой способ перевода концепта «тоска» не является эквивалентным.

Таким образом, в каждом контексте актуализируется определенный набор (комбинация) сем, который и составляет содержание концепта. Проведенный анализ показал, что наиболее полная передача содержания культурных концептов достигается лишь в том случае, если переводчику удается сохранить целостность передачи семантических компонентов концепта, в противном же случае искажается понимание самого концепта и снижается его семантическая насыщенность.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. - М.: АСТ, 2004. - 1284 с.
2. Вежицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежицкая. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - С. 13-38.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. - М.: Русский язык, 1985. - 797 с.
4. Степанов, Ю. С. Концепт, причина и два подхода к концептуальному анализу языка - логический и сублогический / Ю. С. Степанов // Логический анализ языка. Культурные концепты. - М.: Наука, 1991. - С. 34-36.
5. Толстая, Т. Н. Река Оккервиль. Рассказы / Т. Н. Толстая. - М.: Полдень, 2004. - 467 с.

6. Шмелев, А. Д. Русский язык и анимационная действительность / А. Д. Шмелев. - М.: Языки славянской культуры, 2002. - 309 с.

7. Cambridge International Dictionary. - Cambridge: Cambridge University Press, 1990. - 1792 p.

8. Collins Cobuild. English dictionary for advanced learners / Ed. J. Sinclair. - India, 2002. - 1824 p.

9. On the Golden Porch. Tatyana Tolstaya / translated from Russian by Antonina W. Bouis. - New York: 1st Vintage international edition, 1990. - 198 p.

10. Sleepwalker in a fog, Tatyana Tolstaya / translated from Russian by Jamey Gambrell. - N.-Y.: 1st Vintage international edition, 1993. - 192 p.

11. Wierzbicka, A. Dusha, toska, sad'ba: three key concepts in Russian language and Russian culture / A. Wierzbicka // Metody formalne w opisie jezykow slawianskich. - Białystok, 1990. - P. 28-47.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «СОЛНЦЕ»: НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПАРЕМИЙ

Н.В. Шестеркина

Мордовский государственный университет

Природа может выступать как подобие человека: она и сама мыслится в человеческом образе. На этом основан принцип антропоморфизма, который позволяет видеть в тех или иных природных явлениях аналог человеческих действий [6, с. 157]. Антропоморфизм – важный элемент мифологии, возникший еще в родовом обществе. В его основе лежит неразличение человеческого и природного миров и связанное с этим одухотворение окружающего мира. Очеловечивая природу, архаичный человек упрощал контакт с ней, уподоблял ее себе. Одухотворяя феномены видимого мира, человек наделял их теми же качествами, которые обнаруживал у себя самого. Животные, птицы, растения и камни наделяются вполне человеческими способностями, даже умением мыслить и говорить.

Целью нашей статьи является выявление в структуре концепта «Солнце» антропоморфных признаков. На основании концептуального анализа исследуемой номинации определяются следующие антропоморфные признаки.

1. Солнце выполняет действия человека:
а) играет: «Пять раз в году Солнце играет. На Рождество, Благовещение, Благовещенье, Светлое Воскресенье, Иоанново рождение» (Месяслово) [5, с. 666].

В словаре В.И. Даля говорится: «Солнце играет, мечет лучи, по поверью, на Пасху и на Благовещение, при восходе». В историко-этимологическом словаре объясняется: Солнце играет – «(народн.) Об особом оптическом явлении, связанном с солнцем, космической «игрой», фиксируемой прежде всего на Пасху, Иванов, реже Михайлов день и Рождество» [3, с. 655].

С.М. Толстая так объясняет это явление: «...распространено известие у всех славян поверие о том, что в определенные дни (праздники) солнце на восходе или (реже) на закате *играет*, переливается разными цветами» [7, с. 8]. Как известно, купальские обряды и соответствующие фольклорные тексты насыщены солнечной символикой из-за близости этого дня к моменту летнего солнцестояния. Что же касается Пасхи и Благовещения, то можно думать, что они отмечены в народных представлениях игрой солнца как самые яркие и наиболее символически нагруженные праздники христианского календаря [7, с. 9]. Кроме самого распространенного явления, по отношению к этому явлению употребительны следующие выражения: *солнце купается, меняется, гуляет, дрожит, сдвигается, ходит, бегает, плывет, танцует, скачет, прыгает, кружится, до вечно идет*. Иным по распространенности после *играет* оказывается глагол *купается*.

С.М. Толстая отмечает также, что нередко наблюдается явная связь между названием праздника и терминном, описывающим игру солнца. Это может быть связь народно-этимологического характера (на *Купалу* солнце *купается*, на *Земелье* – *движется* и т.п.) или символического характера: выражение *солнце радуется* употребительно только по отношению к Пасхе и согласуется с общей семантикой праздника; выражение *солнце купается* наиболее употребительно в связи с праздником Ивана Купалы, в вербальном коде которого многократно варьируется данный звуковой комплекс и соответствующий семантический компонент. Большинство употребительных в эти выражениях глаголов, кроме прямого значения движения солнца или зрительного впечатления от него (*ходит, бегает, дрожит, переливается* и т.д.), имеет многообразные семантические и символические связи и коннотации (особенно глаголы *гулять, красоваться, играть* и т.п. в связи с их принадлежностью к сфере брачно-репродуктивных значений) [7, с. 9–11].

А.К. Бирях добавляет, что обороты, образованные по той же структурной модели, известны народной речи: *погода играет* (о хорошей погоде), *река играет* (о паводках), *ограи играют* (о весенней поре). Ср. приметы типа *На Афанасия месяц играет – к урожаю*; *На Михайлов день солнце для боя играет*; *На Ивана солнце играет*. Такие приметы содержат олицетворенные небесных тел (чаще всего – солнца), воспроизводят тем самым древний мифологический сюжет. Они отражены и в устойчивых представлениях об обрядовой необходимости *смотреть солнышко* в эти праздники, то есть выходить до рассвета на улицу и наблюдать «игру», «танец», «прыжки» вставшего солнца. Подобные обороты известны и другим европейским языкам, например, нем. *die Sonne tanzt, macht die Sonne drei Sprünge*. «Игра солнышка» нечто большее, чем «игра света», отблески лучей, преломленных в атмосфере, хотя волею *солнце играет* обозначает и простое свечение вокруг солнца перед дождем. Выражения такого рода фиксируют момент активного (а применительно к Ивану дню – исключительного) самопроявления природы.

«Играющее солнце» – часть играющего, постоянно изменчивого и полиризованного мира, и поэтому эту космическую игру следует понимать и как знак обозначения мира, и даже его творения [3, с. 655].

По А.Н. Афанасьеву, месяц почитается мужем солнца, которое «представлялось в женском поле»; такому олицетворению солнца в образе женщины соответствует и его «игра». Поворачивая на лето, солнце наряжается в праздничный сарафан и *кокошник*; на Иванов день оно выезжает на встречу к своему супругу месяцу, плывет и рассыпает по небу плодотворные лучи; когда с окончанием лета погрებაют Ладу (имя, придаваемое солнцу), то куклы, на представляющую, одевают в женский наряд [2, с. 269].

6) ведет беседы с людьми (наравне с другими явлениями природы): *Иди мужик, а ему навстречу три мужика: солнце, ветер и мороз. Мужик поклонился ветру. Солнце сказала: «Я тебя сожгу». А ветер: «Я тебя не дожду». Мороз молвил: «Я тебя заморозю». А ветер: «Я тебя отбью»* (Речь) [5, с. 741]. В этом случае солнце очеловечивает «самые суровые атмосферные явления» [4, с. 112]. По поводу данной притчи К. Валишу обращается к понятию «холод». В этой связи Забылин пишет о мистическом начале холода, происшедшего от злых духов. Они погружают землю в холод, а если нужно снова ее согреть, то они свистят в пальцы [цит. по: 4, с. 123–124]. В данном контексте действия солнца оцениваются резко отрицательно.

2. Перцептивные характеристики солнца: *Солнышко, солнышко, вылезло в окошечко: твои детки плачут, по камешкам скачут, сыр козуют, в окошко лезают* (шутки ребят весной) [5, с. 679]; *Солнышко, солнышко, вылезло в окошечко! Твои детки плачут, сыр (смогу) лезутиницы козуют, черному медведю по ложке, нам ни крушки* (детская прибаутка в Восточной Сибири) [5, с. 741]. А.Н. Афанасьев связывает подобные обращения к солнцу (*Вылезло, солнышко, / Твои детки плачут!*) с солнечным затмением или просто с отсутствием солнца на небе, покрытом тучами. Этим затмением простые люди думают «освободить светило из власти темных туч». А.Н. Афанасьев свидетельствует, что при солнечных затмениях «в старину раздавался непритворный плач населения, которое боялось за судьбу солнца, захваченного темною силою». Затмения солнца и другие у всех языческих народов объяснялись «враждебным нападением стокон тьмы на эти светила» [1, с. 182].

3. Сравнения человека с солнцем: *Ясен, как солныце, как звездочка, как золотко* [5, с. 407]; *Красней красного солнышка, ястей ясного месяца* [5, с. 500]. Эти сравнения, в которых присутствует положительная оценка, связаны с человеком, который своим внешним видом или поступками напоминает любимое дневное светило.

Анализ паремологического материала может свидетельствовать о том, что солнце для человека наделено определенными антропоморфными чертами. С солнцем в основном связаны только положительные характеристики, но возможны и отрицательные.

Литература

1. Афанасьев, А. Н. Зооморфические боги у славян: птица, конь, бык, змея и волк / А. Н. Афанасьев // Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. – М.: Индрик, 1996. – С. 145–194.
2. Афанасьев, А. Н. По поводу статьи С. М. Соловьева «Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие» / А. Н. Афанасьев // Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. – М.: Индрик, 1996. – С. 262–279.
3. Барих, А. К. Русская филология: Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Моисеева. – М.: Астрель: АСТ: Двокс, 2005. – 926 с.
4. Башин, К. Кошачьи ветры в русских паремиях: опыт семантического анализа / К. Башин // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Записки тексты. – М.: Индрик, 1999. – С. 111–127.
5. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М., 2004. – 752 с.
6. Словарь символов и знаков / авт.-сост. В. В. Адаменко. – М.: Мн., 2006.
7. Толстая, С. М. Символы ираков / С. М. Толстая // Славянской и балтской фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / отв. ред. Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1986. – С. 8–11.

СЕКЦИЯ 3 ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

О ПОНЯТИИ СТИЛЕВОЙ ОДНОРОДНОСТИ

М.Р. Аликина

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Назрань

Понятие «стилевая однородность» неразрывно связано с понятиями «функциональный стиль», «стилистическая дифференциация средств языка», «текст» и противопоставлено понятию «межстилевое взаимодействие» и «взаимопроникновение стилей».

Выделение функциональных стилей связано со следующими положениями: 1) наличие функциональных стилей характеризует высоко развитые литературные языки в целом, а не только языки некоторых социальных групп; 2) функциональные стили тесно связаны со специализированными сферами деятельности людей, в которые так или иначе вовлечены все носители данного культурного и языкового сообщества.

Представление о функциональном стиле как определенной категории описания речи возникло на основе развития стилистических представлений, которое восходит к античным теориям языка. В применении к конкретным фактам языка представление о стилевых единицах как эмоциональных и функциональных парадигмах было использовано в трудах теоретиков литературного языка: Ш. Арио, К. Лансло, М.В. Ломоносова. Однако современная стилистика как самостоятельная лингвистическая дисциплина началась с работ Ш. Балли и превратилась в динамично развивающуюся дисциплину после выхода в свет работ ученых Пражского лингвистического кружка, изучающего обоснования таких парадигм лингвистического знания, как практика текста, теория речевых актов. Концепция Ш. Балли [1; 2] базировалась на понятии функционального выбора, согласно которому в многочисленных семантических рядах и формах можно выделить три группы членов, часть которых является нейтральными, а другие две характеризуются эмоциональной окраской, сниженной и высокой. Данная концепция тесно перекликается с работами ученых, занимавшихся теорией литературного языка, таких, как, например, М.В. Ломоносов. Но конечной целью стилистического анализа, по Ш. Балли, признавалась не нормализация фактов языка, а изучение и описание стилистического инвентаря языка. Таким образом, теория известного французского ученого была в значительной степени обращена к языку и в меньшей степени к речи, в особенности к организующим ее категориям, таким, как коммуникативная цельустановка, тематическая и смысловая завершенность, жанр и стиль. В трудах ученого противопоставлялись нейтраль-

ные и стилистически окрашенные единицы и отождествлялись экспрессивные и стилистические, образующие в языке стилистические парадигмы на синхронном уровне.

Настоящий прорыв в формировании основных постулатов стилистики был совершён в тезисах представителей Пражского лингвистического кружка. Исследователи отталкивались при формулировании основных положений не только от представлений Ш. Балли, но также из опыта нормализаторской деятельности европейских ученых, выстраивавших теорию литературного языка. Представители Пражской лингвистической школы исходили из совершенно новых для лингвистики того времени положений, которые кратко можно охарактеризовать следующим образом:

1) закономерности построения текста как речевого произведения в любой из форм его проявления зависят от выбора, который осуществляет говорящий, из заранее предоставленных языком средств;

2) выбор единиц, а также их синтагматика определяется целями говорящего, то есть тем эффектом, которого он хочет достичь в результате своего сообщения, таких целей может быть несколько — общение, сообщение и воздействие.

Таким образом, цели говорящего определялись с учетом выделения функций языка, и поэтому неудивительно, что именно в рамках данной школы рождается понятие функционального стиля. Отметим, что в старых классических тезисах практически не упоминается о дифференциации средств по сферам общения, о референции речевых и языковых единиц. Пражцы сформулировали лишь главный принцип описания — приоритет коммуникативных целей говорящего.

При построении основ стилистики в отечественном языкознании, в разработке ее основных направлений и задач выдающийся ученый, академик В.В. Виноградов опирался не только на положения Ш. Балли и идеи представителей Пражского лингвистического кружка, но и на традиции российской лингвистической науки. Он писал, в частности, «что внутренняя дифференциация языковых стилей может не опираться на различие функций языка (общение, сообщение и воздействие) или на выделение тех или иных разновидностей коммуникативной функции. Она может осуществляться на основе структурных или конструктивных противопоставлений и соотношений между частными системами выражения внутри единой структуры языка (такова, например, синонимия парадигматических форм, синонимия в кругу форм словосочетаний и предложений, синонимия слов и фраз и т.п.). Ведь в слове *функциональный* заключен двойной смысл. Он может указывать и на связь стилей с разными функциями языка, и на функциональное разграничение сфер употребления этих стилей» [3, с. 20]. Таким образом, ученый выделяет две группы критериев: первые соотносятся с принципами ономастологического описания языка — это учет коммуникативных целей участников коммуникации; вторые основываются на

онимасно-логическом описании и предполагают исследования различного рода семантических парадигм для выделения дифференциальных признаков, определяющих принципы и приоритеты их использования в речи. Отметим, что в последующие десятилетия второй принцип описания явился основным в исследованиях по стилистике.

Долгое время в научной литературе существовало множество взглядов на проблему классификации стилей, но в результате продолжительных научных дискуссий были определены следующие функциональные стили: официально-деловой (официально-деловой), научный, публицистический и разговорный. При этом в последние годы из этой классификации вслед за художественной литературой вытеснен разговорный стиль, которому присвоен статус разновидности языка. Данная классификация основывается на противопоставлении текста по доминирующей цели общения: общение — разговорная речь, сообщение — научный и официально-деловой стили, воздействие — язык художественной литературы, публицистика, причем публицистический стиль соединяет в себе функции сообщения и воздействия. Подобная дифференциация стилей предполагала объединение письменных текстов в одну группу на основании общности функции. Так как представление о функции в языкознании является довольно расплывчатым, то и содержание определения функционального стиля является на сегодняшний день довольно расплывчатым, так как в данном случае, вслед за В.В. Виноградовым, ученые исходят из представления о соответствии текста определенного стиля определенным целям общения, с одной стороны, и «набора» определенных языковых и речевых средств и приемов, с другой. Так, до настоящего времени каноническим можно считать определение функционального стиля, представленное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Функциональный стиль — разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере. Наличие функционального стиля связывают также с различием функций, выполняемых языком. К внеязыковым стилеобразующим факторам относят формы общественного сознания, социальных отношений, виды производственной и другой деятельности» [4, с. 569].

Как видно из приведенного определения, две составляющие стиля — номенклатура единиц языка и речи, с одной стороны, и отнесенность текста к определенной сфере деятельности, с другой, — определяются и в данной дефиниции. Классификация функциональных стилей связана с типовыми ситуациями определенной сферы общения, то есть с дифференциацией сфер коммуникативной деятельности. Исходя из этого, с позиций писателя типов коммуникативных намерений говорящего осуществляется классификация текстов, которые представляют продукт речевой деятельности в определенной сфере общения, созданный с помощью определенного инвентаря единиц языка и речи. В соответствии с функциями языка

выделяют тексты, в которых доминирует установка на объективное представление информации и функция сообщения превалирует над функцией воздействия, и тексты, в которых доминирует установка на эмоциональную оценку информации и функция воздействия превалирует над функцией сообщения, а также тексты, где обе функции находятся в равновесных отношениях. Примером первых являются тексты научного и официально-делового стилей, примером вторых – тексты языка художественной литературы и публицистики, примером третьих – тексты устно-разговорной разновидности. Основанием для такой дифференциации являются, как уже говорилось, частные функции языка, а также типовые целустановки говорящих в определенной сфере общения.

Таким образом, сущность функциональных стилей в языке определяется их прочной привязкой в речи не просто к «определенным» ситуациям, а к типам, универсальными по своему характеру обстоятельствам общения в коммуникативных ролях. Функциональные стили непосредственно обращены к основным актуальным сферам жизни, которые касаются большинства носителей языка и которые определяют условия развития общества и цивилизации в целом – бытовое взаимодействие (отношения с близкими), служебная и политическая деятельность (отношения с властью), научно-познавательная деятельность, эстетическая и религиозная деятельность (отношения с окружающим миром). Функциональные стили – это еще и способ отражения в речевой деятельности коллектива соответствующих сфер общения типовых социальных норм общения, поведенческих и речевых ролей участников общения, которые довольно точно представляют типы существующих социальных систем, действующих в данном обществе.

Таким образом, система функциональных стилей конкретного литературного языка может быть охарактеризована как коллективно осознанная система устойчивых, стереотипных форм речевого поведения и взаимодействия, регулярно используемых в тех сферах деятельности, общения и познания, в которые прямо или косвенно вовлечены носители данного литературного языка.

Перейдем теперь к рассмотрению понятия «текст». Существующее многообразие в интерпретации этого понятия, пожалуй, превышает по количеству дефиниций определение более актуального в настоящее время понятия «дискурс». Причина многообразия толкований данного научного понятия кроется в том, что текст является одной из самых сложных единиц, в которой в реальном функционировании представлены элементы всех языковых уровней, и отличается наиболее полной речевой реализацией интенции автора или авторов, а также тем, что текст является объектом изучения множества научных дисциплин, не только лингвистических, но и социальных и естественнонаучных (информатива) и другие. Текст является объектом исследования во многих гуманитарных областях знания, а также в некоторых технических, например, языке программирования, IT-технологии. Например, в семантике

под текстом понимается осмысленная последовательность любых знаков, в том числе и невербальных; в лингвистике текст – это последовательность вербальных знаков, объединенная смысловой связью, основными свойствами которой являются связность и цельность.

Изучение и описание текста как явления в системе лингвистических дисциплин проводится различными национальными и научными школами в различных аспектах. В настоящее время выделяется ряд специальных дисциплин, посвященных изучению текста: лингвистика текста, структура текста, стилистика текста, герменевтика, грамматика текста. Определить четкие границы каждой из названных дисциплин представляется весьма затруднительным; они, как следует из их названия, связаны с определенными ступенями анализа крупных речевых фрагментов, которые могут быть следующими: 1) конкретные условия возникновения текста, проблемы установления авторства и адресата текста; 2) определение конкретного содержания текста и характера его построения; 3) условия вхождения текста в данную область культуры, взаимоотношения данного текста с другими, близкими по содержанию и форме выражения, текстами; 4) общие исторические условия понимания и истолкования текстов на фоне развития культуры, прогресса в знаниях и речевом общении, формах коммуникации.

Исследование и описание текста довольно интенсивно проводилось в последние десятилетия XX в.; сменяли друг друга различные периоды, которые различались степенью приоритетности одного из направлений в изучении данного лингвистического объекта: структурного, семантического, функционально-стилистического, прагматического, культурно-семантического, историко-культурного. В современной парадигме лингвистики текст изучается в рамках дискурсивной лингвистики как актуальная единица какого-либо дискурса. Однако это не означает, что в настоящее время прекратилось описание обозначенных выше составляющих текста, и, прежде всего, его функционально-стилистической организации. Изменение научной парадигмы приводит к более глубокому пониманию стилистической природы любого речевого фрагмента, позволяет представить функциональный стиль не только как определенную подсистему языка, обслуживающую конкретную сферу деятельности человека, но и рассматривать в динамике взаимодействии стилистических подсистем и парадигм на разных уровнях. Такой подход к изучению стилевых парадигм позволяет проводить исследования на основе интегрированных представлений о сущности стилей, как в языке, так и в речевом выражении. Всестороннее изучение текста продолжается, а изменение приоритетов лингвистического исследования позволяет поставить на повестку дня вопросы о «стилевой однородности» и «межстиловом взаимодействии» как неперенных атрибутах дискурсивной стилистики, принципы и методы которой позволяют не только описать взаимодействие стилей и стилевых средств языка, но и природу стилистической многозначности и сущность

стилевых противопоставлений, что дает возможность одновременно углубить и существенным образом расширить наши знания о тексте.

Изменение объекта стилистического описания от «текста» к «дискурсу» проводилось следующим образом: первоначально главным направлением изучения текста было постижение онтологической сущности объекта и описание его структуры и семантики, что и привело к уточнению дефиниции, определению его генетических свойств. Структурный аспект цельности и связности текста дополнился пониманием его семантической цельности и связности, его зависимости от таких прагматических параметров, как коммуникативная целеустановка, модель речевой ситуации, уровни порождения речи. В дальнейшем понимание текста существенно углубилось в связи с развитием таких направлений, как когнитивные теории языка, лингвистическая прагматика. Комплексные исследования текста в области семиотики и культурологии привели к пониманию огромной культурной ценности текста в области информационных систем, к постановке проблем прочтения и интерпретации текста.

Изучение текста в стилистике делало акцент на обусловленности языковых приемов и единиц в зависимости от требований стиля, в грамматико-исследовании закономерностей выбора тех или иных языковых средств в зависимости от требований нормы. Функционально-стилистика анализ текста заявил о важности изучения обусловленности выбора тех или иных элементов языка, средств выражения смысловой структуры с учетом условий коммуникации.

Современная функционально-стилистика теория текста описывает функционирование и соотношение знаков (элементов текста), связывая их использование с проявлением прагматических и понятийных категорий с целью выявить значимость этих категорий в тексте. Признание текста высшей коммуникативной единицей позволило ученым пойти дальше и рассматривать его как единицу дискурса, сделав значительный шаг вперед в изучении языка и речи как системы средств выражения того или иного содержания. Поэтому в настоящее время изучение текста соприскасается с такими отраслями современного языкознания, как когнитивные теории языка и лингвистическая прагматика. Это проявляется в обязательном описании целого комплекса таких значимых для текста компонентов, как характеристика говорящего и слушающего, условия коммуникации, модель речевой ситуации и этапы порождения речи.

Проблема «стилистика однородности текста» неразрывно связана также с типологией текста и дискурса. Изучение текста в настоящее время происходит как решение комплекса проблем, связанных со взаимодействием коммуникативно-прагматической, смысловой и структурной организации, что в значительной степени актуализирует исследование его конституирующих и типологических признаков: стиля, жанра, композиционных речевой формы.

Типология текста и дискурса строится на основе классификации жанровых единиц. Лингвистической термин «жанр» чрезвычайно широко используется в современной науке. Теория жанровых форм была разработана М.М. Бахтиным. Ученый давал жанру следующее определение: «Это усредненный с точки зрения темы, композиции и стиля тип высказывания» [5, с. 161–162]. Второй важный аспект теории жанров М.М. Бахтина – это противопоставление первичных и вторичных жанров. «В каждом высказывании, – писал М.М. Бахтин, – от однословной бытовой реплики до большого, сложных произведений науки или литературы – мы охватываем, понимаем, осущаем речевой замысел (выделения М.М. Бахтина), или речевую волю говорящего, определяющую целое высказывания, его объем и его границы [...] Речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в выборе определенного речевого жанра. Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п.» [5, с. 179–180]. Автор отмечал такие свойства первичных жанров, как «типическая концепция адресата», свойственная каждому жанру в отдельности, динамичность жанра, выражающаяся в приспособлении к конкретной ситуации, способность вступать в определенные связи с другими первичными жанрами, образуя вторичные жанры. На основе данной концепции Т.В. Шмелева в работе «Модель речевого жанра» вывела структуру жанровой формы, в состав которой входит образ автора, образ адресата, коммуникативная цель, событийное содержание, фактор коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего, а также формальная организация [6]. М.М. Бахтин отмечал, что вторичные речевые жанры «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого культурного общения – художественного, научного, общественно-политического и т.п.» [5, с. 239], а первичные жанры входят в них на правах составляющих. Вслед за ученым, М.Ю. Федосюк противопоставил элементарные и комплексные жанры [8, с. 104], а В.В. Деметев и К.Ф. Седов [9, с. 35–36] противопоставляют такие виды жанровых форм, как субжанры и жанронды.

Конкретные жанровые формы позиционно обусловлены, их построение обычно определено способом воплощения вполне сложившегося содержания. Это означает, что существеннейшим признаком жанра является определенный тип отношения содержания к действительности, диктума и молуса, то есть модальность как отношение конкретного текста к действительности, языное говорением и воспринятое слушающим, модальность как категория, обеспечивающая внутреннее единство произведения словесности. М.М. Бахтин отмечал, что речевые жанры организуют речь почти так же, как ее организуют грамматические формы; если грамматика организует собственно номинативные элементы языковой системы, то жанр организует структуру высказывания содержательно [5]. Таким образом, жанровая форма представляет

определенную типологическую единицу, неразрывно связанную с объективно-речевой практикой определенной сферы общения и предопределяющую композиционно-речевую структуру текста, его языковые особенности. Современные лингвистические концепции нередко склонны представлять определенный функциональный стиль или подстиль, тип дискурса как набор определенных жанров и их разновидностей, в этом проявляется тесная связь стилистики с прагматикой речи. Жанр и композиционная форма, или тип текста, неразрывно объединяются с когнитивной деятельностью человека. Жанр как одна из форм реализации функционального стиля обуславливает специфические особенности типа текста. Так, например, в научном стиле выделяют определенное количество характерных для него жанров: монография, диссертация, статья, учебник, рецензия, реферат, тезисы, лекция и другие. Возможно также выделение своеобразных поджанров, например, отдельных разновидностей статьи, которые, по нашему мнению, связаны с реализацией определенного подстиля.

Итак, функциональная интерпретация текста чрезвычайно важна для современной лингвистики. Такое понимание делает приоритетным коммуникативно-прагматическую обусловленность текста как продукта реального коммуникативного акта, а экстралингвистические факторы (взаимосвязь общих знаний, условия протекания, социально-культурные характеристики участников) регулируют процесс коммуникации. Интенция автора, в первую очередь, определяет стиль и жанр текста, следовательно, и правила его функционально-семантической организации.

Изучая речевые произведения непосредственно в их употреблении, прагматика облекается с психологией, социологией, этнолингвистикой, культурологией. М.Ю. Лотман делает следующее замечание о прагматике языковых знаков: «Если семиотический механизм средствами языковой семантики кодирует в тексте сведения о внетекстовой действительности, то коммуникативный механизм связывает структуры языковой семантики с реальными условиями коммуникативного акта. Собственно говоря, только в результате этого соотношения та или иная языковая последовательность может выступать в качестве высказывания (текста). Действием семиотического механизма обуславливается семиотическая структура текста, его внутренняя связность, действием коммуникативного механизма — его осмысленность» [10, с. 6].

Из этого положения следует, что определенные функциональные стили и их взаимоотношения постоянно трансформируются, следовательно, их описание является адекватным лишь относительно определенного периода времени, составляющего этап в развитии данного стиля. Если ранее ученые предполагали, что таким этапом может быть столетие, то сегодня мы вынуждены признать, что это может быть и более короткий промежуток. Применительно к русскому языку это положение является весьма актуальным. За последние двадцать лет русский язык в своей разговорной разновидности, в области

стилистики претерпел серьезные изменения, что не могло не оказать определенного влияния и на язык науки. Помимо этого, в последние годы во многих дисциплинарных разделах науки произошла смена научных парадигм, существенно изменилась научная картина мира, к которой обращен научный дискурс данной области знания. Изменяется сам научный дискурс, так как процесс обмена научной информацией все более ускоряется, русский научный дискурс все более активно вовлекается в межкультурную научную коммуникацию, изменяются носители информации и способы ее хранения. Все это предполагает мониторинг функциональных стилей с позиций выявления изменений в них определенных тенденций, вызывающих изменения внутри стиля. Каждый стиль под влиянием ряда экстралингвистических и, в первую очередь, социальных факторов переживает периоды бурного и замедленного развития, время становления жанровых форм, лингвистического инструментария и время медленной отработки и шлифовки суммы отобранных и наиболее характерных языковых приемов организации. Изучение различных периодов формирования стилей дает важные сведения об общих принципах динамики стилистической эволюции.

Таким образом, внутрителиевые изменения могут происходить как на основе дополнительной кристаллизации уже имеющихся в нем форм (например, формализация определенных научных жанров), так и в результате межстилиевого и внутрителиевого взаимодействия (под последним мы понимаем взаимодействие подстилей).

Реальная дифференциация языка, нашедшая отражение в выделении новых функциональных стилей, требует как изучения стилистически значимых средств различных языковых уровней, так и условий их употребления в иностилиевом окружении. Для каждого функционального стиля существует своя система языковых, речевых и дискурсивных норм, которые могут сознательно или неосознанно нарушаться, заменяться нормами, характерными для другого функционального стиля. Намеренное нарушение норм того или иного стиля связано с иллокутивными целями говорящего, ненамеренное нарушение этих норм может быть связано с отсутствием или несформированностью дискурсивной компетенции говорящего, а также с определенными изменениями внутри самого дискурса. Эти изменения являются нарушением стилевой однородности текста, которая может проявляться не только в использовании иностилиевых единиц языка, но и в нарушении сложившихся жанровых форм.

Из всего сказанного выше вытекает важный вопрос о том, какие критерии должны быть положены в основу определения стилевой однородности текста. Разумеется, существование и дифференциация основных функциональных стилей подтверждаются не только современной научной теорией, но, что более ценно, реальной языковой практикой. Однако последовательный учет постулатов прагматики и теории дискурса при решении этих вопросов предоставляет возможность еще раз по-новому взглянуть на эти проблемы,

уточнить основные характеристики стилей, их сильные, дифференциальные и слабые признаки. Нарушение стилистической однородности текста может быть представлено в реальной речевой практике как неразличение, или абстрагирование, стилей, которая, в свою очередь, может быть естественной, объясняющейся плохим владением нормами литературного языка, и намеренной, осуществляющейся в форме имитации стиля или подмены одного стиля другим. Для фиксации в форме имитации стилей или подмены одного стиля другим. Для фиксации и изучения подобных явлений необходимо иметь: 1) номенклатурное описание дифференциальных признаков стиля на всех уровнях его проявления; 2) установление нейтральных стилистических элементов для всех стилей; 3) установление единиц, являющихся дифференциальными или нейтральными для группы родственных стилей. В настоящее время такое описание дано сделано, так как изучение языковых, речевых, жанровых и внутрижанровых стилистических форм активно велось в отечественной стилистике на протяжении второй половины XX в. и представлено в основных учебниках по стилистике, адресованных студентам вузов, множестве монографий и статей [см.: 11–18 и мн. др.]. В указанных работах довольно четко определены стили и их основные варианты, разновидности, обоснованы точные научные критерии выделения подстилей и жанров для каждого ОС, даны их узнаваемые характеристики, проводится межстилевое и внутрителилевое сопоставление.

Было бы заблуждением представлять, что номенклатура языковых и речевых средств каждого функционального стиля какого-либо языка строго индивидуальна. В реальных описаниях мы находим не только стилистически показательные и межстилевые единицы, но и совпадающие по форме элементы различных функциональных стилей, которые не являются функционально тождественными, а различаются ролью и местом в их системах. В учебниках по стилистике постоянно отмечается, что для каждого стиля характерен свой отбор лексики для определенного жанра, использование в высокой концентрации определенных лексем или тематических групп, их частотность и специфическая сочетаемость. На основе подобных представлений часто делаются не совсем адекватные выводы о характере использования языковых единиц в текстах различных стилей. В реальной же языковой практике мы постоянно сталкиваемся с межстилевым взаимодействием и взаимопроникновением, которое обусловлено и перлюстрируемыми целями говорения, и коммуникативно-смысловыми качествами самого текста.

Наиболее ярко воспринимается взаимодействие контрастных языковых стилей, например, научного и разговорной речи, официально-делового и метафорического языка художественной литературы, которые, однако, в реальной речевой практике встречаются крайне редко. Гораздо чаще мы сталкиваемся с взаимовлиянием очевидно менее контрастных научного и официально-делового стилей, или научного и публицистического стилей в использовании предоставляемых языком лексических и грамматических ресурсов, что обуславливает существование определенных трудностей для квалификации

многочисленных явлений в этих стилях. Строгие сферы языка (научный, официально-деловой, публицистический стили) и нестрогие сферы (разговорная речь, художественная речь) по-разному соблюдают правила построения текста, дифференцированно относятся к нарушению этих правил.

Диакронические описания функциональных стилей позволяют говорить о том, что в своем развитии стили часто взаимодействуют, что в определенных ситуациях является стимулом для внутрителивского развития. Официально-деловой стиль подвержен изменениям в наименьшей степени, так как сохранение канона закреплено в данном случае формализацией авторской формы и клишированностью сочетаемых возможностей лексем. В других сферах языка отступления от канона, целесообразны или нет, возможны в различной степени, так как сама динамика развития литературных языков постоянно связывается со стремлением обновления жанровых, регулятивных и эмоционально-экспрессивных канонов. Существование определенного канона подтверждается именно тем, что в текстах того или иного стиля всегда легко различимы неканонические элементы. Научный стиль в этом отношении занимает промежуточное положение между деловой прозой и публицистикой.

Каждый функциональный стиль языка располагает своими категориями и нормами ясности, красоты, точности, уместности и богатства, которые находят вербальное выражение в соответствии с законами свойственных ему жанров. Важнейшие причины стилового взаимодействия нам предстоит выявить в ходе настоящего исследования, но уже сейчас можно предположить, что одним из стимулов взаимодействия на уровне стиля и жанра является стремление к выразительности, к авторизации текста в соответствии с дискурсивными нормами, к выражению авторской оценки и позиции, которые выступают как основные в стилистической синонимике и основываются на фактах стилового закрепленности маркированных синонимических средств языка. Так, например, научная терминология часто проникает в художественный стиль как через газетно-журнальную публицистику, так и из профессиональной речи, которая представлена в текстах, посвященных людям науки и результатам научной деятельности. В последние десятилетия появился и усиливается научный интерес к изучению проникновения актуальных метафор и других тропов в научную прозу (см. исследование «Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.», М., 1986. Т. 2).

Стиль речи, как это не раз отмечалось в различных исследованиях, есть приспособление содержательных и выразительных средств языка к нормам, правилам поведения в определенной сфере общения, условиям конкретной речевой ситуации и целях оптимизации коммуникации. Однако именно эта тенденция требует не только консервации стилистической номенклатуры, но и обуславливает ее постепенное обновление, которое максимально представлено в таком стиле, как публицистика, и более сдержанно наблюдается в научной речи, и практически незаметно, но все-таки

имеется, в деловой речи. Все это позволяет констатировать, что стили речи находятся в постоянной динамике, следствием которой признается и изменение стилистических средств языка. Именно поэтому группы жанров, например, научного стиля (дискуссия, текст научно-учебного подтекста) могут включать отдельные топика других стилиевых разновидностей, а в устной разговорной разновидности могут включаться элементы письменной речи – научного или официально-делового стилей. Такое смешение изложения конкретного текста в совокупности с его жанровыми характеристиками. Однако такое возможно лишь при условии, если отдельные элементы содержательной структуры и композиции данного высказывания определенным образом должны быть маркированы, значимы, соотносимы с правилами речевого поведения данного языкового коллектива.

Механизм же данного смешения можно рассматривать следующим образом: помещенная в несвойственный ей контекст стилистически маркированная единица сигнализирует об изменении стилиевого регистра в условиях коммуникации, если данное высказывание является устным, или об определенных изменениях в содержательной структуре, если оно является письменным. Так как каждый из функциональных стилей обладает своим особым, специфическим способом представления содержания, манерой развертывания пропозиций, модальным регистром, то и средства этих стилей различны, следовательно, в них по-разному проявляются семантически значимые текстообразующие средства языка, в том числе и выразительные. И в этой ситуации встает вопрос о стилиевой однородности текста, которая по-разному проявляется на различных уровнях его бытования: коммуникативно-прагматическом, композиционно-речевом, языковом.

Литература

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; пер. с фр. – М., 1955.
2. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с фр. – М., 1961.
3. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики / В. В. Виноградов. – М., 1981. – 320 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений: в 5 т. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М., 1996. – С. 159–206.
6. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // *Жанры речи*. – Саратов, 1997. – С. 88–98.
7. Федосюк, М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: путешествие, убеждение, «уступоры» / М. Ю. Федосюк // *Русская разговорная речь как явление городской культуры*. – Екатеринбург, 1996. – С. 73–94.
8. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // *Вопросы языкознания*. – 1997. – № 5. – С. 102–120.

9. Деминский, В. В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В. В. Деминский, К. Ф. Седов. – Саратов, 1998.
10. Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. – Тарту, 1981. – Вып. 567. Текст в тексте (Труды по знаковым системам XIV). – С. 3–17.
11. Винограду, Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винограду. – М., 1980.
12. Шмелева, Т. В. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы) / Т. В. Шмелева. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
13. Баженова, Е. А. Специфика смысловой структуры научного текста и его композиция / Е. А. Баженова // *Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.* – Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). – М., 1996. – С. 158–235.
14. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Саратов, 1990. – 168 с.
15. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М., 1983. – 271 с.
16. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь, 1986. – 91 с.
17. Кожина, М. Н. Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте / М. Н. Кожина // *Stilistika*, 1. – Opole, 1992. – С. 114–118.
18. Копорова, М. П. Некоторые функционально-семантические категории научного текста / М. П. Копорова // *Разновидности текста в функционально-смысловом аспекте*. – Пермь, 1994. – С. 35–41.
19. *Очерки истории русского литературного языка XVI–XX вв.* – Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь, 1998. – 396 с.

Й.Г. ГАМАНН В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТОГРАФИИ

Л.С. Аликаева-Жужуева

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик

Личность и творчество Йоганна Георга Гаманна (1730–1788), выдающегося германского философа языка, остаются заметной темой в европейской лингвистической историографии. Можно полагать, что интерес к этому ученому среди философов, лингвистов, теологов, литературоведов Германии практически не прерывался в течение всего периода после его кончины. Многочисленные монографии (см. напр. [5; 7; 17; 20;]), статьи [1; 6; 21;], в том числе на японском, итальянском, русском, испанском и других языках, и рецензии [11; 12; 16], переиздания его трудов [8; 13; 14; 15], проходящие с 1976 г. colloquia в его честь (очередной из которых состоится в 2010 г. в Галле, ФРГ) свидетельствуют о том, что последнее слово в метаисторическом осмыслении духовного наследия Гаманна еще не сказано.

Подобный исследовательский интерес объяснить несложно. Никто из авторов, сколь-либо серьезно изучавших деятельность и работы Гаманна, не ставит под сомнение то огромное влияние, которое он оказал на таких мыслителей в философии и языкознании, как И. Кант (1724–1804), Й.Г. фон Гер-

дер (1744–1803), С. Кьеркегор (1813–1855), В. Дильтей (1833–1911), М. Бубер (1878–1965), К. Ясперс (1883–1969). Классическим стало в современном труде «самой светлой головой нашего времени». Труды Гаманна впечатляют Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831). Гаманна причисляют к видным деятелям Конгресса Просвещения, считают главным вдохновителем движения Бури и Янгинга, лютеранином-пиеетистом, другом Канта, автором зачастую провокационных памфлетов, изобиловавших остроумными замечаниями. В числе вдохновителей Гаманна чаще всего упоминается Д. Юм (1711–1776), правда, с оговоркой, касающейся того, что Гаманн как верующий христианин никогда не согласился бы с атеистическим учением Юма, но прибегал к его скептицизму, а особенности в отношении оценки возможностей человеческого разума. Гаманна также часто характеризуют как академического аутсайзера, поскольку он никогда не занимал ни профессорской, ни духовной должности. Поскольку, что отчасти виной тому было врожденное нарушение речи.

Основными областями интересов для Гаманна были язык, познание и самопознание, природа человеческой личности, сексуальность, отношение человека к Богу. Поводом для размышлений на ту или иную тему для Гаманна часто становились публикации современников, на которые он давал едкие, иной раз пародийные рецензии. В них он обыгрывал терминологию и стиль изложения рецензируемого автора и насыщал их тонкими аллюзиями, намеками, риторическими фигурами. Свои работы Гаманн нередко подписывал разнообразными, весьма вычурными псевдонимами – Аристоклуб, Рыцарь Розенкрейцер, Адельгунда, Сивилла, Северный Мис, Экс-Мандарин Мьен-Ма-Гоам и другими. Эти псевдонимы позволили ему, очевидно, еще более успешно пародировать аргументы своих оппонентов и доводить их до нужного Гаманну абсурда. Все эти обстоятельства объясняют те невероятные сложности, с которыми связаны интерпретации и самое понимание его работ, и то обилие публикаций, первая из которых, по всей вероятности, относится к 1812 г. [19].

В научной литературе можно встретить суждение, что для Гаманна каждая публикация представляла собой ристалище, на котором он состязался с читателем, испытывая глубину его интуиции. Такая позиция была избрана Гаманном заведомо и осознанно, поскольку, как он полагал, «писатель, который спешит быть понятым ныне или завтра, рискует быть неверно понятым послезавтра». Именно Гаманна можно считать создателем термина «метакритика», который отражает весь стиль его размышлений с опорой на мнение оппонента (во всяком случае, Гердера, которому иногда приписывают авторство этого термина, использовал его впервые в 1799 г., между тем как в манускриптах Гаманна он фигурирует как минимум на двадцать лет раньше). Считая себя своего рода защитником философии, в конце жизни Гаманн собирался опубликовать собрание своих сочинений под названием «Целебные водные процедуры», одновременно намекая на профес-

сию своего отца, а каждый том должен был носить название «Лохань». Но этот проект так и не был реализован.

Важное качество, отличающее стиль мышления и научного творчества Гаманна, – это стремление объединить рассуждения о совершенно разных предметах (Боге, познании, человеческой сексуальности и т.п.) в единый контекст, который, правда, трудно назвать системой взглядов. Гаманн неоднократно подчеркивает калейдоскопичность человеческого мышления и знания, настаивает на существовании массы противоположностей, противоречий в них, анализирует персонафикацию («просопопею»), чтобы разобраться в них. Немаловажную очищающую роль должен играть в этом процессе язык, поскольку именно на нем основаны разум и философия, он способен примирить эстетическое и логическое начала человека. Язык выступает как посредник между Богом и человеком, обладает «генеалогическим приоритетом» перед разумом и мышлением.

В отечественной науке первым автором, посвятившим свои размышления религиозной философии Гаманна, был В.А. Кожевников [2]. В современной науке о языке первым ученым, который обратился к Гаманну в контексте европейской лингвофилософской парадигмы XVIII в., можно считать О.А. Радченко [4]. Впоследствии большой вклад в изучение творчества Гаманна внесли В.Х. Гильманов, издавший в том числе переводы некоторых работ Гаманна на русский язык [1], и А.Н. Макаров [3]. Тем не менее, и персоналия И.Г. Гаманна, и сложность и неоднозначность интерпретации его идей, и обширная палитра взглядов на самые разные обстоятельства жизни человека и влияния языка на все сферы человеческой деятельности обуславливают непрекращающийся интерес к нему в философии языка нового тысячелетия и требуют продолжения научного поиска в этой весьма непростой, но чрезвычайно существенной для лингвисториографии, философии языка, всего теоретического языкознания области.

Исследователи Гаманна считают его жизнь одним из проявлений той таинственности, с которой всегда связывают его имя и творчество. Несмотря на то что существует несколько довольно подробных жизнеописаний Гаманна [9; 10; 18 и др.], а также на то что сам он оставил автобиографические заметки об одном из периодов своей жизни, многие обстоятельства ее до сих пор неясны и продолжают волновать исследователей.

Иоганн Георг Гаманн родился 27 августа 1730 г. в Кёнигсберге. Он был первенцем в семье цирюльника и лекаря Иоганна Кристофа Гаманна (1697–1766) и акушерки Марии Магдалены (урожденной Нупенау). Его дядя по отцовской линии был священником, дядя и полный тезка Иоганн Георг Гаманн (1697–1733) – литератором, автором духовных песнопений, лексикографического лексикона и продолжателем «Азиатской вавилонии» Циглера.

В детстве Гаманн учился играть на лютне, брал уроки у Тимофея Белострадского (1710–1782) – знаменитого украинского виртуоза, ученика Сильвестра Леопольда Вайса, который в тот момент жил в Кёнигсберге.

В возрасте 16 лет Гаманн поступает в Кёнигсбергский университет имени Альберта для изучения права и основ государственности, однако гораздо большей степени интересуется филологией, языками, математикой и естественными науками. Другими его становятся Иоганн Кристоф Беренс (1729–1792) (отпрыск богатой рижской семьи, в 1749–1753 гг. учился в Геттингенском университете, затем путешествовал по Германии, Голландии и Франции, знакомился повсюду со знаменитыми литераторами) и Иоганн Готтхельф Линднер (1729–1776), который в 1750 г. стал магистром и приват-доцентом Кёнигсбергского университета, затем был директором школы в Риге, в 1764 г. получил профессию по поэтическому искусству в Кёнигсбергском университете, с 1772 г. – проповедник Кёнигсбергского собора, в 1773 г. получил в Кёнигсберге степень доктора теолог. С этими друзьями он издает еженедельных «Дафна». На образ мыслей Гаманна наибольшее влияние оказывают идеи Д. Юма.

Не закончив университет, Гаманн отправляется в 1752 г. в имение в Лифляндии на заработки в качестве домашнего учителя, затем работает в доме генерала фон Виттена в имении Грюнхоф в Курляндии. Там он продолжает свои изыскания в области философии и экономики, читает английскую и французскую литературу. По заказу Беренса он переводит трактат по торговой политике.

В 1756 г. Гаманн принимает предложение стать сотрудником торговой фирмы Беренса в Риге. Ему поручается важная коммерческая миссия в Лондоне, куда он прибывает в сентябре 1757 г. после длительной поездки через Кенигсберг, Берлин (где он встречается с известным философом Моисеем Мендельсоном (1729–1786) и швейцарским математиком, физиком и философом Иоганном Георгом Зульцером (1720–1779)), Любек и Роттердам. Миссия Гаманна оказывается крайне неудачной, но он остается в Лондоне еще на год, живя некоторое время на широкую ногу и, очевидно, тратя средства, выделенные ему Беренсом. Когда эти средства заканчиваются, Гаманну приходится сидеть на хлебе и воде. Единственное занятие, доступное ему в этот момент, – чтение книг, приобретенных в большом количестве в период безработной жизни.

Этот год в Лондоне отмечен решительным поворотом в жизни Гаманна в сторону христианства (март 1758 г.), связан с изучением текста Библии и в значительной степени отражен в его манускриптах того периода: «Библейских наблюдениях одного христианина», «Мыслях о моей биографии» и «Обрывках». Эти работы были опубликованы лишь после смерти Гаманна.

Летом 1758 г. Гаманн возвращается в Ригу, где, по всей видимости, его долговые проблемы улаживаются. Но его отношения с И.К. Беренсом переживают кризис, связанный, по всей вероятности, с тем, что Беренс отказался отдать в жены Гаманну свою сестру Катарину (декабрь 1758 г.). Причиной этого отказа, как считается, послужило религиозное обращение Гаманна, которое Беренс как активный сторонник Просвещения не мог одобрить.

В январе 1759 г. Гаманн возвращается в Кёнигсберг и продолжает изучение Библии, трудов Мартина Лютера, мировой литературы, занимается писательскими трудами. Уже летом того же года вслед за ним в Кёнигсберг приезжает Беренс, стремившийся вернуть Гаманна в лагерь сторонников Просвещения. В союзники для этого он пытается привлечь самого И. Канта. В качестве ответа на эти попытки Гаманн публикует свою первую серьезную работу – «Сократические мемуары». С этого момента и до 1762 г. он издает целый ряд небольших по объему, но чрезвычайно важных работ, в том числе – «Краткий очерк эстетики». В 1762 г. некоторые из этих работ публикуются в сборнике «Крестовые походы одного фисколога», а затем в свет выходят «Писатель и художественный критик» и «Читатель и художественный критик», в которых Гаманн производит метакритический анализ работ, вышедших в Германии на волне критики «Новой Элоизы» Ж.Ж. Руссо (1712–1778).

Гаманн сотрудничает с кёнигсбергскими газетами, изучает древнегреческий, древнееврейский и арабский, труды Мартина Лютера (1483–1546) и Иоганна Альбрехта Бенгеля (1687–1752), известного протестантского философа-пнетиаста. Одновременно он активно вовлекается в современные ему литературные и философские дискуссии, публикуя полемические работы.

Некоторые изменения происходят и в личной жизни Гаманна – он влюбляется в Анну-Резину Шумахер, которая работает в то время служанкой в доме его отца. В тот же период завязывается и его дружба с И.Г. Гердером, которого Гаманн знакомит с английской литературой и языком. Чтобы обеспечить себе какой-либо источник для существования, Гаманн пытается устроиться в магистрат и в салату по военным и земельным делам.

В 1764 г. Гаманн покидает Кёнигсберг, получив приглашение от Фридриха Карла фон Мозера, премьер-министра герцога Гессен-Дармштадтского, занять должность воспитателя при дворе во Франкфурте-на Майне. Однако Гаманн не застает Мозера, уехавшего в заграничное путешествие, и отправляется в Берлин, где в доме М. Мендельсона знакомится с писателем и книгоиздателем Кристофом Фридрихом Николем (1733–1811). Когда Гаманн, наконец, возвращается в Кёнигсберг, он узнает, что в то же время из Кёнигсберга в Ригу уезжает Гердер. Пытаясь все же найти какой-то заработок, Гаманн отправляется в 1765 г. в Митау, чтобы занять должность секретаря у адвоката Тотмена, однако и это путешествие заканчивается безрезультатно. Он посещает Варшаву, вновь встречается с Гердером. В период его отсутствия в сентябре 1766 г. умирает его отец.

В январе 1767 г. Гаманн вновь возвращается в Кёнигсберг. Благодаря ходатайствам Канта, он получает должность переводчика в прусском таможенном управлении. Он становится, таким образом, государственным служащим Фридриха Великого, к личности которого он не испытывает никаких симпатий. Помимо забот о собственном благополучии, Гаманн ухаживает за душевнобольным братом вплоть до его смерти летом 1768 г. Он вступает в гражданский брак с женой сиделкой своего отца Анной Регн-

ной Шумахер, простой неграмотной крестьянкой, и 29 сентября 1769 г. у них появляется первый из четверых детей. Финансовое положение Гамана было практически постоянно крайне отчаянным, ему приходилось зарабатывать переводами с английского языка, статьями в газетах. Одновременно он пишет и несколько работ на французском языке.

Расстроившись было в результате философских и литературных расхождений отношения с Гердером налаживаются в 1772–1775 гг. В 1777 г. Гаман получает повышение – должность заведующего городским пакуаузом. В этот период он наиболее активно отвечает на публикации Гердера: в ответ на курсовое сочинение Гердера «Об истоках языка» Гаман публикует «Последнее волеизъявление Рашера Розенкрейтера по поводу божественного и человеческого происхождения языка», а после выхода гердерова «Дремельного свидетельства рода человеческого» он пишет рецензию на нее. В этот момент близок к нему поэт и журналист Матвас Клаудиаус (1740–1815) и швейцарский поэт Иоганн Каспар Лафатер (1741–1801).

В 1775–1779 гг. Гаман полемизирует со Штарком, сторонником Просвещения, масоном и криптокатоликом, в своих работах «Письма перофанта» и «Консонансы». Полемика носит религиозно-философский характер и затрагивает вопросы происхождения и сущности христианской веры. Штарк выступает в этой дискуссии и как личный исповедник Гамана. Весьма примечательной можно считать еще одну работу этого периода – «Опыт Сивиллы о браке», поскольку она касалась гендерной проблематики, весьма новой для XVIII столетия.

В 1784 г. Гаман завершает «Метафизику касательно пуризма чистого разума» – ответ на кантову «Критику чистого разума». Эта крайне важна для понимания философских позиций Гамана работа была опубликована гораздо позже – в 1800 г. Гаман обращается и к проблемам иудаизма, пишет «Голгофу и Шебалинню» в ответ на работу Мендельсона «Иерусалим, или о власти религии и иудаизма». Он дружит с известным философом Фридрихом Генрихом Якоби (1743–1819) и молодым почитателем его работ Францем Каспаром Буххольцем. Последний пишет Гаману летом 1784 г. письмо с просьбой усыновить его. Узнав из ответного письма о плачевном положении семьи Гамана, Буххольц присылает ему «якобский подарок» и назначает большое денежное пособие для воспитания детей, оказывает ему финансовую помощь. Через Буххольца Гаман устанавливает контакты с мюнстерским кружком католически-княгини Амалии Гольдшней (1748–1806), публикует «Обнажение и преображение. Открытое письмо известному Никому».

По настоянию своих новых друзей, приглашавших его приехать в Мюнстер, Гаман хлопочет об отпуске, однако получает увольнение и небольшое пособие. 21 июня 1787 г. он отправляется со своим сыном Михаэлем в давно запланированное путешествие в Вестфалию, на встречу с Ф.Г. Якоби, Буххольцем и княгиней Гольдшней, и прибывает в Мюнстер в середине июля

конечно большим. Гаман лечится в Пемпельфорте, имени своего друга Якоби, с середины августа до октября 1787 г., однако его состояние ухудшается. Переживая в имени Буххольца Вельбергене, он просится весной 1788 г. в Мюнстер, а затем решает вернуться в Кёнигсберг через Веймар. Накануне отъезда 21 июня 1788 г. Гаман умирает, его хоронят в саду имени княгини Гольдшней, а позднее – на одном из городских кладбищ Мюнстера (Pöbgenasser-Friedhof).

Биография «Северного мага» Й.Г. Гамана – чрезвычайно оригинального и парадоксального мыслителя – позволяет представить себе масштаб этой удивительной личности, которая притягивала к себе множество ярких и талантливых современников. Знание деталей жизни, восстановление как можно более точного портрета Й.Г. Гамана должны стать первым шагом в постижении особенностей лингвофилософской концепции этого замечательного ученого.

Литература

1. Гильманов, В. Х. Гаман и «проклятый адрес» Ф.Г. Якоби / В. Х. Гильманов // Гельские чтения 2004–2006. – М., 2007. – С. 200–217.
2. Кожеников, В. А. Философия чувства и веры в ее отношении к литературе и религиозному XVIII века и к критической философии / В. А. Кожеников. – М., 1897.
3. Макаров, А. Н. Гаман и чувство во второй половине XVIII в. / А. Н. Макаров // Вопросы романто-германской филологии: сборник научных трудов / отв. ред. проф. В. Н. Овчинко. – Киров: Вятский государственный гуманитарный университет, 2004. – Вып. 3. – С. 45–50.
4. Радченко, О. А. Язык как мироздание. Лингвофилософская концепция неструктурализма / О. А. Радченко. – М.: Метагекст, 1997.
5. Bayer, O. Rede, dass ich dich sehe! Wortwechsel mit J.G. Hamann. Hrg. v. Susanne Schulte / O. Bayer. – Aachen, 2007.
6. Betz, J. R. Hamann before Kierkegaard / J. R. Betz // Pro ecclesia. – 2007. – № 16. – S. 299–333.
7. Brose, T. Johann Georg Hamann und David Hume: Metaphysikkritik und Glaube im Spannungsfeld der Aufklärung / T. Brose. – Frankfurt a. M., 2006.
8. Daphne. Nachdruck der von Johann Georg Hamann, Johann Gotthelf Linder u.a. herausgegebenen Königsberger Zeitschrift (1749–1750). Mit einem Nachwort von Joseph Kohlen. – Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1991.
9. Ernst, P. Hamann und Bengel. Ein Aufruf ihrer Werks- und Lebensbeziehungen als Abriss wesentlicher Hamann-Züge. Diss. – Königsberg: Gumbinnen, 1935.
10. Gajek, B. Johann Georg Hamann / B. Gajek // Deutsche Dichter des 18. Jahrhunderts. Ihr Leben und Werk. Hg. von Benno von Wiese. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1977. – S. 276–299.
11. Gajek, B. Rezension zum Nachdruck der Hamannausgabe durch Brockhaus / Willi / B. Gajek // Germanistik. – 2000. – № 41. – S. 150–151.
12. Graubner, H. Rezension von Harlebusch, Klaus: Klopstock, Hamann und Herder als Wegbereiter autorzentrischen Schreibens, ein philologischer Beitrag zur Charakterisierung der literarischen Moderne / H. Graubner // Göttingische gelehrte Anzeigen. – 2003. – № 255. – S. 93–104.
13. Hamann, J. G. Aesthetica in nuce. Mit vierzehn Radierungen von Sebastian Hennig / J. G. Hamann. – Dresden: Edition Saubo, 1997.
14. Hamann, J. G. Ausgewählte Schriften. Herausgegeben von Hans Eichner / J. G. Hamann. – Berlin: Nicolai, 1994.

15. Hamann, J. G. Briefwechsel (1751–1788). Lexikologisches System und Kosmologien auf CD-ROM mit Thesaurus / J. G. Hamann. – Bd. 1. Lexikologisches System. Hg. v. Angelo Pupi. Vorwort v. Roberto Busa SJ. Bearbeitungen von Chiara Colombo und Maria Silvia Leo S. Olschki Editore. – Firenze, 2001.
16. Hoffmann, Th. S. «Hamann Miscellanea». Rezension von: Bayer, Oswald. *Versuch in Sprache: Hamanns Metakritik*. Kants, Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 2001 / Th. S. Hoffmann // *Göttingische gelehrte Anzeigen*. – 2003. – Bd. 34. – S. 270–293.
17. Marienberg, S. *Zeichenhandeln: Sprachdenken bei Giambattista Vico und Johann Georg Hamann* / S. Marienberg. – Tübingen, 2006.
18. O'Flaherty, J. *Johann Georg Hamann: Einführung in sein Leben und Werk*. Aus d. Engl. von Wenzel Peters / J. O'Flaherty. – Frankfurt a. M. (u.a.): Lang, 1989.
19. Reichardt, J. F. Kant und Hamann / J. F. Reichardt // *Urania, Taschenbuch für Damen auf das Jahr*. – 1812. – S. 257–266.
20. Rudolph, A. *Figuren der Ähnlichkeit: Johann Georg Hamanns Analogiegeden im Kontext des 18. Jahrhunderts*. Tübingen, 2006.
21. Stänkel, K.-M. *Ästhetische Geologie. Die Frage nach der Wahrheit bei J. G. Hamann* / K.-M. Stänkel // *ZStH*. – 2007. – № 49. – S. 156–182.

ДИСКУРСИВНО-ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ В ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Л. В. Бронник

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Многие идеи постструктурализма оказали значительное влияние на развитие науки о языке. Особым смыслом постструктуралисты наделяют феномен дискурса. Постструктуралистское использование термина «дискурс» предполагает не только наблюдение за речевым поведением субъекта, но и погружение в мир знаков, символов, текстов и т.п. Как следствие, допускается дискурсивное бытие нашего опыта, конструируемого внутри дискурсивного пространства и проходящего сквозь него [5, p. 54].

Постструктуралистское видение дискурса радикально изменило подход к фундаментальным проблемам языкознания, среди которых взаимоотношения в антитеме «язык – речь» традиционно позиционируются как центральные. Разграничение двух ипостасей языка-объекта требует, в том числе, учета фактора статичности / динамичности, затрагивающего онтологическую сущность языка. Без обращения к вопросам движения языка во времени невозможно приблизиться к пониманию заложенных в нем противоречий, ведь язык (в широком смысле) одновременно и социален, и индивидуален, и абстрактен, и конкретен, и всеобщ, и единичен, и процесс, и результат и т.п.

Важно понимать, что до воплощения идеи о динамизме языка в дискурсивно-постструктуралистской парадигме знания временной план языка был прерогативой диахронического языкознания и рассматривался исключительно в исторической ретроспективе. Языковая динамика интерпрети-

ровалась строго в рамках сосюррианской дихотомии «синхрония – диахрония». Появление на лингвистической арене дискурса (в постструктуралистской версии) заставило языковедов пересмотреть некоторые постулаты своего научного наследия. В дополнение к принципу историзма, которым руководствовались при толковании языковых изменений, был сформулирован тезис о дискурсивной динамике языка. Язык подвижен не только в историческом плане, но и в режиме реального времени, воплощаясь в многообразных конкретно-индивидуальных актах речи. Вместе с тем динамическое понятие дискурса и статическое понятие языка не противоречат одно другому, а взаимодополнительны.

В историческом плане введение дискурса в предметное поле лингвистики связывают с именем французского ученого-структуралиста Э. Бенвениста. В его понимании дискурс тождествен речи, «присваиваемой говорением» [2, с. 139] и противопоставлен системе языка. «Предложение представляет собой неопределенную безграничную структуру, живую речь человека в действии – писал Э. Бенвенист. – Мы делаем вывод, что, оставляя предложение как элемент знаковой структуры языка, мы вступаем в иное языковое пространство, которое может рассматриваться как инструмент языковой коммуникации, выражение которой и есть дискурс» [2, с. 110]. Уточняя и развивая многие положения Ф. де Соссюра, Э. Бенвенист оформил свое оригинальное понимание речевой реальности, положившее начало повороту науки о языке в сторону дискурса, «эпохи ткани языка».

Становление дискурсивного направления возникло как критическая реакция на структуралистское игнорирование речи, представлявшейся чем-то системным и статичным. Поднимая речь (Ф. де Соссюр), употребление (Н. Хомский), дискурс (Э. Бенвенист) до уровня полноценного объекта исследования, дискурсивная парадигма прямо противоположна в этом смысле структурной лингвистике (в ее раннеклассическом варианте), признававшей «единицу» только языка как абстрактной статической системы знаков. Традиционный структурализм, в системе знаний которого доминировал принцип формализма, постепенно уступил место новым направлениям, ориентированным на понимание процессов речи. Объединяющим фактором стало осознание того, что языковые явления могут быть адекватно поняты и описаны только через изучение их конкретных речевых воплощений.

Как альтернатива формализму ведущую роль в современных лингвистических теориях играет функциональный подход к языку. Языковая форма в значительной мере формируется и объясняется функционированием в реальном времени, то есть дискурсом – вот то фундаментальное предположение, из которого исходит дискурсивно-ориентированный функционализм [4, с. 308]. Дискурс в этом случае отождествляется с языковой функцией в системе координат «здесь и сейчас». Функциональный подход к дискурсу, в противопоставлении своему формалистскому антиподу, сделав, на наш взгляд, большой шаг вперед к постижению языка в действии.

Для представителя лингвистического формализма дискурс ассоциируется, прежде всего, с формой, языковой структурой, принадлежащей более высокому, чем предложение, уровню языковой организации. В функциональной версии на первый план выдвигается функциональность дискурса – использование языка в различных, социальных, экспрессивных, референциальных и иных целях [6, р. 21, 26, 339].

Отсюда очевидна прямая связь функционирования дискурса с временным измерением языковой системы, акцентуация его динамической природы, ведь использование языка подразумевает его процессуальность (процесс, действие), а не статичность (устойчивое, неизменное состояние) характер. В структуралистской парадигме дискурс – это статичная иерархия компонентов. Считается, что структура предложения существует еще до высказывания, и в этом смысле вся работа по структурированию уже выполнена. В этом плане структурализм близок генеративной грамматике Н. Хомского. Постструктуралистский подход, напротив, сосредоточил свое внимание на различении дискурса во времени. Лингвистическая структура представляется не тотовой, фиксированной, пригодной для всех случаев общения, а динамичной, возникающей непосредственно в реальных условиях коммуникации. Следовательно, дискурс глазами постструктуралиста всегда погружен в некоторое социальное пространство. Структура дискурса появляется на коммуникативной сцене не как результат действия какого-то абстрактного априорного всеобщего принципа. Она разворачивается во времени, и происходит это каждый раз в режиме импровизации.

Примерно это же имел в виду В. Вильден, говоря о «заказе зры структурализма» [7, р. 596]. По его мнению, структуралистская стратегия, следующая синхронные факты языка как множество синтагматических и парадигматических отношений, не отвечает требованию времени. Как альтернатива им были инициированы исследования языка как сложной динамической системы, главными принципами которой являются самоорганизация и морфогенез. В подтверждение его слов приведем широко цитируемую биологическую аналогию, когда ортодоксальное структуралистское исследование языка уподобляется наблюдению за мертвой клеткой на стекле микроскопа в противоположность изучению клетки *in vivo*, как части живого организма.

Постструктуралистский образ изменчивого бытия дискурса сформировался под влиянием еще одной заметной тенденции – последовательного противопоставления дискурса как процесса языкового общения и текста как фиксированного результата дискурсивного действия. Движение это изначально возникло в рамках лингвистики текста и, в конечном итоге, привело к выделению дискурса-анализа в отдельное полноправное направление. В современной теории дискурса понятия дискурса и текста разделяет очень зыбкая, условная грань. Акцент смещается на их генетическое родство, и дискурс трактуется, например, как разновидность текста, «текст,

взятый в событийном аспекте» [1, с. 136]. Существует и прямо противоположная точка зрения, согласно которой дискурс значительно шире и глобальнее текста, являющего собой лишь одно из дискурсивных измерений [3, с. 28]. Важно, что независимо от подхода фактор времени сохраняет актуальность для принципиального разграничения динамичности дискурса и статичности текста.

Таким образом, дискурс в эпоху постструктурализма заключает в себе верты подожности, изменчивости, а в связи с этим – огромный потенциал коммуникативной креативности. Динамический характер дискурса наука о языке фиксирует рядом категориальных оппозиций, где ему противопоставляется некоторый статичный по своей сути антипод. Примерный перечень может выглядеть так:

- дискурс как реальный речевой процесс vs язык как абстрактная система;
- дискурс как функция vs язык как структура;
- дискурс как процесс порождения речи vs текст как результат этого процесса.

Итак, общее языкознание, сменяя структуралистские ориентиры на постструктуралистские, значительно продвинулось в понимании реальных процессов языкового общения. Наблюдения за фактами «живого» языка заставляют думать, что дискурс – это феномен динамического порядка. Как бы ни интерпретировали его суть, очевидным остается его объективное существование, и обязательным условием этого существования выступает протекательность во времени.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярэва. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 136–137.
2. Бешенетт, Э. Общая лингвистика / Э. Бешенетт; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Дамарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) / М. Я. Дамарский. – М.: Эдитория УРСС, 2001. – 293 с.
4. Кобрин, А. А. Функционализм / А. А. Кобрин, В. А. Плунгин // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кобрина, И. М. Кобриной, И. А. Скерской. – М.: УРСС, 2002. – С. 276–339.
5. Machigthen, P. Discourses of nature: argumentation and power / P. Machigthen // *Discourse Analytic Research: Repertoires and Readings of Texts in Action* / E. Burman, E. Parker (ed.). – London: Routledge, 1993. – P. 52–74.
6. Schiffrin, D. Approaches to discourse: Language as Social Interaction / D. Schiffrin. – Oxford: Blackwell Publishing, 1994. – 470 p.
7. Wildgen, W. Chaos, Fractals and Dissipative Structures in Language: Or the End of Linguistic Structuralism / W. Wildgen // *Systems, New Paradigms for the Human Sciences* / G. Altmann, W. A. Koch (ed.). – Berlin: de Gruyter, 1998. – P. 596–620.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ КАЛАМБУР КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Л.Н. Буланова

Институт экономики, управления и права, г. Казань

Происхождение слова «каламбур» ("calambour") не выяснено до конца. Его связывают с названием города Калемберга, с различными анекдотическими личностями. Существует также предположение, что слово произошло от итальянского выражения "calamo burlare" – «шутить пером» [4].

Каламбур представляет «игру слов, оборот речи, шутку, основанную на комическом обыгрывании звукового сходства слов или словосочетаний, имеющих разные значения» [3, с. 254].

Стилистическая цель каламбура понимается как создание комического эффекта, сосредоточения внимания читателя на определенном аспекте текста. Элементом, обеспечивающим успех каламбура, является непредсказуемость того или иного звена в цепи речи, так называемый эффект неожиданности, то есть читатель воспринимает два значения, одно из которых он явно не ожидал. Это объясняет, почему авторы так охотно кладут в основу каламбуров фразеологизмы.

Фразеологический каламбур (фразеологическая игра слов, двойная актуализация, дефразеологизация, phraseological rip) как вид трансформации представляет особый интерес. Стилистический эффект, достигаемый при использовании данного вида преобразования, лежит в столкновении и обыгрывании переносного значения ФЕ и значения соответствующего ей свободного словосочетания, причем достигается параллельное восприятие как фразеологического значения, так и прямого значения компонента (двойная актуализация). А. Начисичоне отмечает, что возникающая в данном случае семантическая двуплановость способствует двойному восприятию ФЕ [2]. Контекст, благодаря которому становится возможным семантическое преобразование фразеологизма, Е.Ф. Арсентьева определяет как «стилистический актуализатор» [1, с. 76].

Интересно использование ФЕ "hold a person in the hollow of one's hand", поскольку в предложении лексический компонент "hand" принимает буквального значения. Обыгрывание ФЕ происходит через употребление данного слова в прямом значении с введением в предложение прилагательных "beautiful" и "not so small".

But you haven't told me what means much more to you than both of them put together – your feeling that you hold him in the hollow of that beautiful but not so small hand of yours (ФЕ "to hold a person in the hollow of one's hand") (W. Maugham. Razor's Edge).

– Как же привезешь! Девиска-то будто сказал: «Нет, батя, камитое в тебе сердце, а то, что от камина откатилось, назад не приставишь» (ФЕ «камитое сердце») (Г. Марков. Строговы).

Лингвистическое обыгрывание буквального и переносного значений ФЕ являются, по мнению Е.Ф. Арсентьевой, «логическим приемом контекстуального механизма творческого использования языка» [1, с. 76].

В романе "Pebbles in the Tide" автор Элизабет Хилл прибегает к помощи ФЕ "burn one's boats" – «отрезать путь к отступлению» (мор. – «сжечь корабли, высаживаясь на вражеские земли»), чтобы показать глубину переживаний Юды Варху за свою дочь Дженни. Используя данную ФЕ, автор хочет показать, как глупо поступил Ричард, бросив свою единственную любовь ради мимолетного увлечения. Об этом свидетельствует вторая часть предложения: *«Корабли, которые он никогда не сможет заново построить: Well, 'tis done, he said. He's burnt his boats now, my love, boats of a kind he can't rebuild. Perhaps 'tis just as well, Jenny»* (E. Hill. Pebbles in the Tide).

Актуализирующим компонентом контекста в данном примере выступает лексический компонент "boats", то есть это компонент, соотносящийся с ФЕ и усиливающий метафорический образ, заложенный в ней. Дополнительная информация "of a kind he can't rebuild" играет большую роль в интерпретации метафоры. Двойная актуализация переносного и прямого значения лексического компонента "boat" приводит к усилению коннотативных компонентов ФЕ, передающих неодобрение, отрицательную оценку и презрение говорящего. Неожиданное использование переменного прото-типа ФЕ создает значительный стилистический эффект.

В приведенных ниже примерах двойная актуализация используется без повторного упоминания компонентов ФЕ. Обыгрывание прямого образа заключается в одной фразе, где каждый должен работать в команде для достижения общей цели, происходит при помощи актуализации лексического компонента "pull together" («работать дружно»): *Phillip Lombard said quickly and angrily to Blare: "What's the sense of making yourself offensive? We're all in the same boat. We've got to pull together..."* (A. Christie. Ten Little Niggers).

В данном примере ФЕ "be in the same boat" передает не столько действие, сколько особое отношение героя к сообщаемому. Употребление конструкции "What's the sense...?" способствует появлению коннотативной оценки неодобрительности.

But her father had watched men with much less talent and dedication climb past him on the promotional ladder for most of his career (G. Iles. True evil).

В приведенном выше примере автор обыгрывает семантическую двуплановость выражения "climb the ladder" – «взбираться по карьерной лестнице» – с помощью другого приема контекстуальной трансформации, а именно включения компонентов "past him on promotional ladder". Появление эмисемы иронии способствует использованию ФЕ "climb the ladder" с нейтральной

оценочностью по отношению к нечестоплотности и шустрости менее талантливых и способных людей в вопросах налаживания своей карьеры.

В следующем примере, наряду с двойной актуализацией, наблюдается также замена компонента. Актуализирующим компонентом выступает слово "sail", обыгрывающее прямое и переносное значение ФЕ, тем самым придавая высказыванию красочность и экспрессивность: *I've envied certain people, too, the great majority of my colleagues whose sole mission in life is to attain the goal of mediocrity. They sail into a safe harbor, button up and conveniently and quietly sort their paper clips, avoiding responsibility and decisions* (L. Uris, Toraz).

Двойная актуализация встречается также и в русском языке: *Поскольку в оставленных экипажах стояли нарядные женщины. Только вахта валам к Нсаакмской площадке, разливалась по ней, лезла через решетку своера* (А. Толстой. Ходжение по мукам).

Через мост валам вадани беженцы. Сатеры до последней минуты выжидали, когда прекратится их неудержимый поток (М. Бубеннов. Белая береза).

В данных примерах актуализирующими компонентами контекста выступают компоненты «разливалась» и «неудержимый поток», которые соотносятся с ФЕ «валом валить». Компонент «вал» представляет очень высокую волну. Актуализирующие компоненты в данных примерах дают описательную характеристику волны.

В следующем примере двойная актуализация сочетается с приемом добавления компонента: *Я воспользовался способностями Нюго, чтобы войти в чужой дом, алез в чужую папача, чтобы продлить свое пребывание там... а теперь просто плыву по течению.*

И надеюсь, что река вынесет меня туда, куда надо (С. Лукьяненко. Ночной дозор).

Таким образом, игра слов или фразеологический каламбур часто используется для достижения максимально точного описания драматичности или комичности ситуации.

Литература

1. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология и фразеогрфия в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : Казанский государственный университет, 2006. – 172 с.
2. Nascione, A. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics / A. Nascione. – Riga : Latvian Academy of Culture, 2001. – 283 p.
3. Зезович, Е. С. Словарь иностранных слов и выражений / Е. С. Зезович. – М.: АСТ, 2004. – 778 с.
4. Литературная энциклопедия : в 11 т. – М., 1929–1939. Т. 5. – М., 1931.

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

С.С. Джуманова, Н.Б. Шербакова
Астраханский государственный университет

Слово «лексикография» происходит от греческого *lexikos* – «относящийся к слову, словарный» – и *grapho* – «пишу». Следовательно, слово «лексикография» означает «пишу слова», или «пишу словарь». В современном значении лексикография – это теория и практика составления словарей, главным образом языковых, лингвистических, в отличие от неязыковых, энциклопедических.

Лексикография, являясь прикладной лингвистической дисциплиной, занимается практикой и теорией составления словарей. Как научная дисциплина лексикография носит комплексный характер, но ее определяющей чертой является именно прикладная направленность. Создание словарей и их востребованность – один из основных и важнейших показателей культуры народа, который во многом обуславливается конкретными культурно-историческими условиями, развитием «философской, политической, религиозной, научно-технической мысли этноса-носителя, описываемого в словаре языка» [3, с. 17]. Исходя из целевой установки словаря, все многообразие различных типов словарей (нормативные, учебные, переводные, терминологические, идеологические, этимологические) имеет практическую направленность.

Стремительное развитие практической лексикографии, которое наблюдается в последние десятилетия в целом ряде стран, обусловлено влиянием таких факторов, как научно-технический прогресс и информационный «бум», растущее взаимодействие в области гуманитарных наук, использование некоторых языков в качестве инструмента международного общения, научное описание и нормализация языка, повышение культуры речи. В свою очередь, все эти факторы повлекли за собой и развитие интереса к теории и практике составления словарей. Также наблюдается тенденция к увеличению социальной значимости словарей: ведь словари не только систематизируют и фиксируют совокупность знаний, которыми обладает общество на данный период времени, но и служат надежным инструментарием современного научного познания.

В последнее время лексикография становится одной из самых интенсивно развивающихся и меняющихся отраслей языкознания: «В XX в., особенно во второй его половине, началась глубокая реформа лексикографии, которая разворачивается с нарастающей силой...» [1, с. 123]. В первую очередь такая реформа является результатом пересмотра взглядов на практическое предназначение словаря и его роль в современном обществе, а также взаимодействия лексикографии с другими областями языкознания.

Еще совсем недавно отдаленность лексикографии от других языковых наук отмечалась многими лингвистами. В своей диссертационной работе Ю.В. Вишнякова приводит слова Л.В. Щербы о том, что лексикографическое описание языковых единиц происходило на интуитивном уровне: «...вообще словарная работа... требует особо тонкого восприятия языка, требует, я сказал бы, совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию» [2, с. 25].

Современная лексикография оформилась в самостоятельную междисциплинарную науку. Необходимо различать объект лексикографии (система языка во всем ее разнообразии и многоаспектности: лексико-семантическая, морфологическая, фонологическая системы, фразеологическая, словообразовательная подсистемы) и ее предмет (теоретическая и практическая сторона составления словарей). Увеличивается количество и улучшается качество словарей. Совершенствуются специальные методы и метаязык лексикографии.

Как и любая другая наука, лексикография имеет две стороны: научно-теоретическую и практически-прикладную. Научно-теоретическая лексикография рассматривает общие теоретические проблемы и разрабатывает пути их решения. Практическая лексикография занимается непосредственно составлением словарей различных типов на базе теоретических решений основных проблем. Несомненно, деление лексикографии на две части в высшей степени условно. Эти два аспекта лексикографии рассматриваются параллельно друг другу. Они находятся в тесной связи, так как исследователь лексикографического материала не может заниматься исключительно теоретической стороной лексикографии без работы над конкретным материалом, без участия в какой-то практической лексикографической работе, и, напротив, никакой исследователь, работающий с практическими данными, не может заниматься исключительно практикой, упуская из вида основные теоретические проблемы, изучаемые лексикографией. Тем не менее, принципиальное разграничение двух сторон лексикографии представляет особую важность.

Лексикография тесно связана с лексикологией, семантикой, этимологией, стилистикой и другими дисциплинами. Подобная связь заключается в общей проблематике. Зачастую в лексикографических исследованиях используются результаты исследований в области вышеперечисленных наук, а иногда лексикография опережает их в решении некоторых проблем.

Таким образом, поэтапно, шаг за шагом, лексикография выделяется в отдельную область языковедения и становится равноценной среди остальных лингвистических наук.

Невозможно не отметить тот факт, что в последнее время огромное влияние на лексикографию оказывают самые разнообразные факторы. К одному из них можно отнести новые методы обработки информации. Значительная модернизация этих методов, использование современных

технологий оказывают значительное влияние на работу лексикографа. Компьютерная, или вычислительная, лексикография является одной из самых быстроразвивающихся технологий. В связи с этим следует заметить, что постепенно работа лексикографа, некогда уникальная в своем роде, становится доступной и представителям других сфер деятельности. Специалисты в сфере компьютерных технологий активно интегрируются в процесс создания лексикографических источников, что, несомненно, способствует развитию лексикографии как науки. Польза такого сотрудничества представителей различных специальностей является неоспоримой и не подлежащей никаким сомнениям. Например, Ю.В. Вишнякова в своей работе так говорит о сотрудничестве лексикографов и лексикологов: «Идея о более тесном сотрудничестве лексикологов, в частности тех, кто занимается вопросами семантики, и лексикографов кажется очевидной, однако потребовалось несколько десятилетий для ее полного осознания: «Теоретическая семантика расцвела в эмпирическом вакууме, а лексикографы бились над своими "практическими" задачами, не имея достаточных теоретических основ... Учитывая отсутствие помощи со стороны семантической теории, приходится удивляться достижениям лексикографов, а не их неудачам. Эра серьезных лексикографических исследований, базирующихся на строгих теоретических основаниях, только начинается» [2, с. 34].

В последнее время наблюдается взаимодействие лексикографии, ряда других направлений языковедения (например, лексикологии, грамматики и т.д.), гуманитарной науки как таковой (культурологии, антропологии и т.д.), а также некоторых технических наук (в том числе информатики). Совместная работа исследователей лексикографии и представителей других научных направлений явилась причиной развития новых направлений, свойственных лексикографии в конце XX – начале XXI в.

Современные теории лексикографического описания лексических и фразеологических единиц выявляют следующие факторы: с одной стороны, в словарях реализуются и проверяются результаты теоретических исследований в лингвистике. Теоретические взгляды, которые полностью отражают уровень существующих на данный момент знаний в области лингвистики, отражаются в принципах отбора языковых единиц и их лексикографической кодификации, в структуре словарной статьи, в грамматической, семантической и стилистической характеристике слов. С другой стороны, словари не могут игнорировать какую-либо специфическую особенность языковой единицы при том условии, что в теоретическом языковедении не наблюдается положительного решения соответствующего аспекта. В связи с этим словари зачастую опережают науку практическими решениями еще не изученных проблем. Критический анализ лексикографических трудов позволяет выявить те аспекты языковых единиц, которые требуют пристального внимания и более тщательного изучения в теории языковедения.

В настоящее время компьютерная лексикография представляет собой динамично развивающуюся область компьютерной индустрии, в первую очередь, из-за того, что фиксирование в словарях научного знания является одним из основополагающих современных методов его использования и распространения. Более того, компьютерная лексикография становится прикладной научной дисциплиной в языковедении, а следовательно, изучает методы, технологию и специфические приемы применения компьютерной техники в теории и практике составления словарей.

Компьютерная лексикография принадлежит к числу дисциплин нового, переходного периода – перехода от существовавшей в течение долгого времени традиционной ручной и рукописной лексикографической практики к новым электронным информационным технологиям. Она выражена многообразием методов, способов и средств программной обработки информации в виде текста для создания словарей. В среде профессиональных лингвистов уже в настоящее время известно огромное количество программных разработок для создания словарей-гlossариев, словариков, словарей-указателей, конкордансов и других рабочих источников информации, которые можно применять в лексикографической деятельности.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Формальная модель языка и представление лексикографическими средствами / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 123–139.
2. Вишавкова, Ю. В. Лингвокультурологическое описание текста в лексикографии (на материале анализа мифологических персонажей) / дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Вишавкова. – Ярославль, 2006. – С. 14–36.
3. Дубичинский, В. В. Принципы лексикографирования и типология словарей / В. В. Дубичинский // Современные проблемы лексикографии. – Харьков, 1998. – С. 16–20.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ В УКРАИНЕ

Е.Л. Доцент

Академия управления МВД Украины, г. Киев

Одним из перспективных направлений развития современной науки является интеграция различных ее отраслей. Именно на основе интеграции лингвистики и правоведения развивается относительно новая для Украины прикладная учебная дисциплина и область лингвистических исследований – юридическая лингвистика.

Предметом ее изучения являются проблемы взаимодействия языка и права: определение правового статуса языка как государственного, или

национального, языковые техники нормопроектирования, толкования юридических текстов, лингвистическая экспертиза и т.п.

Прикладной характер юридической лингвистики обуславливает особенность ее развития в разных странах. Определим, какие юрислингвистические и лингвоюридические проблемы актуальны сегодня для Украины.

В связи с многонациональностью и многоязычием Украины нуждаются в разработке многие вопросы, связанные с особенностями языковой политики и языковой ситуации в стране. Закон, регулирующий особенности функционирования языков в Украине, был принят в 1989 г. и безадаптно устарел. Однако проекты, подаваемые сейчас на рассмотрение в Верховный совет Украины, к сожалению, не отвечают ни конституционным нормам, определяющим языковую политику государства, ни особенностям языковой ситуации Украины. Представляя крайне проукраинские либо проросийские позиции, они не в состоянии положительно повлиять на предотвращение языкового конфликта, а используются лишь как средство затормозить голоса избирателей перед очередными выборами.

Отсутствие при Верховном совете Украины специальной лингвистической комиссии, состоящей из квалифицированных специалистов-юрислингвистов, занимающихся экспертизами законопроектов, отрицательно сказывается на качестве принимаемых ею нормативных актов.

Для Украины актуальными являются проблемы создания национально-языкового корпуса юридической терминологии. Необходимо выработать систему украинского терминообразования, определить наиболее продуктивные модели. При этом нужно учитывать, что юридические термины отличаются от терминов других сфер науки и техники тем, что, будучи кодифицированными, то есть зафиксированными в действующих нормативных актах, они не могут редактироваться. Таким образом, необходимо тщательно изучать их языковое выражение и особенности соотношения с юридическими понятиями на этапе нормопроектирования, создавать при Верховном совете Украины соответствующие комиссии. Следует отметить, что такой опыт есть. До 1996 г. все проекты нормативных актов проходили языково-терминологическую экспертизу, проводимую квалифицированными специалистами-терминоведами. В этот период была систематизирована терминология конституционного и гражданского права, заменены омонимичные термины и т.д. Однако сейчас такая работа практически не проводится. Юристы, пытающиеся заниматься терминовидческой деятельностью, не всегда имеют необходимые для этого лингвистические познания, и наоборот. Из-за этого, к сожалению, юридические термины не всегда соответствуют нормам современного украинского языка, дефиниции часто двусмысленны. Более того, в связи с криминализирующей общественной жизнью в систему юридической терминологии попали жаргонизмы, например, *сходка, отмивання денег*.

Юридико-лингвистические проблемы актуальны не только для теории и практики нормопроектирования, но и для деятельности правоохранительных органов. Требуется тщательной разработки лингвистическая составляющая квалификации речевых правонарушений и преступлений (оскорбление чести, достоинства, деловой репутации граждан, плагиат, распространение неправдивой информации, речевое манипулирование как составляющая экономических преступлений и т.д.). В Украине предусматриваются соответствующие санкции за употребление инвективной лексики, однако нет механизмов установления степени инвективности, а, соответственно, при определении состава правонарушения и санкции не учитываются лингвистические параметры характеристики языковой агрессии. Кроме того, из Уголовного кодекса Украины исчезли практически все статьи об оскорблении чести, достоинства и деловой репутации граждан, что, несомненно, провоцирует «языковой произвол». Эколингвистические технологии, которые могли бы предотвратить такие процессы, на государственном уровне в Украине также практически не разрабатываются.

Требуется расширение и перечень лингвистических экспертиз, используемых в правоохранительной практике. Среди криминалистических экспертиз, для проведения которых необходимы лингвистические знания, в Украине выделяют авторолевые, почерковедческие, экспертизы объектов интеллектуальной собственности. Вне поля зрения законодателя остаются психолингвистические экспертизы, несмотря на то что группой специалистов Одесского национального университета им. И. Мечникова, возглавляемой доктором филологических наук Н.В. Бардиной, разработана методика проведения таких экспертиз.

Еще одной проблемой, требующей пристального внимания юристов, является изучение особенностей судебного дискурса в контексте проведения в Украине судебной реформы. Если для России суд присяжных уже является реальностью, то в Украине лишь время от времени обсуждаются положительные и отрицательные перспективы его введения. К решению этой проблемы следует привлекать не только юристов, но и лингвистов, способных установить степень возможного суггестивного влияния профессиональных участников судебных прений на непрофессионалов-присяжных, ведь от этого в большой мере зависит качество судопроизводства и принятых судебных решений.

Далеко не полный перечень проблем доказывает необходимость разработки методологии нового направления в лингвистике и подготовки специалистов, имеющих достаточные филологические и юридические знания. В связи с этим считаем обоснованными предложения некоторых отечественных ученых о выделении самостоятельной научной специальности «Юридическая лингвистика» и о включении ее Высшей аттестационной комиссией Украины в перечень специальностей, по которым проводится защита диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

В Украине такие идеи активно отстаивает Ю.Ф. Прадид, автор учебных пособий «Вступление к юридической лингвистике» и «В отрасли лингвистики и права». Он, в частности, пишет: «Развитие юридической лингвистики в Украине и за рубежом свидетельствует о том, что пришло время ВАК Украины признать ее самостоятельной научной специальностью. Кстати, этот вопрос обсуждался нами еще в 2001 г. ... В частности, констатируется, что если вести речь о юридической лингвистике как отдельной научной специальности, то возникает закономерный вопрос: к какой отрасли науки ее отнести: 10 – «Филологические науки» или 12 – «Юридические науки»? Проведя анализ перечня специальностей, по которым проводится защита диссертаций в Украине, мы пришли к выводу, что по образцу специальности 02.00.04 – «Физическая химия», относящейся к химическим наукам, 04.00.19 – «Юридическая психология», относящейся к психологическим наукам и т.д., юридическую лингвистику стоит отнести к филологическим наукам» [1, с. 248].

Хочется надеяться, что так и будет в ближайшем будущем: юридическая лингвистика станет самостоятельной филологической специальностью.

Литература

1. Прадид, Ю. Ф. Юридическая лингвистика в Украине: вчера, сегодня, завтра (Ю. Ф. Прадид // Урядові лінгвістика і право. – Сімферополь: Елітно, 2006. – С. 246–250.

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧНОСТИ СЕМАНТИКИ

Н.Д. Кручинина

Мордовский государственный университет, г. Саранск

В.Г. Гак давно отметил признак синтаксичности семантики. В частности, он заметил, что синтаксис семантичен, а семантика синтаксична [4, с. 367]. Это означает, что между означаемым и означающим прописитивных знаков имеет место определенное соответствие функциональных структур. Вывод, сделанный В.Г. Гаком, вполне адекватен. Априори логичность такого вывода происходит из понимания двусторонней сущности любого знака, в том числе и языкового. Тем не менее, этот тезис не был принят однозначно всеми лингвистами. Как отмечает В.Г. Гак, У. Вейнрейх считает, что отождествление в этом плане знаков естественного языка с другими знаками не всегда уместно.

В определенный период развития семантического синтаксиса семантическая синтаксиса связывалась с так называемыми глубинными структурами [2, с. 77–85], характеризующимися симметричными отношениями между семантикой и синтаксисом простого предложения. Такого рода структуры в трансформационной грамматике Н. Хомского назывались

ядерными предложениями, то есть исходными синтаксическими «примитивами» для последующих синтаксических преобразований.

Ядерное предложение Н. Хомского, глубинные структуры в теории семантического синтаксиса, семантико-синтаксическая актантная теория предложения Л. Тенъера [10; 14] позволили прийти к знаковой теории предложения, для которой признак грамматичности (синтаксичности) семантики и синтаксичности синтаксиса является основой признания предложения как знака. В этой теории предложение представлено в качестве целостного, сложного по своей ролевой структуре, знака, который именует отдельные предметы, явления, а целые и целостные события (ситуации) [4, с. 352–354; 6, с. 233; 9, с. 9–12]. Получив знаковый статус, предложение во внутриязыковом плане стало исследоваться как парадигматическая единица со своей специфической двусторонностью. Это означало, что в том виде знака, пропозитивного знаке, его означаемое (функционально-семантическая структура) имеет функционально мотивированную, соответствующую синтаксическую структуру. Так, семантический акт «объект действия» в ядерной структуре всегда представлен подлежащим, семантический акт «объект действия» – прямым дополнением, семантический акт «локатив» – обстоятельством места: *L'étudiant apprend la règle. Le chauffeur met la voiture au garage. Le voyageur part pour Paris.*

Во внеязыковом аспекте это означало, что, в отличие от элементной (лексической) номинации, которая именует некий элемент действительности, пропозитивная номинация именует «микроситуацию, то есть событие, факт, объединяющий ряд элементов» [6, с. 257].

Предложение как знак, *nominateur* имеет свой денотат (*nominate*) – целостное событие реальной действительности, между участниками которого имеются те или иные ролевые отношения. В этом аспекте отношений пропозитивный знак также очень важен для изучения с точки зрения соотношения между функционально-семантической структурой отображаемого им события действительности и мысленным образом этой ролевой структуры отношений между участниками в восприятии номинатора, который ее оформляет в виде той или иной функционально-синтаксической структуры означаемого пропозитивного знака – предложения.

Мы вполне согласны с А.А. Уфимцевой и К. Булером, которые выносят «репрезентативную» (отражательную) функцию языка, проявляющуюся в соотношении *действительность / язык* на первый план, так как эта функция является основой смысла существования языка в его коммуникативной функции [11, с. 13; 1, с. 36].

Репрезентативная функция языка выполняется благодаря его знаковому характеру. Впервые знаковая характеристика языка легла в основу определения его статуса в знаменитом учении основоположника языкознания XX в. Ф. де Соссюра, который охарактеризовал язык как систему знаков. В современной лингвистике многие солидные лингвистические теории языка бази-

руются на теории знака. Как известно, язык только тогда становится средством общения, когда он обретает знаковую форму, то есть имеет систему специфических средств языкового выражения для отражения внеязыкового содержания, закрепленного за каждой из значимых единиц [7, с. 9; 13, р. 70–86].

А.А. Уфимцева относит знаковый характер языка к его универсальным чертам и основным особенностям. Именно этим она объясняет факт давнего обращения к понятию знака «в целях более глубокого проникновения в сущность языка» [11, с. 7]. Г.В. Колчанской знаковость языка соотносит со связью языкового выражения с познавательным процессом мышления [4, с. 38]. Как считает А.А. Уфимцева, в ряде случаев это соотношение между языком и мышлением упрощается и выделяется лишь обозначающая функция языковых знаков: «язык как бы набрасывает «сетку понятий», которая, расчленяя объективную действительность, создает языковую картину мира» [11, с. 8]. Такое отношение А.А. Уфимцева определяет как «отношение через знак познающего субъекта к объективной действительности» [11, с. 10]. Следует признать, что такое уточнение весьма адекватно, так как форма означивания выбирается говорящим, то есть номинатором, знаменующимся в своей речевой деятельности мотивированным отражением того или иного типового события в симметричной знаковой форме.

В самом понятии представленного знака имеется указание на связь, отношение (одного участника события к другому в рамках отражаемого события (*nominateur*)). При ином понимании неправомерно и употребление термина «знак». Знакообразование, собственно, и есть процесс, при котором «языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами» [6, с. 237].

Д.Н. Шмелев системность языка, хоть и относительно автономную по отношению к внеязыковой действительности, объясняет обусловленностью именно теми связями и отношениями, которые существуют в самой действительности и отражаются в процессе ее познания в человеческом сознании при помощи языка» [12, с. 3]. В этом утверждении содержится указание на обязательный этап последующей номинации познаваемого – его отражение в человеческом сознании, а на следующем этапе – в языковом знаке.

Если бы знак не содержал в своем означаемом содержание отражаемого денотата (*nominate*), он не являлся бы знаком. Если в пропозитивном знаке отраженное событийное содержание не было бы структурировано в семантической структуре сигнификативного значения такого знака, в частности, в функционально-семантической структуре его типового значения и, соответственно, в адекватной функционально-семантической структуре пропозитивного означаемого, то невозможно было говорить о существовании пропозитивного знака.

При вычленении событий интерпретантом происходит вычленение участников этих событий в тех их ролевых функциях, в которых они составляют тот или иной тип события. При прямой («зеркальной») номинации событий интерпретант событий и одновременно номинатор, то есть

говорящей сохраняет эти ролевые функции в означаемом пропозитивных номинантов. В означаемом эти семантические функции переводятся в симметричные синтаксические функции: *Le bébé dort, L'élève va à l'école, La mère lave la vaisselle, Le père achète un livre à son fils, La femme de chambre met le beurre dans le frigidaire.*

Пропозитивный знак, таким образом, на всех ступенях своих отношений в функциональном плане оказывается семантически мотивированным ролевой структурой отражаемых им типовых событий реальной действительности. Такая изофункциональность пропозитивных номинантов имеет место благодаря реализации сознанием воспринимающего события интерпретанта-номинатора принципа аналогии, то есть экономии мыслительных процессов и для осуществления принципа доступности для адресата означиваемой информации.

Литература

1. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер, пер. с нем. - М.: Прогресс, 2001. - 528 с.
2. Гак, В. Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур / В. Г. Гак // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. - М.: Наука, 1969. - С. 77-85.
3. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматизации / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики 1971. - М.: Наука, 1972. - С. 367-395.
4. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики 1972. - М.: Наука, 1973. - С. 349-372.
5. Гак, В. Г. О семантическом инварианте предложения / В. Г. Гак // Проблемы синтаксической семантики. - М.: МГПИИЯ, 1976. - С. 22-26.
6. Гак, В. Г. Типологии лингвистических номинантов / В. Г. Гак // Языковая номинация: Общие вопросы. - М., 1977. - С. 230-293.
7. Колчанский, Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г. В. Колчанский // Принципы и методы семантических исследований. - М.: Наука, 1976. - С. 5-31.
8. Колчанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и в языке / Г. В. Колчанский. - М.: Наука, 1990. - 108 с.
9. Кручинина, Н. Д. Синтагматизация и парадигматика пропозитивного номинанта / Н. Д. Кручинина. - Саранск: Издательство Мордовского университета, 1998. - 104 с.
10. Теншер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теншер, пер. с фр. - М.: Прогресс, 1988. - 654 с.
11. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. - М.: Наука, 1974. - 206 с.
12. Шмелев, Д. Н. Введение / Д. Н. Шмелев // Способы номинации в русском языке. - М.: Наука, 1982. - С. 3-44.
13. Mousin, G. Introduction à la sémiologie / G. Mousin. - Paris: Maiti, 1970. - 249 p.
14. Tensière, L. Éléments de syntaxe structurale / L. Tensière. - Paris: Klincksieck, 1959. - 659 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Ф. ГРОУЗА: К РАЗРАБОТКЕ ТЕОРИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИОЛЕКСИКОГРАФИИ

Г. В. Рыбичкина

Астраханский государственный университет

Изменения, ежедневно происходящие в национальных культурах под воздействием различных исторических событий, социальных преобразований, межязыковых трансформаций, заимствований и т.д., нашли отражение и в национальных языках, поэтому без объективного представления обо всех составляющих современного языкового потока, в том числе без знания языковых новообразований нельзя читать современную художественную и публицистическую литературу, слушать радио, смотреть телепередачи и телефильмы, наблюдать за дебатами политических оппонентов, общаться по Интернету, адекватно понимать представителей молодого поколения.

Именно этому пониманию в немалой степени способствует социальная лексикография – новая лингвистическая дисциплина, находящаяся сейчас на этапе своего становления. Термин «социальная лексикография», или «социолексикография» (в качестве синонимов принято называть также «субстандартная / просторечная лексикография»), предложен В.П. Коровушиным [4, с. 8, 46, 54; 5, с. 6, 15], отмечавшим, что эта наука, объектом которой выступают словари нестандартной лексики и фразеологии, приобретает в настоящее время статус автономной отрасли языкознания. И именно разработка структурной организации просторечных словарей, толковых словарей нестандартной лексики и фразеологии, их планирование, изучение композиции составляют задачи не только теоретической, но и практической лексикографии.

Теоретическая неразработанность как отечественной, так и зарубежной, в частности, англоязычной социолексикографии, а также сложность сбора и лексикографического описания подобного материала поставили перед общей лексикографической наукой целый ряд насущных теоретических вопросов, наиболее актуальными из которых можно признать следующие:

- 1) содержательное уточнение и терминологическая дифференциация основных понятий, соотносимых с компонентами лексического просторечия;
- 2) типологизация одноязычных просторечных словарей в зависимости от специфики регистрируемого в них материала, от способов его организации в словник и от приемов его лексикографической обработки;
- 3) разработка принципов и методики отбора материала;
- 4) определение источников словарного материала;
- 5) разработка композиции словника, структуры словарной статьи и наиболее презентабельных способов ее графического оформления;

6) определение перечня грамматических, стилистических и социолексических характеристик, обязательных для отражения в словарной статье, и упорядочивание типов словарных помет, уточнение их содержания, определение их места, порядка следования и способов представления в структуре словарной статьи;

7) разработка типов дефиниций применительно к специфике регистрируемого материала;

8) уточнение тех сведений, которые необходимо включать в историко-этимологическую и/или дериватологическую справку;

9) установление предназначения и места иллюстративных примеров в словарной статье [1; 2, с. 50–51].

Названная проблематика входит в задачи именно социолексикографии [3], поскольку ее целевая установка – регистрация всех стилистически-социальных социально-маркированных форм существования языка.

В современном языкознании, как зарубежном, так и отечественном, разрабатываемая нами компаративная социолексикография английского и русского языков [7; 8; 9] находится на этапе своего формирования в качестве самостоятельной междисциплинарной отрасли лингвистики, в объектно-предметную область которой входят как словари лексического субстандарта (просторечия), так и сама нестандартная лексика и фразеология, регистрируемая в этих словарях.

Социолексикографическое направление в англоязычной и русскоязычной лексикографии, в ее практической составляющей начало формироваться с появлением первых словарей нестандартной лексики. Однако теоретическое осмысление проблем сбора и лексикографирования различных пластов лексического субстандарта в английском и русском языках пришло несколько позже, когда практика просторечной лексикографии насчитывала на англоязычной почве почти 250 лет, а на русскоязычной – около полувека.

Это обуславливает научно-теоретическую необходимость и актуальность анализа как английской, так и русской социолексикографической традиции на предмет обобщения по концепциям составителей субстандартных словарей их опыта регистрации соответствующих нелитературных разновидностей данных языков.

В этой связи в ходе настоящего исследования нам представляется возможным проанализировать основные идеи Ф. Гроуза – авторитетного английского лексикографа – и его подходы к трактовке субстандартных словарей и регистрируемого в них материала, которые могли бы внести определенный вклад в формирование теоретических основ разрабатываемой нами компаративной социолексикографии как самостоятельной науки.

В предисловии к своему *"A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue"*, впервые изданного в 1785 г. [10] Ф. Гроуз разъясняет следующие важные для возникновения, становления и развития англоязычной субстандартной лексикографии моменты, связанные с практикой составления его словаря [11, р. 7–11; см. также анализ этого словаря: 6]:

1) английский язык, благодаря свободе мысли и живой речи, очень богат такими выражениями простонародного ума "vulgar wit", которые требуют включения в данный новый и необычный для Англии словарь, подобный, например, словарю "Satirical and burlesque dictionary" Le Roux, уже известному во Франции;

2) подобный словарь представляется чрезвычайно полезным, если не абсолютно необходимым, не только для иностранцев, но и для воспителей английского языка, не вращающихся в деловом мире или живущих вне метрополии, поскольку в обычных словарях они не смогут найти такие слова и выражения с простонародными аллюзиями и ксентом "vulgar allusions and cant", которые очень часто встречаются в обычных разговорах и периодической печати, как, например, "black legs, lame duck, plumb, malingere, nip cheese, new shop", широко известные в Сити, на бирже, рынке, скачках и т.п.;

3) словарной регистрации подлежат также те модные "fashionable" слова и выражения, которые входят в политический или театральный обиход на некоторое время, а затем заменяются другими еще более модными речениями "favourite expressions of the day", а затем выходят из употребления или вообще исчезают из языка, не оставив после себя никакого следа, как, например, *a bore* и *a waddale* среди "the great vulgar" и *macaroni* и *barber* среди "the small vulgar";

4) простонародный, или «вулгарный язык», "Vulgar Tongue", состоит из двух частей: первая часть представлена ксентом "Cant Language", который иногда называется "Pedlars French" или "St. Gile's Greek"; вторая часть представлена бурлескными выражениями "burlesque phrases" и необычными аллюзиями "quaint allusions", а также прозвищами людей, вещей и мест "nick-names for persons, things and places";

5) опубликованными источниками материала для описываемого словаря послужили списки и глоссарии ксента, из которых следующие три весьма значимы для представления об истоках и направлении развития британской субстандартной лексикографии и содержании самых ранних субстандартных словарей (приведем их наименования в авторском библиографическом, графическом и орфографическом оформлении):

• A CAVEAT for COMMON CURSETORS, vulgarly called VAGABONES; set forth by THOMAS HARMAN, Esquire, for the Utilitie and Profit of his-Naturall Countrye. Newly Augmented and Imprinted, Anno Domini M.D.LXVII. [1567] Imprinted at London... by William Gryffith;

• The CANTING ACADEMY; or, VILLANIES DISCOVERED: wherein are shewn The Mysterious and Villaneous Practices of that Wicked Crew, commonly known by the Names of HECTORS, TRAPPANNERS, GILTS, Etc. Also A COMPLETE CANTING DICTIONARY, both of Old Words, and such as are now most in Use. A Book very useful and necessary (to be known, but not practised) for all People. THE SECOND EDITION. London: Printed by F. Leach;

• The SCOUNDREL'S DICTIONARY or, an EXPLANATION of the CANT WORDS used by THIEVES, HOUSE-BRAKERS, and PICPOCKETS

about Town. To which are prefixed Some Curious Dissertations on the ART of WHEELING, and a Collection of their FLASH SONGS, with a PROPER GLOSSARY. ... LONDON: Printed for J. Brownell... MDCCLXIV. [1764].

6) бурсеские термины были собраны автором из устных источников: речи солдат, моряков, торговцев рыбой и лодочников, а также представителей «толпы», кто присутствовал на публичных экзекуциях различных карманников, информаторов и других криминальных элементов.

Суммируя эти мысли, можно утверждать следующее:

1) к концу XVIII в. исследователи неконвенционального английского языка, называемого имен «Vulgar Tongue», и составители нетрадиционных словарей, в частности, Ф. Гроуз, пришли к пониманию необходимости и практической насущности лексикографической регистрации языка и, в наших терминах, воровского арго, а также военного, морского и криминального жаргонов, жаргонов различных профессий, занятий, социальных групп и деклассированных элементов;

2) Ф. Гроуз достаточно четко определил пользователя, для которого должен быть предназначен словарь протонародного английского языка;

3) Ф. Гроузом предпринята попытка терминологически обозначить регистрируемый в его словаре неконвенциональный лексический материал современного ему английского языка британского варианта как «Vulgar Tongue» и классифицировать его, выделив в его структуре очень важный компонент лексического субстандарта – язык «Cant Language», и привести другие синонимические наименования языка – «Pedlars French» или «St. Gile's Greek, Flash»;

4) Ф. Гроузом отмечена, хотя и очень фрагментарно, двухсотлетняя история словарной регистрации языка и смежных с ним языковых форм с 1567 по 1765 г.: (в наших терминах) воровского арго различных «мастей» (грабителей, карманников), профессионально-корпоративных жаргонов.

Вместе с тем, еще не сложилось четкое представление о структуре английского лексического субстандарта, не дано определение его компонентам, регистрируемым в специальных «необычных» словарях, и концептуально не обозначен этот новый для английской лексикографии тип словаря, как и не сделаны попытки его теоретического обоснования; нет анализа предшествующих лексикографических работ, в которых регистрировался «протонародный» английский язык.

Литература

1. Короушкин, В. П. Проблемы лексикографического описания английского и русского просторечия в двуязычных словарях / В. П. Короушкин // Материалы научной методической конференции «Новое в лингвистике и методы преподавания иностранных языков в вузе»: доклад. – СПб.: ВИТУ, 1999. – С. 238–258.

2. Короушкин, В. П. Одноязычные словари русского лексического просторечия / В. П. Короушкин. – Череповец: ЧГУ, 2004.

3. Короушкин, В. П. Субстандартная лексикография как автономная отрасль языкознания: основные понятия и словарь / В. П. Короушкин // Социальные варианты языка – III: материалы Международной научной конференции, 22–23 апреля 2004 г.

Новгород. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2004. – С. 36–39.

4. Короушкин, В. П. Основы контрастивной социолектологии / В. П. Короушкин. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005.

5. Короушкин, В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастно-социолектологического анализа) / В. П. Короушкин. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2008.

6. Короушкин, В. П. Классический словарь протонародного языка Ф. Гроуза как первый опыт регистрирующей просторечной лексикографии / В. П. Короушкин, С. В. Рабичкина // Вопросы английской лексикологии и лексикографии: международный сборник научных трудов. – Петрозаводск: ППТИИЯ, 1990. – С. 31–37.

7. Рабичкина, Г. В. О некоторых вопросах структурной организации словарей нестандартной лексики русского и английского языков. Рациональные черты языковых и речевых единиц / Г. В. Рабичкина // Международной сборник научных трудов. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный лингвистический университет, 2008. – Вып. 17. – С. 105–113.

8. Рабичкина, Г. В. Сопоисследовательский анализ презентации словарных статей в словарях нестандартной лексики русского и английского языков / Г. В. Рабичкина // Материалы Международной научной конференции «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики». – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. – С. 499–508.

9. Рабичкина, Г. В. Компаративный анализ помет в толковых словарях нестандартной лексики английского и русского языков / Г. В. Рабичкина // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по филологии. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – № 1 (1). – С. 72–76.

10. Grose, F. A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue by Captain Francis Grose edited with a biographical and critical sketch and an extensive commentary by Eric Partridge / F. Grose. – London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1963. – Reprinted in New York: Books for libraries press, 1971. – XIV. – 396 p.

11. Grose, F. Preface to the first edition / F. Grose // A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue by Captain Francis Grose edited with a biographical and critical sketch and an extensive commentary by Eric Partridge. – London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1963. – Reprinted in New York: Books for libraries press, 1971. – P. 7–10.

СИСТЕМА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОМЕТ В СЛОВАРЯХ АМЕРИКАНСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО СУБСТАНДАРТА (на примере словаря Р.Л. Чэпмена «American slang»)

Г.В. Рабичкина

Астраханский государственный университет

Лексикографическое описание стилистически сниженной лексики и фразеологии специфично тем, что она отличается своей коннотацией и социальной маркированностью от литературного вокабуляра и проявляет значительную социально-стилистическую вариативность и национально-этнокультурную специфику в сфере субстандарта соответствующего языка. В этой связи все специфические и общелингвистические характеристики субстандартных лексических единиц должны учитываться при создании их

адекватного лексикографического портрета и получать детальное описание в словарной статье. Регулярность и стереотипность такого лексикографического отражения лингвистических и социолингвистических особенностей нестандартной лексики в толковых просторечных словарях достигается, в частности, с помощью соответствующей системы словарных помет.

Учитывая имеющиеся определения [1; 3; 6; 7; 9], под *словарной пометой* мы понимаем лексикографический указатель, представленный преимущественно в сокращенной словесной или символической форме, дополняющий и уточняющий морфологические, синтаксические, семантические, социально-стилистические, этнокультурные и социолингвистические (ареально-территориальные, социально-демографические, профессионально-корпоративные) характеристики лексикографируемой лексической единицы, не раскрытые полностью в других компонентах словарной статьи – в дефиниции, дериватологической справке, иллюстративных примерах и паспортизации приводимого в словаре материала.

Словарные пометы, и, в первую очередь, стилистические, важны для более адекватного лексикографического описания лексических единиц во всех типах словарей, особенно в толковых словарях литературного и нелитературного языка. Стилистические пометы, используемые в нормативном словаре русского языка, выступают, по мнению В.В. Виноградова, в функции указаний на разновидности литературного языка, к которым принадлежит данное слово (книжный, поэтический, разговорный, научно-технический языки), на типы литературного языка (деловой, научный, юридический), или указаний на употребительность слов (устаревшие, малопотребительные). Однако даже в таких значительных толковых словарях, как «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, стилистические пометы, которые очерчивают круг употребления слова, бывают, по оценке ученого, весьма «произвольны, текучи и непоследовательны» [5, с. 209, 239]. Это свидетельствует как о сложности стилистической оценки функционирования слова, так и о проблеме разработки адекватной системы стилистических помет и последующего стилистического «закрепления» слова или фразеологизма в структуре словаря с помощью этих помет [4, с. 262–263].

Однако одной из нерешенных проблем современной лексикографии является несогласованность стилистических помет при описании значительной части словарного корпуса в различных словарях лексического субстандарта, что обусловлено разночтениями в выделении разновидностей стилистически маркированных средств языка, их материального состава и иерархии [12, с. 3–4; 13].

Стилистические пометы как лексикографические средства указания на стилистические особенности разбираемой словарной единицы должны, как и другие используемые в словарях пометы, адекватно отражать языковой узор конкретного общества в строго определенный исторический пе-

риод [11, с. 2]. Вместе с тем, стилистические пометы в принципе не могут полностью отражать стилистический потенциал регистрируемой лексической единицы в его многообразии и постоянном развитии, поскольку словари неизбежно отстают от живой разговорной речи и запаздывают с ее отражением в словарных статьях, в фиксации значений, их семантизации и стилистической интерпретации.

Известно, что при стилистической квалификации регистрируемых лексических единиц лексикографы, как правило, руководствуются традиционной интерпретацией этих единиц в наиболее фундаментальных и признанных толковых словарях, возможным наличием у слов и фразеологизмов формальных признаков их стилистической отмеченности, а также своей языковой догадкой и интуицией. Это приводит к разночтению в понимании содержания стилистических помет, к непоследовательности и несогласованности их применения даже в авторитетных толковых словарях. Подобные недостатки стилистического описания лексики в толковых словарях обусловлены во многом нерешенностью соответствующих проблем теоретической стилистики и теоретической лексикографии: определении репертура стилистических помет, распределении стилистической информации о вокабуле в тексте словарной статьи и определении порядка ее фиксации [8, с. 33–34].

Предлагаемый анализ стилистических помет призван наметить решения некоторых из названных проблем, в частности, проблемы классификации и межязыковой типологизации стилистических помет, используемых для социолексикографирования нестандартной лексики и фразеологии английского языка. Проведенное нами исследование базируется на словаре американского лексического субстандарта "American slang" P.L. Чэпмена [15].

Стилистические пометы были систематизированы нами по двум основным типам, отмеченным функционально-стилистическими и этико-стилистическими маркерами. Функционально-стилистические пометы представлены указателями принадлежности субстандартной лексики к функциональным стилям, а также показателями исторической перспективы ее функционирования и маркерами, уточняющими или ограничивающими сферу ее употребления. Этико-стилистические пометы по своему содержанию являются указателями экспрессивности, эмоциональности, оценочности и интенсивности, а также возможной инвективности коннотации субстандартной лексики.

Таким образом, мы считаем возможным представить систему стилистических помет, употребленных в словаре американского лексического субстандарта "American slang" P.L. Чэпмена следующим образом.

Функционально-стилистические пометы

1. Стратификационные социально-стилистические пометы

1.1. Указатели сленговой (без специальных помет, поскольку основной объект регистрации прямо указан в названии словаря – *American slang*): **bareback rider n phr** A man who does the sex act without using a condom; **barebones adj** Unadorned; spare; austere; *a bare-bones prose style*; **bogue out v phr computer** To become bogus, that is, false, misleading, useless, etc; **cup shop n phr** A police station; **dilly-dally v** To idle; dither in an aimless or pointless fashion; **Stop dilly-dallying and get to the point**; **dim bulb n phr** A stupid person.

1.2. Указатели жаргонизмов – помета **jargon**: **carry carnival 1 n A** carnival **2 n** A carnival worker or member of such a worker's family; **outdoor show people, the "carries,"** who travel from town to town with carnivals – AJ Liebling **3 modifier**: **carry talk / a comey family 4 n** The occupational idiom or jargon of carnival people: *I thought you talked comey by now* – F Brown; **Puke n fr middle 1800s British A** good or bad stroke of luck; an extraordinary and unpredictable event: *My winning was just a fluke / We got onto that flight by a fluke* [origin unknown, but perhaps fr fluke "flatfish" by way of an early 1800s British slang sense of *flat* "easy dupe, victim", altered in billiards jargon to *fluke* to characterize the seeming chicanery of a good stroke of luck].

1.3. Указатели архаизмов:

– помета **argot** (только два случая использования данного термина, но не в качестве собственно пометы, а в составе дефиниции или деривационной справки): **flash 1 n fr early 1800s** Thieves' argot; **fat city n phr esp students fr jazz musicians** An ideal situation; splendid state of affairs: *You're in fat city while other poor slobs sweat on assembly lines* – Sports Illustrated / *Johnny came marching home from college... and announced he was in "fat city"* – New York Times **2 n phr** Poor physical condition, esp because of being overweight: *its principal characters wind up in "fat city"* (argot for "out of condition") – American Scholar;

– помета **underworld**: **artillery n underworld fr early 1900s** A weapon or weapons, esp a handgun; = HEATER; **bagman n underworld** A person who collects money for bribes, extortionists, mobsters, etc: *The defendant was described... as the "bagman" or collector* – New York Times; **the baker n phr underworld** The electric chair; **bananas adj underworld** Homosexual; **boffo n underworld** A year, esp a one-year prison sentence; **boko n underworld** The nose; **box man n phr underworld** A criminal specializing in opening safes; **chick n underworld** Prison food; **front gee (JEE) n phr underworld** A pickpocket's confederate.

1.4. Указатели вульгаризмов:

– помета **delta impact symbol** – символ в виде повернутой светлой буквы «дельта» <D> = помета «вульгарное» (*vulgar*) для маркировки слова или отдельных лексем, преднамеренно и осознанно используемых в речи для передачи сильного социального и эмоционального воздействия.

– помета **delta impact symbol** – символ в виде повернутой буквы «дельта» с полужирным написанием <D> = помета «табу» (*taboo*) для маркировки слова или отдельных лексем, которые нельзя употреблять в речи никогда (сюда же относятся случаи насмешки, презрения и унижения по расовым и национальным признакам);

– помета **vulgar** (в словаре отмечены только два случая использования данного термина, но не в качестве собственно пометы, а в составе компонента словарной статьи, уточняющего функционирование лексемы);

– помета **taboo** (только два случая использования данного термина, но не в качестве собственно пометы, а в составе компонента словарной статьи, уточняющего функционирование лексемы).

По этическим соображениям мы не приводим примеры словарных статей с данными пометами.

Историко-стилистические пометы

Указатели нестандартных *edammy-архаизмов* – помета **archaic** (только два случая использования данного термина, но не в качестве собственно пометы, а в составе компонента словарной статьи, уточняющего происхождение и функционирование лексемы): **chicken (or egads) switch (or button) 1 n phr** A control used to destroy a malfunctioning rocket in flight; a destruct switch **2 n phr** A control used to eject an astronaut or pilot from a damaged vehicle (chicken fr the sense "coward"; egads an acronym for electronic ground automatic destruct sequencer and coincides with an archaic interjection of dismay); **square shooter n phr fr early 1900s** An honest and candid person; = straight **afrow** • Now used nearly always with the conscious irony of archaic sincerity.

Этико-стилистические пометы

1. Указатели ироничной экспрессии / оценки / инвективы – помета **jocular**: **factory combining word** Place where what is indicated is done, pursued, used, etc • A jocular appropriation of the term: *brain factory / freak factory / nut factory*; **not have all one's switches on v phr** To be retarded or demented; be mentally subnormal • Used as a jocular insult rather than a clinical judgment: *The movie-talker... doesn't have all his switches on* – Washington Post.

2. Указатели ироничной экспрессии / оценки / инвективы:

– помета **ironical**: **be my guest sentence** Do as you please • Often an ironical acquiescence to something ill-advised: *You want to tell the cop he's wrong? Be my guest*; **crying towel n phr** A fancied towel offered in ironical sympathy to one who laments undeserved ill fortune, unbearable reverses, etc: *Get out the crying towel, old Frank got another parking ticket*; **fun and games n phr fr early 1900s** Pleasure; delightful diversion • More commonly British than US, and most often ironical: *His job looks like constant fun and games / We had some fun and games a few months ago* – Rex Burns [based on the talk and attitude used toward children by hearty people, and analogous with *show and tell*]; **God's gift n phr** A very special blessing; premier offering • Nearly always ironical: *He thought he was God's gift to pedagogy*;

– помета *ironically*: **big deal** *n phr* Anything very important; consequential event or circumstance • Often used *ironically* to deflate someone or something, esp in the retort “Big deal” after someone has made an earnest reference: *Getting good grades is a big deal around here / So you just bought an Audi. Big deal, ducky or duckie* *adj* Excellent; splendid • Often used *ironically*: *What a perfectly ducky notion!*; **excuse (or pardon) me all to hell** *sentence* I apologize; I am sorry • Most often said *ironically*, when one thinks an accusation has been undeserved or too strong; **for one's health** *adv phr fr early 1900s* Lightly or frivolously; for one's delightful good • Always used *ironically* and in the negative: *I didn't make this damn stupid trip for my health, you know.*

3. Указатель фамильярной экспрессии / оценки / инвективы – помета *familiarity*: только один пример: **-aroonie** or **-erooney** *suffix used to form nouns* A suffix added to the term indicated to imply *familiarity* or humor; *This little cararoonie's got only 10,000 miles on her.*

4. Указатель насмешливой экспрессии / оценки / инвективы – помета *derisive* (не как собственно помета, а как элемент дериватологической справки – первый пример; или дефиниция – второй пример из двух): **fancy-schmancy** *adj* Very elegant or ornate, esp pretentiously so; = HIGH-FALUTIN: *mostly fancy-schmancy Roman numbers like IIs and IIIs* – Philadelphia [fr the humorous and *derisive* Yiddish rhyming of a first word with a second one beginning sham, as in “Oedipus-shmoedipus, just so he loves his mother”]; **slay** *v fr 1930s* To impress someone powerfully, esp to provoke violent and often *derisive* laughter: *Pardon me, this will slay you* – Heywood Brown.

5. Указатель пренебрежительной экспрессии / оценки / инвективы – помета *derogatory* (с возможными уточнителями интенсивности; только пять примеров):

– собственно помета *derogatory* как инструмент лексикографирования: **bra-burner** *n* A *derogatory* term for a very militant feminist: The media decided henceforth to label feminists as “bra-burners” – Esquire [fr the putative symbolic burning of brassieres as a protest against the restriction of women's freedom]; **joker** *n fr early 1800s* A man; fellow; = GUY, CHARACTER, CLOWN • Often *derogatory*: *Ask that joker who the hell he thinks he is, shiksa or shiksa* *n* A non-Jewish woman, esp a young woman • Usually at least somewhat *derogatory*: *That Alice was so blatantly a shiksa* – Philip Roth [fr Yiddish fr Hebrew sheques, literally “blemish”];

– термин *derogatory* в функции пометы в составе иллюстративности примера: **handout** *n* An official press release or communiqué: *The newspaperman's slightly derogatory slang term for the news release is “handout”* – Daniel J. Boorstin;

– термин *derogatory* в функции пометы в составе дериватологической справки: **jerk** *v* To draw or pull out: He jerked a gun and that's all she wrote [the *derogatory* term comes fr *jerk* off “masturbate”];

6. Указатели эвфемизмов:

– помета *euphemism*;

– помета *euphemistic* (*form, use*; с возможными уточнителями степени дифференциальности);

– помета (*used*) *euphemistically* (только один пример);

– термин *euphemistic* в функции пометы в составе дериватологической справки (только один пример);

– термин *euphemistically* в функции пометы в составе иллюстративного примера (только один пример).

По этическим соображениям мы не приводим примеры словарных статей с данными пометами.

7. Указатель уничижительной экспрессии / оценки / инвективы – термин *pejorative* в функции пометы в составе дериватологической справки (только пять примеров): **drug** *adj* Displeased; angry; = PISSED OFF: *If other players are drug about it or feel that I'm trying to horn in... then it's not much fun* – Downbeat [past participle of drag, in one of its *pejorative* connotations]; **Dutch courage** *n phr* False or fleeting bravery resulting from liquor: *A man in liquor... is full of Dutch courage* – FK Secrist [like many other *pejorative* uses of Dutch, this comes from the 17th century, when the English and the Hollanders were chronically at war. In some uses, though, Dutch means “German” rather than “Netherlandish,” and the cases are not easily sorted]; **Mickey Mouse** or **mickey mouse** *n phr* A stupid person, esp a white person or a police officer (apparently this *pejorative* trend began after the wide distribution of Mickey Mouse wrist watches, showing the cartoon character on the face, with his arms as the watches hands, which were regarded as shoddy, gimmicky, etc, at that time); **polack** (also **pollack** or **Pollock** or **polbuck** or **Pollock**) *1 n* A Pole or a person of Polish extraction **2 adj**: *a polack miner* • It is curious that this word is *pejorative* in English even though it is the Polish word for “Pole”; **weenie** (also **weeny** or **weeney** or **wenie** or **wienie**) *1 n* (also **wiener** or **weener**) A frankfurter: = HOT DOG: *this wienie and kraut combination* – New York Daily News <22> *n* (also **wiener** or **weener**) The penis; esp, the relaxed penis **3 n** An ineffectual, despised person; = JERK: *She plans to be a wenie, is a weenie, asks to be loved anyway, and is loved anyway* – Village Voice **4 n** (also **ween**) *college students* A very serious student; = GREASY GRIND: *pre-made... known to their less pressurized campus colleagues as throats and weenies* – Newsweek [fr German *Wienerwurst* “Vienna sausage,” with *pejorative* senses developing fr its penile shape].

Таким образом, нами проанализированы, выделены и систематизированы стилистические пометы, использованные Р.Л. Чипменом при составлении словаря “American slang”.

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969.

2. Балашов, З. Ю. Национально-культурная специфика лексикографического анализа эмоциональных когнитивов (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук / З. Ю. Балашов. – Луганск, 2006.
3. Берков, В. П. Двуязычная лексикография / В. П. Берков. – СПб. : Астрель, АКТ, Транзиткнига, 2004.
4. Виноградов, В. В. О некоторых аспектах теории русской лексикографии / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М. : Наука, 1977. – С. 243–264.
5. Виноградов, В. В. Толковые словари русского языка / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М. : Наука, 1977. – С. 206–242.
6. Дубининский, В. В. Искусство создания словарей. Комплексно по лексикографии / В. В. Дубининский. – Харьков : ХПУ, 1994.
7. Дубининский, В. В. Теоретическая и прикладная лексикография / В. В. Дубининский. – Вена – Харьков : Gesellschaft für Förderung slawistischer Studien, 1998.
8. Емельянова, О. Н. Стилистическая помета в толковом словаре русского языка к постановке проблемы / О. Н. Емельянова // Речевое общение (теоретические и прикладные аспекты речевого общения) : специализированный вестник. – 1999. – Вып. 1 (8). – С. 32–35.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Яковлев. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002.
10. Несова, Н. М. Грамматические и стилистические пометы в толковых словарях русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Несова. – М., 2007.
11. Нестерова, О. А. Проблема социально-функциональных характеристик в современном толковом словаре национального языка (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Нестерова. – Л., 1986.
12. Петрищева, Е. Ф. Стилистическое окрашивание лексики русского языка / Е. Ф. Петрищева. – М., 1984. – С. 3–4.
13. Реализовано, И. Л. Стилистический узор русского языка и его отражение в лексикографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Л. Реализовано. – М., 1984.
14. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976.
15. Chapman, R. L. American slang. Abridged ed. of The New dictionary of American slang / R. L. Chapman. – New York : Harper & Row, 1994.

К ВОПРОСУ НАИМЕНОВАНИЯ ЛЕКСИКИ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ

А.В. Симакова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

В настоящее время не возникает сомнений в том, что практически все лексические единицы языка в большей или меньшей степени содержат культурную информацию о своем народе. В данной статье мы рассмотрим многочисленные определения понятия «лексика с национально-культурным компонентом», или «культурно-маркированная лексика», то есть рассмотрим лексические единицы, культурная принадлежность которых не нуждается в специальном лингвистическом анализе и транслитерации которых вызывает интерес переводчиков.

Возникает вопрос об определении данного аспекта. Единицы коммуникации, обладающие национально-культурной спецификой и представляющие

определенные затруднения в межкультурной коммуникации называют «реалиями» (Влахов, Флорин), «безэквивалентной лексикой», или «БЭЛ» (Шатков, Федосов, Рещер и другие), «фоновой лексикой», «экзотической лексикой» (Сутурин), «словами с национально-культурным компонентом» и т.д. В настоящее время появились новые термины: «культуре́мы» (Оксаар), «культурные стандарты» (Томас; цит. по: 4), «культурный символ» (Швертфегер), «слауны» (Марковина, Сорокин), «ксенизмы» [4], либо «ксенионимы» [7], «специалины» [4].

Рассмотрим понятие «реалия». Само слово «реалия» – латинское прилагательное среднего рода множественного числа (*realis*, «е, мн. *realia* – «вещественный», «действительный»), превратившееся в русском языке под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное женского рода. Реалия – это и предмет культуры, и само слово, обозначающее данный предмет. О.С. Ахманова определяет «реалию» как «предмет материальной культуры» и как «...разнообразные факторы, ...государственное устройство данной страны, историю и культуру данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.д. с точки зрения их отражения в данном языке» [1, с. 381]. Эта двойственность определения может повлечь недопонимание, хотя данный термин используется очень часто в современной научной литературе. Термин «реалия» также используется в лингвистике, литературоведении и лингвострановедении.

Как показывает исследование, вслед за понятием «реалия» по частоте использования идет термин «безэквивалентная лексика». Подобное определение встречается у многих авторов (Л.С. Бархударов, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, С. Влахов и С. Флорин, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рещер, Г.В. Чернов, А.Д. Швейцер).

Так, А.Д. Швейцер относит к категории БЭЛ «лексические единицы, служащие для обозначения культурных реалий, не имеющих точных соответствий в другой культуре» [9, с. 108]. Аналогичное определение дает В.Н. Комиссаров, называя безэквивалентными «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [7, с. 147]. Болгарские лингвисты С. Влахов и С. Флорин придерживаются той же позиции, но дают дефиницию, которая заметно сужает границы БЭЛ: «лексические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода» [5, с. 51]. Под безэквивалентной лексикой имеют в виду «иноязычные слова и словосочетания, обозначающие предметы, процессы и иные реалии жизни, которые на данном этапе не имеют в языке перевода эквивалентов» [8, с. 146].

Анализируя и сравнивая определения данных авторов, мы пришли к выводу, что все они едины в одном: в «непереводимости» данных реалий, в сложности их транслитерации на другой язык в связи с наличием у них особых национально-культурных коннотаций. Отдельно выделим определение БЭЛ Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, так как считаем его наиболее полным: «обозначения специфических для данной культуры явле-

ний, которые являются продуктом кумулятивной (накопительной, закрепляющей опыт носителей языка) функции языка и могут рассматриваться как «местоимения фонических знаний, то есть знаний, имеющихся в сознании говорящих» [3, с. 53].

По мнению В.С. Виноградова, термин «безэквивалентная лексика» не очень удачный, так как при переводе специалисты находят словам те или иные эквиваленты.

Понятие «фоновые знания» связано со знанием участниками коммуникации культурно-национальных реалий, их понимании и соотношении с той или иной реальной культурой. Соответственно, «фоновая лексика» – лексические единицы, содержащие эти знания. Лексема «фоно» говорит о дополнительном значении.

Экзотическая лексика (от греч. *exotikos* – «чуждый, иноземный») – слова и выражения, заимствованные из других, часто малоизвестных языков и употребляемые для придания речи особого (местного) колорита. Этот термин, в первую очередь, заслуживает особого внимания как наиболее серьезный конкурент термина «реалия» в специальной литературе. Исследователи отмечают, что экзотизм – это: 1) иноязычное слово, 2) из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских [1, с. 214] и 3) слово, употребляемое «для придания речи особого (местного) колорита». В то же время термин этот недостаточно устоялся в лингвистической литературе со своим точно определенным значением.

«Культуремы» также обозначены как «бихевиоремы» (Оксаар), которые могут быть «вербальными, прагматическими, невербальными и экстравербальными» и выражаться в том, что «...некто здороваются, выражает благодарность, проявляет или не проявляет свои эмоции, придерживается тематических табу, должен хранить молчание или нет...» [Оксаар, цит. по: 6, с. 17]. По мнению П.Н. Донеца, этот подход страдает обычными недостатками бихевиоризма, в частности, трудностями при дифференциации понятий «деятельность» и «поведение». Считая неясным, почему вся культура должна быть сужена до «поведения», автор называет главным недостатком термина «культурема» тот факт, что он не учитывает контрастно-культурологическую подоплеку феномена межкультурной коммуникации.

А. Томас говорит о культурных стандартах, которыми являются «все виды восприятия, мышления, оценки и деятельности, что большинством членов определенной культуры для себя лично и для других рассматриваются как сами собой разумеющиеся, типичные и обязательные» [Томас, цит. по: 6, с. 94]. Понятие «стандарт» рассматривается исследователем П.Н. Донецом чрезвычайно категоричным для явлений культуры, и ему присущ «монизм».

«Культурный символ», по мнению И.К. Швердтфегера, – это «образы видения пространства, времени и территориальности, частной и общественной жизни, работы и болезни, траура, вежливости, света, цвета, извлечения научного знания, дружбы, зла, молчания и многого другого». Эти культурные символы известны всем.

Остановимся на термине «ксенизм», которое все чаще встречается в современных научных изданиях. Ранее данный термин использовался для обозначения заимствований из других языков, еще не утративших своей чуждости, а также в отношении ошибочных конструкций при речи на иностранном языке. Ксенонимы – «слова и фразеологические сочетания, возникшие в результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов и мотивированные обобщенными представлениями о чужих народах и землях» [2, с. 6]. Новое название реалиям предлагает П.Н. Донец, предлагая называть их спецнадами. Автор также различает языковые, дискурсивные и текстовые спецнады [6].

В научной литературе встречаются все вышеперечисленные термины обозначения культурно-маркированных лексем в большей или меньшей степени. Многие термины новы и еще не получили широкого распространения. Наиболее удачными для обозначения культурно маркированных лексических единиц нам представляются термины «реалия» и «безэквивалентная лексика», так как они широко известны в методической литературе и в наибольшей степени раскрывают сущность понятия.

Литература

1. Ахминова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахминова. – М., 1969.
2. Березович, Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6. – С. 3–20.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1983.
4. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980.
5. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М., 1986.
6. Донец, П. Н. К вопросу об исследовательской единице межкультурной коммуникации / П. Н. Донец // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 93–99.
7. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М., 1990.
8. Крутиков, В. Н. В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крутиков. – М., 1975.
9. Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М., 1983.

РУССКИЕ ИМЕНА НА КАРТЕ АЛЯСКИ

Е.М. Стомгиль

Астраханский государственный университет

Летом 2007 г. минуло 140 лет с того момента, когда российский царь Александр II и американский президент Эндрю Джонсон подписали документ, согласно которому часть Русской Америки – Аляска – была продана за 7 миллионов 200 тысяч долларов Соединенным Штатам. И только в 1959 г. эта территория обрела статус 49-го штата в составе США. С 1798 г. на территории Аляски функционировала Российско-американская компания с правом монопольного пользования промыслами и ископаемыми.

Подробный экскурс в историю в статье лингвострановедческого характера был бы неуместен, поэтому ограничимся лишь этими скудными фактами, которые призваны сыграть роль отправной точки в предстоящем научном исследовании.

Несмотря на то что «Русская Америка» – это прошлое Аляски, в топонимике штата это прошлое оставило неизгладимый след. Ученые-картографы утверждают, что на карте современной Америки около 400 русских наименований; значительная их часть «происцалась» на Аляске.

Изучение географической карты Аляски позволяет сделать вывод о том, что русский компонент в топонимике штата прослеживается в названиях городов – *Baranof, Golovin, Port Alexander, Shishmaref*, островов – *Adreanof Islands, Chirikof Islands, Mitkof Islands*, мысов – *Cape Krusenstern, Cape Pankof*, гор – *Mount Veniaminof*, вулканов – *Korovin Volcano*, заливов – *Pavlof Bay*, проливов – *Shelkov Strait*. Приведенные примеры показывают, что русские наименования на карте Аляски претерпевают определенную орфографическую модификацию: конечное «я» в мужских именах (Баранов, Чirikов и других) переходит в «f» (ср. названия современных торговых марок *Smirnoff, Nemiroff, etc.*). Общеизвестно, что большинство заимствованных названий на карте Америки функционируют в форме, принятой в английском языке (*Moskwa – Moscow* вместо *Moskva; Sankt-Peterburg – Saint Petersburg* и т.д.).

Абсолютное большинство топонимов русского происхождения на карте Аляски – это имена мореплавателей, первопроходцев, исследователей и правителей Русской Америки. Исключение, пожалуй, составляет лишь имя царя Александра II, увековеченное в названии архипелага *Alexander Archipelago* и города *Alexander Port (Port Alexander)*, расположенного на одном из островов этого архипелага. Интересно отметить, что архипелаг Александр II открыл русский мореплавец А.И. Чirikов, чье имя тоже увековечено на карте Аляски (*Chirikof Island*). Первооткрыватель принял острова за часть материка, и позднее английский мореплавец Джордж Ванкувер дал им имя короля Георга. Теперешнее название архипелага дала Береговая служба США после продажи Александром Аляску.

Имя первого правителя Аляски Александра Андреевича Баранова, русского купца, 28 лет бывшего главным правителем русских владений в Америке, носит город *Baranof*, расположенный на одноименном острове в составе ранее упомянутого архипелага.

Имя другого правителя русских владений в Америке, включая Аляску (с 1834 по 1841 г.), И.А. Куприянова, участника двух кругосветных плаваний, присвоено трем географическим объектам: городу (*Kupreanof*), острову в архипелаге Александра II (*Kupreanof Island*) и вершине (*Kupreanof Point*).

Предполагают, что остров *Korovin Island* и вулкан *Korovin Volcano* названы в честь известного русского живописца Константина Алексеевича Коровина (1861–1939), с 1923 г. проживавшего за границей и выполнявшего эскизы для театров Европы и Америки. Так, во время гастролей

Ф.И. Шаляпина в США К.А. Коровин оформил для него «Севильского цирюльника». Возможно, этот факт и подвигнул кого-то из эмигрантов увековечить имя великого художника на далекой Аляске, ведь родное имя всегда имело для эмигрантов притягательную силу.

Нетрудно заметить, что жизнь и деятельность всех вышеупомянутых сынов России (именно сынов!) пришлась на временной промежуток от открытия Аляски, когда русские мореплаватели в 1741 г. ступили на ее землю с корабля Алексея Чirikова «Святой Павел» в экспедиции В. Беринга, до ее продажи в 1867 г. и позднее. Однако есть на карте Аляски имена русских деятелей, живших задолго до того, как Аляска отошла Америке. К таким именам относится имя Федора Алексеевича Головина (1650–1706), графа, ближайшего сподвижника Петра I, генерал-адмирала и генерал-фельдмаршала, дипломата, главного руководителя русской внешней политики с 1699 г. Граф Ф.А. Головин активно участвовал в создании русского флота, и, очевидно, потому спустя много лет после его кончины его имя было дано городу на Аляске – *Golovin*. Имя Ф.А. Попова, русского землепроходца, организовавшего в 1647 г. экспедицию в Анадырь, в которой участвовал С.И. Дежнев, открывший пролив между Азией и Америкой, носит остров *Popov Island*.

Не только великие люди были удостоены чести быть увековеченными в географических именах. Например, *Shumagin Islands* – острова Шумагина у южного побережья Аляски, открытые В. Берингом в 1741 г., тоже задолго до того, как Аляска стала американской, обязаны своим названием матросу Н. Шумагину, который умер во время экспедиции на одном из этих островов.

Рамки небольшой статьи, к сожалению, не позволяют подробно рассмотреть все топонимы русского происхождения на карте Аляски. По этой же причине невозможно привести и точный список таких топонимов. Кроме того, интересным представляется рассмотреть этот аспект не только в историческом плане, но и в современном срезе. Однако это может составить предмет другого самостоятельного исследования.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СУБСИСТЕМА ТЕОРИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТИ

С.В. Шустова

Прикамский социальный институт, г. Пермь

Согласно известному тезису Р.О. Якобсона, сущность любого лингвистического исследования заключается в замене знаков одной семиотической системы знаками другой системы [12]. В лингвистике в качестве знаков первой семиотической системы выступает естественный язык, а в качестве второй – метаязык лингвистической теории. Отсюда следует, что описание лингвистической терминологии можно рассматривать как метаязыковую

языковед, направленную на выявление оснований лингвистической науки и установление парадигм языкования, а также их связей с другими научными дисциплинами. Отсутствие соответствий в рамках лингвистической теории и модульное строение языка осложняют исследовательскую деятельность в области языка. Модуль рассматривается как терминологическая подсистема. Модульное строение языка предполагает такой подход к описанию языковой системы, который основан на допущении существования языковых модулей различных типов, связанных между собой сложными отношениями [3, с. 243; 2]. Модульное строение языка репрезентирует наличие таких модулей, которые не могут быть переведены в терминологический мир другого языка. Это положение напрямую соотносится с концепцией семантического языка и теорией семантической валентности (*semantische Valenz, semantische Kongruenz, semantisches Feld, Selektionsregel* и т.д.).

1. Фактивные / каузативные глаголы. Фактивитив рассматривается как каузативный глагол. В узком смысле в германистике используется для обозначения глаголов, образованных от прилагательных, которые могут быть перефразированы конструкцией с глаголом *machen* – *milder machen*. В широком смысле этим термином обозначаются все переходные глаголы, в семантике которых есть смысл CAUS [3, с. 225, 320; 13, с. 212].

Каузатив рассматривается как глагол активного действия, которое осуществляется действующим лицом и вызывает изменения состояния, качества, свойств другого лица или предмета. Каузатив – это глагол со значением «сделать так, чтобы некая ситуация имела место». Основной семантикой каузативного глагола является значение причины: *вызывать, порождать, приводить к, основан, из-за, от, по, потому что, так как, поскольку, потому и другие*. В семантическом языке всем этим словам соответствует одно слово – каузировать [см., например, 1]. В нашей концепции каузативный глагол обозначает взаимодействие двух лиц: одно лицо (каузатор) оказывает воздействие на другое лицо (объект каузации) с целью побудить к выполнению / не выполнению действия, изменению / не изменению состояния. Разрабатывается подход С.Д. Кашельсона. Сущность подхода состоит в том, что каузация актуализируется лишь в случае взаимодействия двух или более лиц, участников каузативной ситуации, то есть в центре внимания находится интерперсональная каузация, которая может быть представлена сферой функционирования следующих разрядов глаголов (разумеется, в классе интерперсональных глаголов является открытым): 1) *каузативы доказательства* – нем.: *be-gründen, belegen, bekräftigen, beweisen, erweisen, nachweisen, überzeugen, bezeugen*; 2) *каузативы демонстрации* – нем.: *aufweisen, aufzeigen, demonstrieren, hindeuten, informieren, hinweisen, erklären*; 3) *каузативы подкрепления* – нем.: *bekräftigen, beschleunigen, bestärken, bezeugen, erhärten, behaupten, bestätigen*; 4) *каузативы опровержения* – нем.: *entkräften, leugnen, widerlegen, widersprechen, bestreiten*; 5) *каузативы логического вывода* – нем.: *ableiten, ableiten, schlussfolgern, verallgemeinern, zusammenfassen*. Данные глаголы от-

ражают каузативную ситуацию: Лицо 1 оказывает воздействие на Лицо 2 с целью модификации информативного состояния. Функционирование каузативных глаголов исследуется с точки зрения теории семантической валентности, которая может быть определена следующим образом: способность слова присоединять другие слова, синтаксическая потенция, заключенная в лексическом значении слова. Концептуальные положения теории валентности представлены в трудах немецких и отечественных лингвистов: J.W. Meiner, K.F. Becker, J.C. Neuse, F. Kern, L.V. Eichinger, R. Emons, G. Helbig, W. Schenkel, T. Herbst, D. Götz, Ю.Д. Апресян, В.Г. Адмони, С.М. Кибардиной, С.Д. Кашельсона и других. Предпринимается попытка определить факторы актуализации различных актов каузативных глаголов и охарактеризовать специфику понятия «актант» в терминологическом мире лингвистов.

2. Актанты – сирконстанты – адьюнкты – свободные распространители – обстоятельство / Ergänzung – Angabe – Mitspieler – Aktant – Ergänzungsbestimmung – Partner. Глагол содержит информацию не только о процессуальном признаке, но и о количестве и ролях своих актантах, а иногда и сирконстантов, и играет, таким образом, организующую роль в порождении семантической структуры предложения. По словам С.Д. Кашельсона, глагол представляет собой «знает будущего предложения», то есть семантическую структуру в свернутом виде. Особое положение глагола обусловлено его валентностью, благодаря которой глагол в своей целостности наиболее близок устройству предложения [см., например, 4; 5; 11]. С.М. Кибардина исследует роль глагола в высказывании и отмечает близость строения глагола предложению, что может быть объяснено спецификой глагольной семантики. Глагол называет ситуацию, которая характеризуется определенным составом участников, пространственными и временными координатами, условиями, причинно-следственными связями с другими ситуациями [8, с. 86, см. также 6; 7]. В семантике глагола как потенциальных синтагм заложены также основные типы смысловых отношений, как агенс – действие, субъект – состояние, действие – объект, свойство – предмет, источник – действие, действие – результат и другие. В рамках каузативной ситуации каузатор определяется как актант, который оказывает определенное воздействие на объект каузации и таким образом каузирует его терминальное состояние. Сам каузатор не является носителем терминального состояния. Объект каузации является актантом, выступающим в роли основного носителя терминального состояния. Объект в качестве участника как воздействия, так и терминального состояния, является центральным, связующим актантом каузативной ситуации. Субъект выступает в роли носителя лишь первого состояния, выполняет в ней факультативную (вторую по значимости после объекта) функцию [10, с. 15]. Низкая частотность актуализации актанта-объекта каузации свидетельствует о коммуникативной факультативности данного актанта, то есть актанта-объекта каузации рассматривается как содержательно обязательный, струк-

турно факультативный актант. Семантическая (содержательная) обязательность участника ситуации «не имеет жесткой связи с обязательностью соответствующей синтаксической позиции» [9, с. 9]. Актант-объект ситуации является, таким образом, синтаксически (и коммуникативно) периферийным участником, однако, в отличие от сирконстанта, сохраняет за собой статус актанта.

Дискуссионным в теории семантической валентности является вопрос о статусе актанта-инструмента. Значение инструмента традиционно рассматривается как сирконстант, однако анализ материала демонстрирует высокую частотность актуализации данного значения: в рамках самостоятельной синтаксической позиции (придаточные предложения, предложенье группы с инструментальными предлогами), наличие синкретизма значений инструментальности и других, например, в позиции актанта-каузатора, инкорпорации.

Таким образом, на примере терминологической субсистемы теории семантической валентности мы попытались продемонстрировать особенности и даже трудности, существующие в метаязыке лингвистики, с которыми сталкивается лингвист при интерпретации того или иного лингвистического термина. Это, по мнению А.Н. Баранова [2], обусловлено, прежде всего, тем, что отсутствует единый общепризнанный концептуальный аппарат, при формировании которого необходимо учитывать не только хорошо известные миру лингвистической терминологии, но и выявлять тенденции ее развития. Своеобразие лингвистического знания проявляется в динамичности лингвистической терминологии, в существовании многочисленных интерпретаций одного и того же термина, а также в наличии синонимии между терминами различных лингвистических парадигм. Обилие терминов-синонимов в языке объясняется дополнительными функциями, которые выполняют собственно лингвистические термины: 1) они являются элементами метаязыка (описание предметной области языка-объекта); 2) они являются социальными маркерами, определяющими принадлежность лингвиста к той или иной теоретической группе.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Язык русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Баранов, А. Н. Выделение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М.: Журнал УРСС, 2001. – 360 с.
3. Баранов, А. Н. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов с английскими эквивалентами / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, АСТ-ПРЕСС МАРТ, 2006. – 496 с.
4. Кашинский, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кашинский. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972. – 216 с.
5. Кашинский, С. Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия / С. Д. Кашинский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
6. Кибардина, С. М. Валентные свойства немецких глаголов / С. М. Кибардина. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1985. – 109 с.

7. Кибардина, С. М. Распространители в структуре предложения (К вопросу о реализации валентности глагола) / С. М. Кибардина // Единицы языка в коммуникативном и номинативном аспектах: межазовский сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1986. – С. 94–100.
8. Кибардина, С. М. Валентность немецкого глагола: дис. ... д-ра филол. наук / С. М. Кибардина. – Л., 1988. – 580 с.
9. Пачуева, Е. В. Принцип композиционности в неформальной семантике / Е. В. Пачуева // Вопросы языкознания. – 1999. – № 5. – С. 3–23.
10. Сильванский, Г. Г. Семантика. Грамматика. Качественная и типологическая лингвистика / Г. Г. Сильванский. – Смоленск: ФГУ «Смоленский ЦНТИ», 2006. – 362 с.
11. Шинкова, Л. В. Синтаксис современного немецкого языка / Л. В. Шинкова, Т. Ю. Смирнова. – М.: АCADEMIA, 2003. – 128 с.
12. Якобсон, Р. О. О лингвистических аспектах перевода. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics/jakobson-78.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – 78 pyc.
13. Meibauer, J. Einführung in die germanistische Linguistik. 2., aktualisierte Auflage, 2007 / J. Meibauer, U. Demske, J. Geilfuß-Wolfgang, J. Pöfel, K. H. Ramers, M. Rothweiler, M. Steinbach. – Stuttgart: Verlagsbuchhandlung und Carl Ernst Poeschel Verlag. – 370 S.

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.Д. Кривых, Н.И. Кривых
Астраханский государственный университет

В информационном (постиндустриальном) обществе увеличивается объем обмена информацией в области науки и техники, и соответственно, умение переводить научно-техническую литературу приобретает большое значение.

Научные статьи, доклады являются наиболее важными источниками поступления информации из-за рубежа. Наиболее типичным лексическим признаком научной и технической литературы является насыщенность текста специальными терминами и терминологическими словосочетаниями. Особое положение термина в лексикологии статьи объясняется тем, что он является носителем специальной научной информации. Термин отличается от обычного слова своим значением. Термины выражают понятия, научно обработанные и свойственные конкретной отрасли науки и техники.

Необходимо отметить мобильность английского научного термина, его способность к модификации, что приводит к появлению сложных терминологических групп. Новые термины появляются столь часто, что возникают проблемы с переводом при отсутствии нового термина в имеющихся словарях.

«Под термином обычно понимается слово (или группа слов), имеющее в пределах данной отрасли или специализации конкретный и единственный смысл, исключающий всякую возможность иного, отличающегося от предусмотренного автором понимания или толкования» [2, с. 34].

В качестве примера можно привести слова и сочетания, относящиеся к компьютерной технологии:

- 1) *carrier* – держатель, носитель;
- 2) *packet switching carrier* – владелец сети связи с коммутируемой линией;
- 3) *common management information protocol* – общий протокол передачи управляющей информации;
- 4) *method of successive approximations* – метод последовательных приближений;
- 5) *light amplification by simulated emission of radiation* – квантовомеханическое усиление или генерация света.

Вышеприведенные примеры показывают, что термин может состоять из одного базового слова (1) или представлять терминологическую группу (2, 4), в состав которой входит базовое слово и несколько правых или левых определений к нему. Иногда количество левых определений становится настолько большим, что термин становится громоздким и его начинают употреблять в сокращенной ((3) СМР), а также в развернутой форме. В научной литературе встречаются также термины, которые употребляются только в сокращенной форме – *laser* (лазер), – причем как в русском, так и в английском языке (5).

Осуществляя технический перевод терминов необходимо помнить, что транслитерационный перевод не всегда является правильным. Существует обширная группа терминов, так называемые «ложные друзья переводчиков» (*data, simulation, illumination, prospect, instrument* и т.д.). В данном случае необходима консультация со специалистами.

Быстрое развитие науки и техники, появление новых идей, разработка новых технологических процессов приводит к появлению новых терминов, являющихся носителями наиболее важной информации.

Правильный перевод новых терминов напрямую зависит от понимания процессов, происходящих при терминологическом образовании:

- 1) аффиксация, то есть образование новых терминов при помощи суффиксов и префиксов, например: *to charge + dis = discharge* (разрядить, снимать нагрузку (с системы)), *to fold + er = folder* (папка);
- 2) словосложение, то есть объединение двух или более слов (или терминов) в одно, например: *flow + chart = flowchart* (блок-схема);
- 3) конверсия, то есть переход слова или термина в другую часть речи без изменения формы, например: *to flip + to flop = flip-flop* (триггер);
- 4) прямые заимствования слов из латинского и греческого языков, например: *вакуум* (в квантовой теории физических полей – низшее энергетическое состояние поля, при котором среднее число частиц – квантов поля – равно нулю), *axis* (ось).

При встрече с новым термином от переводчика требуется как понимание общих принципов терминологического образования, так и знание основных греческих и латинских корней, суффиксов и префиксов, которые участвуют в терминологическом образовании.

«Добавление префикса может в определенных пределах модифицировать или только смешать в требуемом направлении значение исходного термина. В соответствии с выполняемой функцией префиксы такого рода в теории технического перевода получили название префиксов смещения» [2, с. 151].

Возьмем для примера префикс *pre-*, указывающий на предшествующее действие:

- *pre + fetch* – выборка с упреждением;
- *pre + migration* – премиграция (формирование списка файлов, ждущих очередь на миграцию);
- *pre + normalize* – предварительно нормализовать;
- *pre + install* – предварительно настраивать.

- *pre + processor* = *препроцессор, процессор предварительной обработки*;
- *pre + release* = *предварительный выпуск*;
- *pre + shaping* = *предварительное формирование*;
- *pre + sort* = *предварительно сортировать*.

Используя префикс *pre-*, мы получили термины со смещенными в одном и том же направлении значениями.

Очень часто новые термины образуются с помощью суффиксов. Знание того, что с помощью суффиксов *-er, -or, -ent, -ant* можно образовать существительные, обозначающие лицо, механизм или агрегат, при помощи суффиксов *-ion, -ation* – обозначающие состояния или процессы, описанные соответствующими глаголами; при помощи суффикса *-ment* – процесс совершения действия или результат этого процесса; при помощи суффикса *-age* – процесс и состояние, а также измерение и размеры, дает возможность правильного перевода вновь появляющихся терминов. Например:

- *block + age* = *blockage (блокировка)*;
- *hop + er* = *hopper (карман)*;
- *hold + ing* = *holding (блокировка (состояние))*;
- *identify + er* = *identifier (идентификатор)*;
- *apply + ion* = *application (прикладной объект)*;
- *abandon + ment* = *abandonment (оставление (в том числе и в аварийной ситуации))*;

- *claim + ant* = *claimant (предъявляющий права, претендент)*;
- *seal + ant* = *sealant (герметизирующий состав)*.

Изучение способов использования префиксов и суффиксов в словообразовании и их смысловых значений позволяет распознавать и понимать значительно большее количество модифицированных терминов.

Литература

1. Англо-русский словарь по вычислительной технике. – М., 2004.
2. Григоров, В. Б. Как работать с научной статьёй / В. Б. Григоров. – М., 1991.
3. Кейтл, А. Справочник по английскому языку / А. Кейтл [и др.]. – М., 2003.

КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Н.П. Чепель

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

В современном переводе большое количество работ посвящено изучению межкультурной адаптации инокультурных реалий, которые представляют особые сложности для переводчиков. Такие «трудные» для перевода на другой язык реалии очень часто встречаются в художественных произведениях. Ярко выраженная национальная окраска содержания и формы – это

одна из характерных черт художественной литературы в целом, что вполне логично для литературы как для отражения действительности в образах, обусловленных ею же. Как отмечает А.В. Федоров, «национальная окраска – несомненно конкретная особенность литературного произведения, которая может быть выражена и более, и менее ярко» [2, с. 380].

Одним из лексических средств выражения национального и исторического своеобразия литературного произведения являются реалии, то есть слова, которые обозначают понятия и предметы, связанные с эпохой произведения (эпохой его написания или описываемой в нем эпохой). Использование реалий помогает автору произведения создать тот достоверный фон, на котором разворачивается действие, создаются художественные образы, а также реалистически воссоздать картину описываемой эпохи. В процессе перевода сохранение национально-культурных и исторических особенностей художественного произведения является одной из важнейших прагматических задач, стоящих перед переводчиком, поэтому те элементы подлинника, которые непосредственно связаны с культурой и историей данного народа, то есть так называемые исторические реалии, требуют особого внимания.

Одним из широко применяемых способов перевода реалий является калькирование – «буквальный перевод, который передает в новом языке с наибольшей точностью структуру значения языковых знаков языка оригинала с изменением лишь означаемого» [1, с. 73]. В процессе калькирования воспроизводится, прежде всего, основное значение слова, или «первичная семантическая функция слова» (термин Е. Куриловича).

Как подчеркивают многие лингвисты, калькирование представляет не только лингвистический акт, но и явление культурного плана, так как в процессе калькирования происходит соприкосновение двух культур.

По мнению К.О. Флехенштейна, калькирование является одновременно и выражением, и результатом определенной культурной общности нескольких народов. Оно ведет к дальнейшему сближению языков, причем не только к сближению словаря, но и к некоторому культурному сближению, то есть к сближению того своеобразного, внутреннего, что имеется в каждом языке [3, с. 164]. Применяя это прием, переводчик заимствует из иностранного языка ту или иную синтагму и буквально переводит элементы, которые ее составляют: *питейный дом* – *drinking house*; *души* – *souls*; *провинциальный извозчик* – *provincial cabman*.

Помимо полного калькирования применяется неполное калькирование или смешанные случаи, когда только один компонент калькируется (переносится его внутренняя форма), а другой транслитерируется: *волостной старшина* – *the volost elder*; *мирной аист* – *peaceful ail*; *церковный староста* – *the church starost*.

В целом калькирование, как полное, так и неполное, применяется при передаче реалий реже, чем, например, транслитерация. При переводе с

русского языка на английской кальки обычно бывают словосочетаниями: *холодная изба* – cold cottage; *простые мужики* – simple peasants; *земский врач* – Zemstvo doctor.

Именно калькирование обычно используется для перевода составных наименований различных официальных органов, должностей, званий и других наименований официального характера, так как отдельные части таких наименований, как правило, имеют в ПЯ устойчивые соответствия: *коллежский ассессор* – College Assessor; *магистрский советник* – Court-Councillor; *Аулик Councillor*; *губернское правление* – the gubernia council; *земская уездная управа* – Zemstvo uyezd board.

Необходимо отметить, что кальки в целом, как правило, отличаются высокой степенью окказиональности и часто используются для перевода единиц, смысловая нагрузка которых в тексте невелика. В большинстве случаев их употребление ограничено рамками одного перевода. Например: *Он был вальтовотпущенный дворовый человек...* [7, с. 77]; *He was a freed house-serv...* (пер. O. Shartse); *...попынусь честолюбиво, обожму и деревенским кучером, как и извозчиком, дущихся во весь дух через мост...* [5, с. 110]; *...inspired by the ambition common both to town cab-drivers and country coachmen, he dashed headlong across the bridge...* (пер. N. Duddington).

При отсутствии соответствующих повсеместной части подобных кальк либо совершенно непонятны, либо воспринимается неверно. Окказиональный характер их употребления и узкая сфера распространения требует экспликации их объема информации либо в самом контексте, либо в пояснениях к нему, как в следующих примерах:

В так называемой холодной избе – из семей направо – уже возмись две другие бабы... [7; 133]; *In the so-called cold cottage* on the right of the anteroom two other women were already bustling about...* (*a "cold cottage", or church, in Russia means one that is not furnished with the means of heating) [пер. I.F. Haggood]; *И окказиональный сказал ей, что она может жить так, только получив желтый билет и подчинившись осмотру* [6; 9]; *The police officer told her that she could not live in that way, unless she procured a yellow ticket* and submitted herself to a medical examination.*

(*License for prostitutes) [UT – unknown translator].

Единицы ПЯ, являющиеся кальками с единиц ИЯ, обладают той или иной степенью аномальности сочетания слов (collocational abnormality). Этот термин был предложен Дж. Катфордом для описания ситуации, при которой составные части калькированного слова или словосочетания одним фактом совместного употребления «выдают» иноязычное происхождение данной единицы. В самом ПЯ эти элементы в таком сочетании, как правило, не употребляются [4, с. 103]. Сочетания со слишком высокой степенью такого рода аномальности могут вызвать у рецептора перевода недоумение (ср. окказионализм *the apartment of the Presence* – *комната присутствия* [Gogol, Dead Souls, Пер. D.J. Hogarth]).

Учитывая специфику анализируемых лексических единиц, их роль в передаче национально-исторического колорита соответствующих оригинальных произведений, можно было бы предположить, что переводчики будут широко использовать калькирование для передачи на английский язык русских исторических реалий. Однако, как показывает материал нашего исследования применения этого способа перевода заметно ограничено. Русские переводчики используют калькирование в 3,9 % случаев, а инославные – в 4,2 % случаев от общего числа проанализированных примеров.

Литература

1. Иебра, В. Г. Изучение языка и перевод / В. Г. Иебра // Язык. Поэтика. Перевод: сборник научных трудов. – М., 1996. – Вып. 426. – С. 66–76.
2. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистическая проблема) / А. В. Федоров. – СПб.: СПбГУ – М.: ООО «Издательский Дом "Филология Тра"», 2002. – 416 с.
3. Фоменштейн, К. О некоторых теоретических проблемах калькирования / К. Фоменштейн // Этимологические исследования по русскому языку. – М.: Издательство МГУ, 1966. – Вып. 5. – С. 148–172.
4. Catford, J. C. A Linguistic theory of translation / J. C. Catford. – London: Oxford University Press, 1974. – 103 p.
5. Пушкин, А. С. Дубровский / А. С. Пушкин // Капитанская дочка. Проза. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 97–156.
6. Толстой, Л. Н. Воскресение. Романы, Рассказы / Л. Н. Толстой. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 3–446.
7. Тургенев, И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев. – М.: АСТ, 2003. – 295 с.
8. Pushkin, A. Dubrovsky tr. by Natalie Duddington / A. Pushkin. – Access mode: <http://home.freeuk.net/russica2/books/pushk/dub>.
9. Tolstoy, L. Resurrection. UT / L. Tolstoy. – N.-Y.: Crowell, s.a. – 282 p.
10. Turgenev, I. A Hunter's Sketches tr. by Olga Shartse / I. Turgenev. – М.: Raduga Publishers, 2000. – 349 p.
11. Turgenev, I. Memoirs of a Sportsman / I. Turgenev tr. by Isabel F. Haggood. – Boston – N.-Y.: The Jefferson Press, 1903. – 640 p.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА КАК ФАКТОР ОБРАЩЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ
К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Ю.И. Бокатина

Филиал Самарского государственного университета путей сообщения,
г. Рузаевка

В настоящее время в связи с переходом образования на компетентностную и культуросообразную парадигмы намечилось новое, более широкое, понимание сущности данного процесса. Образование обнаруживает тесную связь с развитием личности. Оно рассматривается не только как процесс овладения человеком определенной системой знаний, умений и навыков, но и как способ мышления, необходимый для полноценного включения личности в социальную и культурную жизнь общества. Образование способствует вхождению человека в культуру, выступает как средство передачи ему культурных и духовных ценностей. Именно в культурном пространстве происходит последовательная адаптация человека как существа социального.

Большую роль в освоении школьниками культурных ценностей и исторического опыта предшествующих поколений играет изучение русского языка во всем его многообразии. Как известно, язык является не только средством общения и формой передачи прагматической информации, но и отражением духовной культуры народа, основной формой проявления его национального и личного самосознания. Языковая система представляет форму социальной исторической памяти, которая является результатом неразрывной духовной связи многих поколений. Как отмечает Н.М. Шанский, обучение русскому языку должно быть неразрывно связано с усвоением культуры русского народа, поскольку данное явление есть условие и продукт человеческой культуры, средство выражения сущности народа [3, с. 4].

Создание условий для развития личности школьника на уроках русского языка предусматривает обращение к истокам лингвистического, культурного, исторического опыта предшествующих поколений посредством лингвистической диахронии. История языка актуализирует культурологические аспекты русского языка как учебной дисциплины, акцентирует внимание на социально-исторической информации, лежащей в основе слов. Она способствует приобщению школьников через объяснение лингвистической диахронии к исторической памяти предшествующих поколе-

ний, закрепленной в языковой системе. Основным средством реализации принципа историзма в процессе обучения школьников русскому языку является историческое комментирование. Как отмечает А.Д. Дейкина, данный прием обучения способствует формированию языковой личности учащегося, осознающей языковую систему как материальную и духовную ценность народа [1, с. 5]. Приведем пример исторического комментирования: «Схема дерева жизни хорошо известна из исторических памятников дохристианской Руси: две массивные ветви образуют сердцевидную фигуру (острием вниз); с ветвей свисает плод, как бы стгибающий эти ветви. У места развилки ветвей от ствола отходят в сторону две другие ветви, заканчивающиеся крупными листьями или отягощенные плодами. Что же обозначала буква Ж?»

Буква Ж имела в славянской азбуке свое имя, введенное, как и все остальные, с мнемонической целью – из обозначения букв складывались осмысленные фразы: А (аз) Б (буки) В (веди) – «ж буквы знаю»; Г (глаголь) Д (добро) Е (есть) – «письменность есть добро»; Р (рыи) С (слово) Т (твердо) – «произнеси слово твердо!» Буква Ж называлась в этой системе «живите!» – «произнеси слово твердо!» Слово жемье было не констатацией проживания, а повелительным наклонением от глагола жьить – «живите!» или, более обобщенно, – «пусть все живет!»

Вот почему в белокаменной резьбе на Дмитровском соборе во Владимире свыше 80 раз высечены изображения стилизованного растения в форме «живите!» [2, с. 53].

Осознание исторического смысла, вложенного в название букв, способствует пониманию школьниками памятников искусства, архитектуры, литературы, формированию у них ценностного отношения к языку, постижению мировоззренческих представлений предков (важность образования, бережное отношение к слову, ценность жизни).

История языка позволяет школьникам переосмыслить значение слова, выявить образы, лежащие в основе его семантики. Так, например, учащиеся постигают, что слово *колесо* образовано от древнего славянского слова *клато* со значением «круг»; слово *лазничник*, имеющее первоначальное значение «оспелечник, родственник», образовано от слова *лазляк*; слово *черепок* со значением «обломок разбитого керамического изделия» образовано от слова *череп*, обозначавшего некогда глиняную посуду; наречие *дохла* со значением «без остатка, до основания (преимущественно о том, что створело)» образовано от слова *яло* со значением «дло, пол, основание». Историческое комментирование способствует выделению учащимися общего семантического компонента в значении слов: *долое* и *глаголь*, *врач* и *вруч*, *видимать* и *уло*, *обакше* и *басня*, *город* и *агород*, *улица*, *улей* и *улица*, *дык* и *дыкуле*, *велосипед* и *тубаль*, *портфель* и *трамстарт* и другие.

В некоторых случаях история языка позволяет выявить мировоззренческие представления наших предков. Так, историческая связь слов *коварный*

и *коварь* со значением «кузнец» выявляет представления о божественной сущности огня как стихии; связь слов *время* и *вертеть* отражает мифологические представления славян о круговороте времени; связь слов *чудо* и *чужой* указывает на то, что чудо мог совершить только чужак, пришелец из царства мертвых; связь слов *победа* и *беда* указывает на то, что наши предки воспринимали победу, которую праздновал и победитель, и побежденный, как результат общей для многих беды.

Специфические особенности мировоззрения наших предков отражает историческое комментирование лингвистических понятий. Оно способствует выявлению школьниками соотносительных связей между различными лингвистическими понятиями на основе раскрытия их существенных признаков и показа процесса их становления. Так, при работе с лингвистическим понятием *наречие* внимание учеников обращается на его тесную связь с глаголом. Эта связь обнаруживается уже на уровне терминологии: в древнерусском языке одним из значений слова *речь* было «глаголь». Следовательно, буквальным переводом слова *наречие* на современный русский язык будет искусственное слово *надглаголие* (см. труды В.В. Иванова, З.А. Потихи). Уже древние ученые главную особенность наречия видели в том, что оно должно быть связано с глаголом, уточняя его и сообщая ему четкость и стилистическую выразительность.

Историческое комментирование способствует знакомству школьников с традициями прошлого, историческими реалиями, событиями, условиями существования народа и особенностями его культуры. Так, слово *торжество*, образованное от слова *торг* («рынок»), имело первоначальное значение «праздник на рыночной площади». Прилагательное *подлинный* было связано со словом *длинник*, которым обозначался хлыст, при помощи которого в древнерусском государстве во время суда палач избивал подсудимого для получения достоверных показаний. Словом *нос* (из фразеологизма *остаться с носом*) назывались подарки, которые жених должен был поднести невесте во время сватовства; в случае отказа свадебное подношение не принимали, оно оставалось у жениха.

Историческую память несут в себе различные грамматические категории и формы. Они отражают специфику мышления наших предков, обнаруживают тесную связь с эпохой. Приведем пример исторического комментирования происхождения числительных: «Знаете ли вы, как появились числительные *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят*? Когда наши предки столкнулись с такими большими числами, они задумались над тем, как их называть, как обозначить. Посчитали, и оказалось, что пятьдесят – это пять раз по десять, пять десятков. Так и родилось слово *пятьдесят*. Оно появилось из сочетания *пять* и *десять*, где *десять* – форма родительного падежа множественного числа числительного *десять*, то есть много десятков, несколько десятков. Таким же способом образовались числительные *шестьдесят*: *шесть*

и *десять* (шесть десятков), *семьдесят*: *семь* и *десять* (семь десятков), *восемьдесят*: *восемь* и *десять* (восемь десятков)».

Таким образом, обращение в школе к истории языка является одним из средств передачи школьникам ценностей культуры предшествующих поколений. Приобщение к исторической памяти, заключенной в языке, способствует возрождению духовных и культурных традиций, росту национального самосознания и формированию личности школьника.

Литература

1. Дейкина, А. Д. Воспитание национального самосознания при обучении родному языку / А. Д. Дейкина // Русский язык в школе. – 1993. – № 5. – С. 3–11.
2. Тесты. Русский язык 9 класс. Варианты и ответы централизованного (итогового) тестирования. – М.: Центр тестирования МО РФ, 2003. – 53 с.
3. Шапский, Н. М. Школьный курс русского языка (Актуальные проблемы и возможные решения) / Н. М. Шапский // Русский язык в школе. – 1993. – № 2. – С. 3–8.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АДАПТИВНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ ПРИ ПРОФИЛИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

М.И. Газаева, О.Ю. Гальцева
Московский университет МВД России

Тестирование широко применяется в преподавании иностранного языка как одна из основных форм обучения и контроля и является одним из приоритетных направлений современной методики. Это объясняется рядом уже известных преподавателям преимуществ. Обеспечивая, с одной стороны, возможность бесконфликтного решения ситуаций при сдаче итогового экзамена (процедура тестирования в высокой степени объективна, и оценка независима от мнения педагога), тест обладает и обучающими возможностями.

Авторы статьи хотели бы поделиться опытом использования тестов при профилированном обучении иностранному языку. Применение тестирования на уроках иностранного языка в неязыковом вузе в большинстве случаев значительно повышает мотивацию к изучению языка как средства получения специальности: при использовании тестов в качестве контроля студент имеет возможность объективно оценить свой уровень владения иностранным языком на определенном этапе. Таким образом, студенты учатся оценивать прогресс в собственных знаниях, создается мотивационная основа для дальнейшего изучения языка. Мотивация, в свою очередь, служит одним из психологических факторов успешности контроля и выполняет организующую функцию.

Полетный и итоговый контроль всегда занимал особое место в практике преподавания. В неязыковом вузе студенты осваивают программу по иностранному языку, соответствующую профилю их будущей специально-

сти, то есть языку обучаются профилировано. Перед студентами стоит сложная задача: им необходимо, помимо общего владения иностранным языком, освоить язык специальности как отдельную подсистему, что в будущем обеспечит им необходимый уровень коммуникации в актуальных ситуациях учебно-научной и учебно-профессиональной сферы деятельности. Оценить этот уровень помогает именно тестирование.

Мы используем тест на уроках иностранного языка преимущественно как форму обучающего контроля. Существуют различные определения понятия «тест» – от практически любого вида контрольного задания до набора заданий вида «множественный выбор». В зарубежной практике языкового тестирования различия в трактовке понятия «test» представляются как различия между понятиями «контрольная работа вообще, как основание оценочного суждения» и «контрольная работа, предполагающая специально организованное измерение интересующих нас знаний, умений, навыков».

Мы склонны рассматривать тест как форму контрольно-тренировочного задания, предназначенного для определения (диагностики) уровня обученности и характеризующуюся следующими чертами:

- а) простотой процедуры выполнения;
- б) стандартностью структуры;
- в) мелкой дозировкой учебного материала;
- г) легкостью осуществления;
- д) возможностью непосредственной фиксации результатов;
- е) квалитетическими качествами, то есть удобством количественного выражения качества выполнения задания.

Перечисленные характерные черты тестов делают их особенно пригодными для проведения текущего контроля, в значительной мере устраняя субъективизм в оценках и позволяя экономить время на проверке работ. Тестирование на занятиях по иностранному языку применяется для выявления уровня достижения в определенном виде деятельности, а также трудностей в овладении тем или иным видом деятельности и возможных способов их преодоления.

В зарубежной методической литературе все чаще используется термин «teaching test» – «обучающий тест». Данным термином, по-видимому, целесообразно воспользоваться при противопоставлении тестов этого назначения контролирующим тестам. Такое противопоставление необходимо, поскольку в современном учебном процессе тесты выполняют две различные функции. В зависимости от предписываемой им функции к ним предъявляются различные требования, и составляют они по-разному, хотя внешне очень схожи.

Указанное противопоставление носит условный характер, поскольку почти всякий контроль обучает, а любое упражнение / задание предполагает контроль его выполнения. В данном случае тесты, как и другие упражнения / задания, различаются по их доминирующей цели. К контрольным относятся

те, основной целью которых является установить факт знания / незнания или владения / невладения учащимися тем или иным материалом, умением, деятельностью и соответственно оценить его; цель обучающих тестов – обеспечить усвоение, овладение учащимися тем или иным материалом, умением, деятельностью, и контроль их выполнения выступает для учителя средством управления этим процессом. Тесты могут быть итоговыми или промежуточными (тематическими). Итоговые тесты предназначены для того, чтобы объективно подтвердить достигнутый учащимися уровень обученности. Тематический тест призван способствовать улучшению самого учебного процесса.

Закрепление за тестами обучающей функции представляется оправданным и перспективным в силу самого характера тестовых заданий и их организации – по своей сути они соответствуют назначению упражнения. Выбор ответа из ряда предложенных, объединение языковых единиц по какому-либо признаку, восстановление целого из его частей – это виды работ, в основе которых лежат аналитические операции, направленные на выделение дифференциальных признаков тренируемой единицы, а последние, как известно, составляют основу запоминания языкового материала.

Кроме того, обучающие тесты позволяют в известной мере управлять мыслительной деятельностью студента во время слушания или чтения текста. Как показывает практика, установка, даваемая преподавателем перед восприятием речи на слух или чтением текста, часто бывает недостаточной для того, чтобы оказать существенное влияние на характер протекания мыслительной деятельности обучающегося. Установка должна обязательно подкрепляться соответствующей формой контроля понимания прослушанного / прочитанного, поскольку студент в основном слушает или читает так, как его затем проверяют. Вот почему использование теста, в котором указывается, что важно для понимания при той или иной установке, приучает студентов варьировать процесс переработки воспринимаемой информации в зависимости от поставленной цели, то есть пользоваться разными видами аудирования и чтения.

Диапазон применения тестов в обучающей функции довольно широк, причем их учебная ценность не вызывает сомнений. Тестирование в качестве текущего обучающего контроля пока, к сожалению, недостаточно широко применяется, предпочтение отдается традиционным контрольным работам. Безусловно, тест пока еще не может заменить такую, например, форму итогового контроля, как экзамены, однако, по мнению ведущих методистов, его можно с успехом использовать как одну из форм промежуточного итогового контроля, проводимого, например, по окончании цикла занятий (achievement tests).

Авторы статьи используют обучающе-контролирующие мини-тесты, разработанные для каждой темы курса. Студентам предлагается выполнять данные мини-тесты по мере прохождения материала курса в течение всего

семестра, что не отменяет написание традиционной контрольной работы, а прогнозирует возможные трудности в ее написании.

В качестве примера можно привести мини-тест по теме "US Government" для II курса (1 вариант).

1. Выберите правильный вариант:

1. The US government is composed of:
a) secretaries of government departments b) the Congressmen
c) three branches d) governors

2. The highest executive power is vested in:
a) State Secretary b) the Chief Justice
c) the Senate d) the President

(всего 10 баллов, по 5 за каждый правильный ответ).

2. Выберите нужные по смыслу глаголы:

- a) The President of the US for a term of 4 years.
b) The Congress of two chambers; the Senate and the House of Representatives.

- c) The US into 11 judicial circuits.
d) Most criminal and civil cases by district courts.
e) Federal Judges, ambassadors to other countries... by the President.
(to be elected, to be composed, to be divided, to be appointed, to be tried)
(всего 15 баллов, по 3 балла за каждый правильный ответ).

3. Закончите предложения:

- a) The President of the US must be...
b) In order to become a law all bills must pass...
c) The Supreme Court of the US consists of...
(всего 15 баллов, по 5 за каждый правильный ответ).

Всего 40 баллов.

После написания мини-теста преподаватель анализирует ошибки и (после разбора ошибок в группе), если тест не был пройден, предлагает студентам в качестве самостоятельной работы другой тест, другого варианта и, возможно, другого уровня. Преподаватель имеет в своем распоряжении несколько вариантов данного мини-теста для повторной проверки, но уже в качестве самостоятельной работы во внеаудиторное время или на уроке.

Мини-тест как обучающий контроль не должен, по мнению авторов, быть объемным. Обычный мини-тест включает небольшую часть пройденного материала и нацелен на отработку определенных конструкций, по сути представляя контрольные упражнения. Такие мини-тесты (на основе определенной модели) составляются преподавателем с учетом особенностей каждой определенной группы, каждый раз адаптируясь в зависимости от уровня, скорости прохождения материала, прогнозируемых трудностей. Данный тип тестов может использоваться даже для поурочного контроля. Тесты компактны, позволяют рационально сочетать контроль и закрепление материала, их содержание постоянно обновляется. У преподавателя

имеется определенная модель, по которой он подставляет в мини-тест те или иные требуемые конструкции или вопросы. При построении теста соблюдается принцип постепенного нарастания трудностей. Наиболее часто применяется тест выбора ответа из ряда альтернатив по формальному или семантическому признаку. Предлагаемые альтернативы во всех заданиях одинаковы по количеству (3-5), правдивы по заданному признаку, одинаковы по длине, включают типичные ошибки, связанные с возникновением ложных аналогий. Разработаны и мини-тесты, где из двух форм тестовых заданий – с выбором ответа и с самостоятельным конструированием ответа – предпочтение отдается второму варианту (тесты с открытым ответом).

Главное в подобных мини-тестах – скорость их выполнения, поскольку она свидетельствует о сформированности определенного навыка, о его автоматизированности. Каждое задание оценивается в баллах, в зависимости от его важности и сложности. В целом по 100-балльной шкале оценивается комплекс из 2-3 мини-тестов по определенной теме. Если студент набрал в сумме комплекс 86-100 баллов, то это оценка «отлично», тема считается усвоенной, 76-85 баллов – это «хорошо», 60-75 – «удовлетворительно», менее 60 баллов – тема считается неусвоенной, рекомендуется повторное предъявление другого варианта теста. Перевод баллов в традиционные оценки делается на основе имеющихся в литературе рекомендаций [5].

Адаптивность – один из важнейших принципов разработки данных мини-тестов: преподаватель имеет возможность подобрать вариант мини-теста индивидуально для каждого студента группы, учитывая посильную трудность заданий и прогресс в усвоении материала. Нарастание трудностей теста производится последовательно, от простого к сложному.

Применяя мини-тесты в качестве обучающего контроля на уроках иностранного языка, авторы, безусловно, не ставят перед собой задачу сертификационного тестирования. Этот метод – тестирование учебное. Вместе с тем студент привыкает к тестированию как обычной форме проверки знаний и умений. Практика использования мини-тестов на занятиях по иностранному языку, по мнению авторов, способствует повышению эффективности учебного процесса.

Успех в обучении иностранному языку во многом зависит от того, в какой степени качество знаний студентов находится в поле зрения преподавателя и какое внимание уделяется профилактике ошибок. Именно поэтому полезно осуществлять проверку знаний сразу всех обучающихся в форме небольших по объему тестов. Не подменяя плановый контроль знаний, тесты являются не только «наиболее экономной формой контроля», как отмечала Г.В. Рогова, но и более объективным показателем степени усвоения языкового материала, чем данные текущей индивидуальной проверки. Систематическое тестирование стимулирует активность и внимание студентов на занятиях, повышает их ответственность при выполнении учебных заданий. Результаты проверки тестов служат для преподавателя, с одной стороны, показателем уровня знаний студентов, а с другой, – оцен-

кой работы его самого, что позволяет внести необходимые коррективы в процесс обучения. С целью профилактики студентам рекомендуется записывать типичные ошибки, дополняя их правилами, разъясняющими ту или иную грамматическую структуру, и несколькими наиболее характерными и четкими примерами на употребление ее в речи. Практика показывает, что контроль в тестовой форме эффективен на определенных этапах обучения не столько в качестве итогового, а именно в качестве текущего контроля, в значительной степени также способствуя рациональному использованию аудиторного времени.

Литература

1. Брейтман, М. Е. О контроле базового уровня обученности / М. Е. Брейтман // Иностранные языки в школе. – 1991. – № 2.
2. Временный государственный образовательный стандарт. Общее среднее образование / Министерство образования РФ в лаборатории обучения иностранным языкам, Академии образования. – М., 1993.
3. Демисова, Л. Г. Об итоговом контроле обученности иностранным языкам / Л. Г. Демисова, В. Н. Сивков // Иностранные языки в школе. – 1995. – № 2.
4. Королева, О. Л. Использование тестирования в старших классах / О. Л. Королева, Н. В. Пастух // Контроль в обучении иностранным языкам в средней школе: книга для учителя. Из опыта работы / ред.-сост. В. А. Слободников. – М.: Просвещение, 1986.
5. Перфилова, И. Л. О системе всеступенчатого тестирования иностранных абитуриентов / И. Л. Перфилова, Т. В. Соколова // Международное образование: итоги и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию ИИЯЦ Центра международного образования МГУ им. М. В. Ломоносова (22–24 ноября 2004 г.). – М., 2004.
6. Поляков, О. Г. Рекомендации по подготовке и использованию итогового теста за базовый курс обучения иностранному языку / О. Г. Поляков, И. Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 1996. – № 3.
7. Рабинович, Ф. М. Контроль на уроке иностранного языка / Ф. М. Рабинович // Иностранные языки в школе. – 1987. – № 1.
8. Рапопорт, И. А. Прагматические тесты: сущность, специфика, перспективы / И. А. Рапопорт // Иностранные языки в школе. – 1985. – № 2.
9. Рогова, Г. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сухарова. – М.: Просвещение, 1991.
10. Розенкранц, М. В. Использование тестовой методики при обучении чтению текстов различных функциональных стилей в старших классах / М. В. Розенкранц // Контроль в обучении иностранным языкам в средней школе: книга для учителя. Из опыта работы / ред.-сост. В. А. Слободников. – М.: Просвещение, 1986.
11. Розенкранц, М. В. Использование тестовой методики при обучении чтению иноязычных текстов / М. В. Розенкранц. – Хабаровск, 1984.
12. Румянцева, Н. М. Проблемы адаптивного тестирования в адаптации тестов к национальным и личностным особенностям тестируемых / Н. М. Румянцева. – Режим доступа: <http://www.fupm.tsetog.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Поломина, С. К. Тестирование в обучении иностранному языку / С. К. Поломина // Иностранные языки в школе. – 1986. – № 2.
14. Taylor, W. Cloze Procedure: a New Tool for Measuring Readability / W. Taylor // *Journal Quarterly*. – 1953. – № 30.

РЕФЕРИРОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ КАК СРЕДСТВО МОТИВАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

М.Н. Галаева, Н.В. Новоселова
Российский университет дружбы народов, г. Москва

В последнее время в методической литературе много говорят о роли мотивации при обучении иностранным языкам и, в частности, при обучении русскому языку как иностранному. Нельзя не согласиться с тем, что мотивация открывает путь к повышенной эффективности учебного процесса. познавательный интерес как мотив учебной деятельности студента, связанный с его специальностью, обладает наибольшей побудительной силой. Развитие этого интереса стоит в ряду первоочередных задач обучения. Интерес проявляется в желании как можно больше узнать об интересующем предмете, а успешный поиск знаний доставляет радость и чувство удовлетворения.

Если говорить об обучении русскому языку как языку будущей специальности, то в этом случае язык не дается как самоцель, ему обучают больше как средство. При овладении языком специальности недостаточно заучивать термины и уметь переводить их. Нужно воспринимать их в контексте, уметь найти подходящий эквивалент в родном языке. По мнению авторов, этому можно успешно обучать студента, используя такой вид работы, как чтение аутентичных текстов и выполнение их реферативного перевода.

Для многих студентов освоение языка специальности на этапе перехода к чтению сложных текстов ставится неинтересным из-за того, что текстовый материал не отражает реальных ситуаций речевого общения, в отличие от уроков грамматики. Необходимость частого обращения к словарю, трудность темы как таковой – все это ставит непреодолимую преграду на пути к восприятию читаемого – следовательно, падает интерес, пропадает мотивация, эффективность обучения снижается. А ведь именно чтение, как мы знаем, в наибольшей степени расширяет пассивный словарный запас, развивает языковую догадку и – что является собственно целью для студентов – позволяет получить дополнительную информацию, связанную с будущей специальностью студента.

Опыт работы показывает, что потери интереса к изучению языка специальности можно избежать, если адумчиво подойти к отбору текстового материала уроков. Авторы в качестве эксперимента в группах второго года обучения попробовали использовать неадаптированные тексты из всем известной книги «Занимательная физика» Я.И. Перельмана. Достоинство данных текстов в том, что они описывают привычные физические явления доступным, простым, но не примитивным языком, подавая информацию о научных фактах как занимательную и тем самым вызывая у студентов живой интерес. Некоторые тексты были лишь незначительным образом адаптированы, в большинстве же случаев они приводились без какой-либо переработки. Тек-

сты сопровождалась рядом претекстовых и послетекстовых упражнений, направленных на то, чтобы снять языковые трудности, обратить внимание студентов на необходимые и запомнившие языковые единицы, помочь им понять логическое построение текста, увидеть главную мысль. Приступая к чтению текста, студент должен уточнить значение определенных слов в словаре. Послетекстовые упражнения обязательно включают задания на составление различных форм конспекта, плана-схемы – то есть форм сжатого изложения, которые подразумевают компрессию текста.

Для контроля понимания в процессе чтения мы предлагаем использовать избирательные тесты множественного выбора в следующих разновидностях: а) выбор правильного ответа на вопрос; б) завершение начатого высказывания на основе предложенных тезисов; в) расположение по порядку, группировка фактов; г) перекрестный выбор, установление соответствий; д) вычеркивание специально вставленных лишних слов; е) заполнение пробелов специально пропущенными словами.

Чтение текстов на русском языке с их последующим реферированием с опорой на систему упражнений – это первый этап. В качестве следующего этапа авторы используют такую форму работы, как реферативный перевод. Реферативный перевод может использоваться, как только у студента сформирован навык чтения. В практике преподавания русского как иностранного реферативный перевод выступает в учебной функции, помогает формировать у студентов навыки трансформации лексических и грамматических средств языка. Реферирование как таковое – одно из наиболее рациональных средств обработки научной информации. Умение реферировать – это необходимое качество для любой интеллектуальной деятельности, как учебной, так и профессиональной.

Формы реферирования могут различаться в зависимости от этапа обучения: для более продвинутого этапа возможна работа с текстами на родном языке с последующим изложением содержания на русском, как более простая форма работы используется реферирование текста на русском языке. Работа с текстами на родном языке с последующим изложением на русском является более сложной задачей, поэтому ей предшествует реферирование текстов на русском языке.

В чем суть реферативного перевода? Выбирается близкая студенту тема по его специальности. Предлагается подобрать 2–3 источника на родном языке студента с последующим реферативным – то есть неполным, недословным – переводом на русский язык, при этом основным требованием является смысловая компрессия информации с последующим ее изложением в письменном виде на русском языке. Проанализировав источники на родном языке, студент составляет реферат на заданную тему, затем осуществляет его реферативный перевод на русский язык, в заключение приводит собственные выводы – опять же на русском языке, после чего отдает работу на проверку преподавателю.

Сам термин «реферативный перевод» достаточно условный, от студента требуется не перевод как таковой, а именно поиск точных эквивалентов, использование сложных грамматических конструкций. Задача, стоящая при выполнении реферативного перевода, – передача смысла текста с помощью той грамматики и словарного запаса, которые имеются у студента на соответствующем этапе обучения. При этом перевод выступает не как цель, а как средство – чтобы проверить уровень сформированности речевых навыков. Первоочередная роль отводится фактору мотивации. Во многих группах имеются студенты, уже обладающие знаниями по выбранной профессии, в этом случае мы, обучая их русскому языку, отталкиваемся от имеющихся у них знаний по специальности.

При профильном обучении языку – а именно о таком обучении идет речь – вместе с языковой компетентностью развивается и профессиональная компетентность, обучение языку ориентировано на подготовку специалиста.

Согласно методическому опыту, важным условием успешного становления познавательного интереса является достаточно высокий уровень сформированности необходимых умений и навыков оперирования языковым материалом текста, обеспечивающим успешное выполнение речевой деятельности. Чем ниже этот уровень, тем больше опасность разрушения интереса. С другой стороны, если материал реферированного текста интересен сам по себе, язык является средством для решения жизненной задачи – получения и передачи информации, он является носителем смысла, что снимает закономерно возникающие трудности при выполнении задания. Опыт показывает, что использование подобных видов работы способствует развитию интереса к изучению языка.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ IV-V КУРСОВ ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

*Н.В. Демьяненко
Томский политехнический университет*

Практическое овладение иностранным языком является одним из требований, предъявляемых к высококвалифицированному специалисту сегодняшнего дня. Обществу нужны специалисты высокой квалификации, обладающие незаурядными знаниями, умеющие творчески подходить к возникающим в процессе трудовой деятельности проблемам, постоянно повышающие свою квалификацию путем изучения новейших достижений науки и техники. Научить будущего специалиста пользоваться иностранным языком в практических целях – одна из задач преподавания иностранного языка в вузе.

В Томском политехническом университете студенты изучают иностранный язык по углубленной программе с расширенной сеткой часов. Дисциплина «Иностранный язык» является обязательной дисциплиной федерального компонента цикла общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин в государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования, а также национально-регионального компонента и включена в учебные планы для всех направлений, специальностей и форм обучения [1, с. 1-3].

Дисциплина «Профессиональный иностранный язык» на 4 и 5 курсах тесно связана со специальными дисциплинами. Обучение иностранному языку в сфере профессиональной коммуникации на уровне практического владения им как средством межкультурной профессиональной коммуникации осуществляется на основе интеграции и синтеза языковой и предметной составляющих в контексте направления подготовки будущего специалиста [3, с. 23-25].

Программа состоит из базового и вариативного компонентов. Базовым компонентом является дисциплина «Профессиональный иностранный язык», в рамках которой формируются умения и навыки осуществления различных видов речевой деятельности в ситуациях, характерных для профессионального общения, а также происходит усвоение грамматического материала и специальной лексики. Базовый компонент включается в учебный план всех направлений и специальностей в виде семестровых модулей в объеме 3 часа / нед. аудиторной работы (7, 8 семестры), при подготовке бакалавров / дипломированных специалистов – 2 часа / нед. аудиторной работы (9, 10 семестры) [1, с. 4].

Названия и содержание модулей, составляющих базовый компонент обучения профессиональному иностранному языку, определяется во взаимодействии преподавателей кафедр иностранного языка и преподавателей профилирующих кафедр факультета. В основу модуля положен тематический принцип отбора учебного материала, соответствующего основным дисциплинам специальности для каждого факультета.

Практической задачей модуля является развитие компонентов коммуникативной компетенции во всех видах иноязычной речевой деятельности – чтении, говорении, аудировании и письме, а также формирование общеакадемических умений и навыков, способствующих приобретению и обновлению знаний в профессиональной сфере [7, с. 1-6].

Каждый модуль включает четыре темы и перечень грамматического и терминологического материала, подлежащего усвоению. Каждая тема может быть представлена подтемами.

Вариативный компонент представляет реализацию части дисциплины на иностранном языке (до 2-х общепрофессиональных или специальных дисциплин учебного плана в каждом семестре в объеме 8 часов). Реализация вариативного компонента также осуществляется во взаимодействии преподавателей специализированных кафедр иностранного языка и преподавателей про-

филирующих кафедр факультета. Преподаватели кафедр иностранного языка совместно с преподавателем профильной кафедры определяют содержание вариативного компонента. При необходимости преподаватели-лингвисты выделяют часы в рамках дисциплины «Профессиональный иностранный язык» для подготовки студентов к эффективному участию в части дисциплины на иностранном языке. Они также принимают участие в проведении преподавателями профилирующих кафедр части дисциплины на иностранном языке, проводят консультации с преподавателями профилирующих кафедр, помогают разрабатывать методические материалы для проведения части дисциплины на иностранном языке [7, с. 8-10].

Хотелось бы подробнее остановиться на таком понятии, как взаимодействие преподавателей специализированных кафедр иностранного языка и преподавателей профилирующих кафедр факультета. В Томском политехническом университете ему отводится очень большая роль. Каждый преподаватель-лингвист прикомандирован к одной или нескольким профилирующим кафедрам факультета. Составляется план взаимодействия на учебный год, в который включены следующие позиции:

- 1) реализация вариативного компонента «Профессиональный иностранный язык», о котором уже говорилось выше;
- 2) мониторинг и повышение уровня владения ИЯ сотрудников профилирующих кафедр: преподаватели-лингвисты осуществляют ряд мероприятий, направленных на повышение уровня владения ИЯ сотрудников профилирующих кафедр факультета;
- 3) международная деятельность: помощь преподавателей-лингвистов в сопровождении различных международных конференций, в переписке с зарубежными партнерами, а также в выполнении различного рода переводов, редактировании статей и докладов на иностранном языке.

В качестве примера приводим план взаимодействия штота данной статьи и профилирующей кафедры прикладной физики физико-технического факультета ТПУ.

План взаимодействия старшего преподавателя МКПИЯ Демьяненко Н.В. с профилирующей кафедрой прикладной физики (ПФ) факультета ФТФ в 2008/09 уч. году.

Виды работ	Трудоемкость, ч	Сроки выполнения	Отметки о выш.
<p><i>Реализация вариативного компонента «Профессиональный иностранный язык»</i></p> <p>Помощь в разработке учебно-методических материалов (лабораторных занятий) по дисциплинам «Физика твердого тела», «Взаимодействие излучения с веществом», «Инструментальные методы радиационной безопасности», «Экспериментальные методы ядерной физики», «Физика шашки», «Спектрометрия в радиожизелогии», «Дозиметрия и защита от излучений»</p>	40	Сентябрь – июнь	

Помощь преподавателям кафедры в подготовке методического обеспечения для проведения занятий на английском языке	15	Сентябрь – июль
Мониторинг и поддержание / повышение уровня владения ИЯ сотрудниками профильных кафедр		
Анкетирование преподавателей кафедры на определение уровня владения английским языком	10	Октябрь
Проведение тестирования преподавателей кафедры, желающих определить свой уровень владения английским языком. Проверка и анализ результатов тестирования	20	Сентябрь – июль
Разработка плана совместных мероприятий по поддержке уровня владения ИЯ сотрудников кафедры	10	Сентябрь – май
Проведение консультаций для преподавателей кафедры по повышению уровня владения ИЯ	20	Октябрь – июль
Международная деятельность		
Помощь в редактировании докладов и статей на английском языке (аспиранты кафедры)	30	Сентябрь – июль
Консультации по переводу сайта кафедры ПФ на английский язык	25	Сентябрь – июль
Подготовка сайта лаборатории «Фотон» на английском языке	50	Ноябрь – июль
Другие направления работы		

В заключение хотелось бы отметить, что в последние годы в Томском политехническом университете проделана большая работа по совершенствованию процесса обучения иностранному языку, повышены требования к преподаванию данной дисциплины. Дисциплине «Профессиональный иностранный язык» уделяется особое внимание, так как она, несомненно, важна в подготовке специалистов по программе высшего профессионального образования как необходимое условие для обеспечения конкурентоспособности выпускников на рынке труда, большей гибкости в планировании карьеры, возможности для дальнейшего повышения квалификации.

Литература

1. Временное положение об организации обучения профессиональному иностранному языку в ТПУ от 26.06.2007 г.
2. Гальскова, Н. Д. Теория и практика обучения иностранным языкам: метод. пособие / Н. Д. Гальскова, З. Н. Ханнанкова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 240 с.
3. Примерная программа дисциплины обучения иностранным языкам (в вузах неязыковых специальностей) / Московской государственной лингвистической университет. ГИИИ ИИТ «Информика». – М., 2000.
4. Пассов, Е. И. Программа-концепция коммуникативного языкового образования / Е. И. Пассов. – М.: Просвещение, 2000. – 172 с.
5. Поляков, О. Г. Английский язык для специальных целей: теория и практика: учеб. пособие / О. Г. Поляков. – М.: НИИ-Тезурус, 2003. – 188 с.
6. Профессиональный иностранный язык. Программа для студентов неязыковых специальностей всех факультетов, направлений, специализаций ТПУ, 2008.
7. Требования к уровню языковой подготовки в ТПУ, 2008.

**СЕКЦИЯ 1
ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА**

Р.С. Ашихин, С.Х. Карчаева
Научный дискурс (к определению понятия).....4

М.А. Банщикова
Функционально-прагматический аспект англо-американизмов в немецком газетно-публицистическом дискурсе.....14

Е.В. Белоглазова
Полидискурсивность в контексте идей о дискурсивной гетерогенности.....19

И.В. Истратова
Трансформация образа Прометея в литературе английского романтизма.....23

И.А. Карабань
Речевые акты совета и рекомендации в инструктирующем тексте.....28

О.В. Клокова
Несобственно-вопросительное предложение как способ выражения коммуникативной категории оценки в современном медиадискурсе.....31

Е.В. Кузнецова
Влияние французской литературной традиции на молодое поколение писателей-эмигрантов.....34

Е.В. Кузнецова
Структурно-семантические особенности рассказов Г. Газданова.....39

О.С. Макарова
Частотность лексики в рекламном тексте.....45

О.П. Малышева
Речевые манипулятивные стратегии и тактики в политическом дискурсе США.....48

О.В. Рогова
Семантический повтор в российском и американском политическом дискурсе.....52

Е.И. Серцова
Рассказчик как категория нарративного текста.....56

Е.М. Станпель
Императив в англоязычной рекламе.....59

В.Х. Ушатюков
К статусу гибридных образований как номинативной модели в кабардино-черкесском языке в аспекте языковых контактов.....62

<i>О.С. Федотова</i> Внутреннее физическое состояние как маркер интроспекции персонажа англоязычной художественной прозы.....	70
<i>А.Г. Хорошавина</i> Контекстуальные связи русских фразеологических конструкций с семантикой аргументированного несогласия.....	73

СЕКЦИЯ 2 ЯЗЫК КАК ОДНА ИЗ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

<i>М.С. Белозерова</i> Семантика ядерных английских глаголов, активизирующих субфрейм «изобретение».....	77
<i>Л.М. Бондарева</i> Темпоральные метафоры как средство языковой репрезентации концепта «Время».....	80
<i>В.Н. Васильченко</i> Обрядные фразеологизмы как средство реконструкции этнокультурных архетипов.....	85
<i>О.В. Гаариленко</i> Содержание и структура концепта «Долина» в британской и американской лингвокультурах.....	88
<i>Е.В. Метельская</i> Сравнительно-сопоставительный анализ ассоциаций, вызываемых образами «война» и «мир» у носителей разноструктурных языков (на материале русского, английского, азербайджанского и армянского языков).....	94
<i>О.М. Смирнова</i> Когнитивная лингвистика: реальность сквозь призму языка.....	97
<i>Л.И. Татанова</i> Когнитивные теории как инструменты интерпретации стилистического приема оксюморона.....	103
<i>А.М. Туреханова</i> Фрагмент описания концепта-артефакта «Паровоз» в сознании носителей языка.....	109
<i>Е.А. Федотова</i> Понятийная организация терминосистемы «безопасность производства».....	113
<i>Е.П. Хилько</i> К проблеме передачи содержания культурных концептов.....	117
<i>Н.В. Шестеркина</i> Антропоморфные признаки концепта «Солнце»: на материале русских поговорок.....	121

СЕКЦИЯ 3 ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>М.Р. Аликаева</i> О понятии стилиевой однородности.....	125
<i>Л.С. Аликаева-Жумуева</i> Й.Г. Гамани в современной лингвистической историографии.....	137
<i>Л.В. Бронник</i> Дискурсивно-динамический подход к языку в постструктуралистской парадигме языковедения.....	144
<i>Л.Н. Буланова</i> Фразеологический каламбур как лингвистическое понятие.....	148
<i>С.С. Джуманова, Н.Б. Шербакова</i> К вопросу о тенденциях развития современной лексикографии.....	151
<i>Е.Л. Доценко</i> Перспективы развития юридической лингвистики в Украине.....	154
<i>Н.Д. Кручинкина</i> К вопросу о грамматичности семантики.....	157
<i>Г.В. Рыбчикина</i> Лексикографические представления Ф. Гроуза: к разработке теории англоязычной социолексикографии.....	161
<i>Г.В. Рыбчикина</i> Система стилистических помет в словарях американского лексического субстандарта (на примере словаря Р.Д. Чепмена "American slang").....	165
<i>А.В. Симакова</i> К вопросу наименования лексики с национально-культурным компонентом.....	172
<i>Е.М. Стампель</i> Русские имена на карте Аляски.....	175
<i>С.В. Шустова</i> Терминологическая подсистема теории семантической валентности.....	177

СЕКЦИЯ 4 ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

<i>Л.Д. Криных, И.И. Криных</i> Терминообразование в современном английском языке.....	182
<i>Н.П. Чепель</i> Калькирование как способ перевода русских исторических реалий.....	184

**СЕКЦИЯ 5
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ, ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ
И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Ю.Н. Бокатина

История языка как фактор обращения школьников
к исторической памяти народа 188

М.Н. Галаева, О.Ю. Гальцева

Использование адаптивного тестирования
при профилированном обучении иностранному языку 191

М.Н. Галаева, Н.В. Новоселова

Реферирование аутентичных текстов как средство мотивации
при обучении русскому языку как иностранному 197

Н.В. Демьяненко

Особенности обучения профессиональному иностранному языку
студентов IV-V курсов Томского политехнического университета 199

Уважаемые коллеги!

ЦНТТИМД «Вавилон» приглашает Вас принять участие в нашей новой конференции «**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**» (МК-2-08).

Основные направления и вопросы конференции:

- > лингвистика текста и речевого дискурса;
- > лингвистика в начале нового тысячелетия;
- > лингводидактика как одно из перспективных направлений развития современного языкознания;
- > педагогическая секция.

УСЛОВИЯ УЧАСТИЯ

Авторам для публикации и своевременной подготовки сборника необходимо направить электронной почтой (e-mail: vavilon-asu@yandex.ru) текст(ы) статей объемом от 5 страниц через полуторный интервал в срок до **15 декабря 2008 г.** или отправить по почте текст статьи, электронную версию на дискете и заявку по адресу: 414000, г. Астрахань, пл. Шаумяна 1 а, Астраханский государственный университет, Естественный институт, ауд. 104, ЦНТТИМД «Вавилон», Рабичкиной Галине Владимировне.

Формат текста: Word for Windows – 95/97/2000. **Формат страницы:** А4 (210 × 297 мм). Поля: 25 мм – сверху, снизу, справа, слева. **Шрифт:** размер (кегли) – 14; тип – Times New Roman; абзацные отступы – 1,25. В тексте допускаются рисунки, графики, таблицы – не более 1. **Рисунки, графики, схемы** должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторную графику; **таблицы** – в режиме таблиц. Название печатается прописными буквами, шрифт – жирный. Ниске через один интервал строчными буквами – инициалы и фамилия автора(ов). Далее на следующей строке – полное название организации, город. После отступа в один интервал следует текст. В конце статьи приводится список литературы. В тексте статьи должны присутствовать квадратные скобки, в которых указывается порядковый номер издания по списку литературы, страницы [1, с. 29–31]. Список литературы приводится в алфавитном порядке. **Конечные сноски не допускаются.** В электронном варианте каждая статья должна быть в отдельном файле и иметь отдельную заливку. В имени файла укажите фамилию первого автора и первые три слова названия статьи.

Пример оформления статьи

**ПЕРЕВОД КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ОБМЕНА
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ**
(шрифт 14, интервал 1,5)

И.И. Иванов
Астраханский государственный университет
(шрифт 14, интервал 1,5)

Литература (отступ 1,25)

1.

2.

Конференция проводится в заочной форме.

Ваши материалы будут опубликованы и высланы Вам в феврале 2009 г.

Заявки на участие в конференции просим направлять по адресу: vavilon-asu@yandex.ru или: 414000, г. Астрахань, пл. Шаумяна 1 а, кафедра английского языка и технического перевода ЕИ и ФМИ. Заявки, статьи и перечисленные средства должны поступить в АГУ не позднее 15 декабря 2008 г.

Без предварительной оплаты оргкомитет не имеет возможности опубликовать Ваши материалы!

После отправки материалов по E-mail в течение двух суток Вы должны получить сообщение «Материалы получены», в противном случае повторите отправку, позвоните или свяжитесь с ответственным методистом-организатором за проведение конференции ЦНТПМД «Вавилон» Смирновой Ольгой Борисовной:

тел. (8512) 22-93-47, (8512) 61-09-72, факс (8512) 22-93-47

E-mail: smirnovaob@rambler.ru

ВНИМАНИЕ!

Для участия в конференции с целью возмещения организационных расходов необходимо не позднее 15 декабря 2008 г. перечислить на счет (через Сбербанк РФ):

414056, г. Астрахань, ул. Титишева, 20 а

ИНН 3016009269, КПП 301601001

УФК по АО (АГУ л/сч 06073497480) р/сч 40503810900001000158

Банк: ГРКЦ ГУ Банка России по АО

г. Астрахань, БИК 041203001

код ОКОНХ 92110

код ОГПО 02079218

код дохода 07330201010010000130

Получатель платежа: Астраханский государственный университет.

За одну публикацию абонемент в сумме 500 руб. (за каждую последующую страницу оплата 100 руб.) с обязательным указанием «за участие в конференции МК-2-08» и фамилии участника.

УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА

ОПЛАТУ ПОЧТОВЫМ ПЕРЕВОДОМ НЕ ПРОИЗВОДИТЬ!

Заранее благодарим Вас за проявленный интерес!

Директор ЦНТПМД «Вавилон»
кандидат педагогических наук
Г.В. Рябчикина

208

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ЦНТПМД) «ВАВИЛОН»

Центр научно-технического перевода и методической деятельности «Вавилон» приглашает Вас принять участие в подготовке *II Межвузовского сборника научных трудов по филологии*.

Объем статьи – 5–20 страниц.

Правила оформления текста

Microsoft Word, Times New Roman, 14 кегль, поля 2,5 см со всех сторон, междустрочный интервал 1,5, абзац 1,25 см, выравнивание текста по ширине, нумерация страниц ОТСУТСТВУЕТ.

Оформление 1 страницы текста

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

И.О. Фамилия автора(ов), название учреждения, город

(текст статьи)

Литература

1.

2.

Список литературы – в алфавитном порядке. Внутритекстовые сноски: [Догина, 2005, с. 155].

К статье необходимо приложить сведения об авторе: ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, почтовый адрес (для рассылки сборника), контактный телефон, адрес электронной почты.

Статьи и сведения об авторе принимаются по электронному адресу vavilon-asu@yandex.ru в виде двух приложений (сведения об авторе, статья). В теме письма указать «Сборник по филологии».

Выпуск сборника планируется в феврале 2009 г. Срок предоставления статей – до 1.12.2008 г.

Стоимость публикации – 100 руб. за 1 страницу текста, включая расходы на пересылку сборника.

Оплата производится только после уведомления автора о включении статьи в сборник.

С наилучшими пожеланиями,
директор ЦНТПМД «Вавилон»
Г.В. Рябчикина

209

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Центр научно-технического перевода и методической деятельности
«Вавилон»

Факультет иностранных языков
Кафедра английского языка и технического перевода ЕИ и ФМИ

Международная очная научно-практическая конференция

«Основные проблемы современного языкознания»
(МК – 0509)

с изданием сборника статей

Август – сентябрь 2009 года

Уважаемые коллеги!

Центр научно-технического перевода и методической деятельности «Вавилон», факультет иностранных языков, кафедра английского языка и технического перевода ЕИ и ФМИ Астраханского государственного университета приглашают Вас принять участие в Международной очной научно-практической конференции «Основные проблемы современного языкознания» (МК 0509).

Основные направления конференции:

- лингвистика текста и речевого дискурса;
- лингвистические проблемы в контексте межкультурной коммуникации;
- язык как одна из когнитивных способностей человека;
- теория коммуникации и переводоведение;
- инновационные технологии и инновационные методы обучения иностранным языкам;
- проблемы лингвокраеведения и этнолингвистики;
- языковая картина мира;
- международное сотрудничество в рамках Болонского процесса.

Для участия в конференции необходимо в срок до 25 мая 2009 г. предоставить в оргкомитет:

- 1) заявку на участие в конференции с указанием формы участия (в соответствии с формой заявки);
- 2) материалы доклада, оформленные в соответствии с требованиями, электронной почтой e-mail: vavilon-asu@yandex.ru, smirnovaob@rambler.ru

с указанием «Участие в конференции “Основные проблемы современного языкознания”»;

3) подтвержденные оплаты публикации сканированной копии приложенным файлом.

Материалы доклада высылаются электронной почтой двумя прикрепленными файлами (заявка на участие, материалы доклада). В электронном варианте каждая статья должна быть в отдельном файле. В имени файла укажите фамилию первого автора и первые три слова названия статьи. При отправке материалов электронной почтой обязательно убедитесь в их получении.

Требования к оформлению материалов конференции: Microsoft Word, формат страницы А4, поля – 25 мм со всех сторон, шрифт – Times New Roman, размер (кегли) – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, выравнивание по ширине, ориентация – книжная, без нумерации страниц, без переносов, без постраничных сносок.

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами, шрифт – жирный. Ниже через один интервал по середине, строчными буквами – инициалы и фамилия автора(ов), полное название вуза, город. Далее, после отступа в один интервал, следует текст статьи, выровненный по ширине. Ссылки в тексте оформляются по следующему образцу: [Иванов, 2004, с. 75]. Список литературы приводится в алфавитном порядке в конце статьи.

Пример оформления статьи

ПЕРЕВОД КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ОБМЕНА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

(шрифт 14, интервал 1,5)

И.И. Иванов
Астраханский государственный университет
(шрифт 14, интервал 1,5)

(текст статьи)

Литература
(отступ 1,25)

- 1.
- 2.

Объем предоставляемых статей – от 5 страниц включительно. Стоимость публикации 1 страницы – 100 рублей.

Оплату необходимо перечислить до 25 мая 2009 г. по банковскому реквизитам:

414056, г. Астрахань, ул.Татищева, 20 а
ИНН 3016009269, КПП 301601001
УФК по АО (АГУ л/сч 06073497480) р/сч 40503810900001000158
Банк: ГРКЦ ГУ Банка России по АО
г. Астрахань БИК 041203001
код ОКОНХ 92110
код ОКПО 02079218
код дохода 07330201010010000130
Получатель платежа: Астраханский государственный университет.

При оплате участия в конференции просьба обязательно указать «За участие в конференции "Основные проблемы современного языкознания"» (МК - 0509).

Срок предоставления статей – до 25 мая 2009 г. При условии предоставления статей в срок, сборник будет издан к началу конференции.

Статьи и сведения об авторе(ах) принимаются по электронной почте: Vavilon-asu@yandex.ru, smitnovaob@rambler.ru

Заявка на участие в конференции

Фамилия _____
Имя _____
Отчество _____
Место работы _____
Должность _____
Ученая степень _____
Звание _____
Адрес _____
Телефон рабочий _____
Телефон домашний _____
Факс _____
E-mail _____
Номер платежного поручения или квитанции почтового перевода _____
Требуется ли проживание в гостинице да / нет, номер 1 местный / 2местный _____
Форма участия _____

После получения материалов Вам будет выслано приглашение на участие в конференции. Предполагаемая стоимость организации очного участия составляет 1000 руб. и включает получение пакета участника, кофе-брейк, ознакомительную экскурсию по городу. Все интересующие Вас вопросы Вы можете задать по e-mail: Vavilon-asu@yandex.ru, smitnovaob@rambler.ru и по телефону: 8 (8512) 61-09-72, 8 (8512) 44-00-95 (доб. 130).

Экземпляры сборника будут разосланы в ведущие библиотеки РФ. Будем благодарны за распространение информации о нашей конференции. Заранее благодарим за проявленный интерес.

С наилучшими пожеланиями,
оргкомитет.

212

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Сборник статей
II Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)

30 сентября 2008 г.

Редактор Ю.А. Пова
Компьютерная правка, верстка Т.Н. Юсуповой

Уч.-изд. л. 13,3. Усл. печ. л. 12,3.
Заказ № 1605. Тираж 70 экз.

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20
тел. (8512) 61-09-07 (отдел маркетинга), 54-01-87; тел./факс (8512) 54-01-89,
E-mail: asupress@yandex.ru

